

Фотография. Изображение. Документ. Научный сборник

Вып. 2 (2)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
История фотографии	
<i>Тихонов П.А., Захарова А.А.</i> Семья Тихоновых (1870-е–1980-е гг.) и ее роль в истории отечественной фотографии	4
История коллекций и собраний	
<i>Москаленко А.В.</i> Музей палеографии АН СССР: от собрания древностей Н.П. Лихачева к Институту вспомогательных исторических дисциплин	17
<i>Богданов А.А.</i> Петр Алексеевич Картавов и его коллекции	23
Методология изучения документа	
<i>Ляховицкий Е.А.</i> Классификация в филигранографии: удобство поиска или возможность интерпретации?	38
Историография и библиография	
<i>Быстрова Е.С.</i> Скоропись в русской палеографии	49
Методы и техника исследования документа	
<i>Сиренов А.В.</i> Жалованная грамота Ивана Грозного Владимирскому Успенскому собору 1550 г.: фальсификация и ее выявление оптическими методами	61
<i>Торопова М.В.</i> Современные аспекты установления относительной давности выполнения реквизитов документов	63
<i>Деркачева О.Ю., Сухов Д.А., Хейфец Д.М.</i> Молекулярная спектроскопия как основа экспертной системы различных типов бумаги	66
<i>Сирро С.В.</i> Рентгенфлуоресцентный анализ бумаги в экспертном исследовании русского рисунка (на примере изучения «Петровских малышей» из собрания ГРМ)	72
Аннотации статей	76
Summaries	77
Авторы выпуска	79
Требования к авторским материалам	80
Порядок рецензирования рукописей научных статей, поступивших в редакцию сборника «Фотография. Изображение. Документ.»	82

Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО

Генеральный директор З.М. Коловский

Заместитель генерального директора по научной работе Д.О. Цыпкин

Редколлегия:

кандидат исторических наук Д.О. Цыпкин (РОСФОТО) – ответственный редактор

А.П. Балаченкова (РОСФОТО) – ответственный секретарь

Е.А. Агафонова (РОСФОТО)

доктор юридических наук, профессор А.М. Зинин (МГЮА)

доктор исторических наук В.Ф. Молчанов (РГБ)

доктор филологических наук Г.М. Прохоров (ИРЛИ РАН)

доктор искусствоведения О.Р. Хромов (НИИ ТИИ РАХ)

кандидат исторических наук М.В. Чистякова (ГИМ)

кандидат исторических наук М.А. Шибяев (СПб ГУ)

Корректор О.В. Михайлова

Оригинал-макет, верстка А.А. Тихонова

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Электронная версия сборника находится на сайте www.fid.rosphoto.org

Подписано в печать 20.11.2011. Формат 210x297. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.печ.л.14. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 500 экз. Заказ № 8502

Адрес редакции: 191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д.35;

Тел./ факс (812) 314-12-14; e-mail: office@rosphoto.org

Отпечатано в ООО «Группа М»:

197376, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 4а, строение 3

При поддержке Министерства культуры РФ

От редакции

Второй выпуск сборника «Фотография. Изображение. Документ.» и по тематике, и по авторскому составу является прямым продолжением предыдущего выпуска. Часть публикуемых материалов составляют работы, представленные на международной конференции «Экспертиза и фотография: к юбилею возникновения "исследующей" фотографии и научной экспертизы документов в России», проходившей 29–31 марта 2010 г. в Государственном музейно-выставочном центре РОСФОТО. Другие статьи были предложены редакции в течение этого года.

Проблематика первого сборника сосредоточивалась вокруг вопросов изучения фотографии как одного из видов исторического документа. Настоящий выпуск посвящен другим аспектам исследования документальных памятников. Одним из важнейших направлений экспертизы документов является анализ бумаги. В предлагаемом читателям издании проблеме изучения бумаги документов уделено большое внимание. В статье Е.А. Ляховицкого «Классификация в филигранографии: удобство поиска или возможность интерпретации?» рассмотрены ключевые проблемы методологии классификации маркированных знаков бумаги ручного отлива (филиграней) для решения задач историко-документной экспертизы и источниковедческого исследования. Работа О.Ю. Деркачевой, Д.А. Сухова и Д.М. Хейфеца «Молекулярная спектроскопия как основа экспертной системы различных типов бумаги», как и публикация С.В. Сирро «Рентгенфлуоресцентный анализ бумаги в экспертном исследовании русского рисунка (на примере изучения «Петровских малышей» из собрания ГРМ)», посвящены современным естественнонаучным методам экспертного анализа бумаг.

Во втором выпуске сборника «Фотография. Изображение. Документ.» появились два новых раздела – «История фотографии» и «История коллекций и собраний». Они стали важным дополнением в структуре издания. В разделе «История фотографии» помещена статья П.А. Тихонова и А.А. Захаровой «Семья Тихоновых (1870-е–1980-е гг.) и ее роль в истории отечественной фотографии», рассказывающая об одной из интереснейших отечественных фотографических династий, к которой принадлежал Н.П. Тихонов, сыгравший ключевую роль в организационном становлении фотоаналитического изучения исторических документов в нашей стране. В свою очередь, в разделе «История коллекций и собраний» представлена публикация А.В. Москаленко «Музей палеографии АН СССР: от собрания древностей Н.П. Лихачева к Институту вспомогательных исторических дисциплин», раскрывающая неизвестные страницы в формировании концепции Музея палеографии Н.П. Лихачева. Этот музей был первой попыткой создания в России экспертного центра в области изучения письменных памятников.

Если работы о семье Тихоновых и музее Лихачева так или иначе относятся к истории формирования историко-документной экспертизы, то статья А.А. Богданова «Петр Алексеевич Картавов и его коллекции» имеет другую задачу. Публикация представляет крайне интересную, но до сих пор мало изученную коллекцию П.А. Картавова – собирателя исторических документов, библиофила, библиографа, историка отечественного бумажного производства и источниковеда-любителя. Статья А.А. Богданова должна стать своеобразным прологом к серии публикаций о комплексном исследовании богатейшей коллекции русской штемпельной бумаги, собранной П.А. Картавовым. Экспертному, технологическому и историко-производственному изучению материалов этой коллекции мы планируем посвятить ряд статей в следующих выпусках сборника.

Кроме проблематики изучения бумаги документов и становления экспертного исследования рукописей в России, представляемый выпуск сборника «Фотография. Изображение. Документ.» затрагивает и другие аспекты документной экспертизы. Статья М.В. Тороповой «Современные аспекты установления относительной давности выполнения реквизитов документов» и А.В. Сиренова «Жалованная грамота Ивана Грозного Владимирскому Успенскому собору 1550 г.: фальсификация и ее выявление оптическими методами» посвящены оптическим методам исследования документов и опыту их применения. Публикация Е.С. Быстровой «Скоропись в русской палеографии», помещенная в разделе «Историография и библиография», рассматривает содержание и изменение понятия «скорописи» в историографии истории русского письма. По своему характеру работа является фундаментальным историографическим исследованием. Она открывает в нашем сборнике тематику изучения письма рукописно-книжных памятников и документов.

Сборник «Фотография. Изображение. Документ.» – это единственное в нашей стране издание, в равной мере объединяющее в себе все направления экспертной науки о документе: историко-документную экспертизу, криминалистическую экспертизу документов, историографию экспертного знания, историческое источниковедение, технические средства и методы исследования. Редакция благодарна авторам сборника и его читателям за интерес к нашему изданию и верит, что новый выпуск оправдает их ожидания.

П.А. Тихонов, А.А. Захарова

СЕМЬЯ ТИХОНОВЫХ (1870-е–1980-е гг.) И ЕЕ РОЛЬ
В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФОТОГРАФИИ

Наша статья посвящена уникальной фотографической династии Тихоновых, история которой насчитывает столетие, совпавшее с первым веком в истории фотографии.

Имя Николая Петровича Тихонова (1884–1942), представителя среднего поколения этой семьи, в настоящее время известно наиболее широко. Деятельность этого человека, создателя ЛКРД АН СССР, одного из руководителей ИИТ в составе ГАИМК, крупного специалиста в области естественнонаучного исследования памятников на протяжении последних 20-ти лет не раз становилась предметом специальных исследований и публикаций¹.

Значение трудов Н.П. Тихонова в отечественной науке и, прежде всего, в области разработки специальных методов фотографирования памятников, безусловно, велико.

Однако, говоря о нем как о продолжателе династии, необходимо иметь в виду, что у истоков ее стоял Петр Григорьевич Тихонов (1852–1918), поэтому без понимания именно его вклада в развитие отечественной фотографии невозможно оценить значение династии в целом.

Петра Григорьевича без преувеличения можно назвать самым известным вятским фотографом рубежа XIX–XX вв., чьи работы предвосхитили появление «реалистической»² фотографии. Его имя часто упоминается в связи с именем его ученика, выдающегося фотографа С.А. Лобовикова, широко известного не только в России, но и за рубежом.

В отличие от сына, Петру Григорьевичу Тихонову посвящено гораздо меньше специальных исследований³, хотя его деятельность в области художественной фотографии уже становилась объектом искусствоведческого анализа⁴.

Многое о П.Г. Тихонове сообщается и в воспоминаниях внука, Алексея Николаевича Тихонова (1908–1988), младшего представителя династии. Озаглавленные как «Биография Петра Григорьевича Тихонова», эти воспоминания представляют собой, по сути, саморефлексию трех поколений семьи. Алексей Николаевич указывает, что многое записано со слов отца, но упоминает, что и сам он помнит деда. Таким образом, мнение каждого из них нашло отражение в воспоминаниях, их голоса звучат со страниц этих мемуаров.

Фотограф **Петр Григорьевич Тихонов** был хорошо известен в Вятке в конце XIX–начале XX вв.

Родился он в 1852 г.⁵ Бывший царевкокшайский мещанин, впоследствии вятский второй гильдии купец⁶, Тихонов приехал в Вятскую губернию из Казани в конце 1870-х гг. К этому моменту он уже владел основными знаниями и навыками в области фотографической химии, которым обучился у неизвестного нам казанского фотографа⁷.

В отличие от братьев, ставших писателями⁸, Петр Григорьевич останавливает свой выбор на фотографии, которая постепенно становится его профессиональным занятием⁹. Это позволило П.Г. Тихонову уже к началу XX в. войти в число наиболее заметных и уважаемых граждан Вятки (илл. 1).

Первое время Петр Григорьевич работал в Яранске и Слободском, а в 1881 г. в Вятке он уже открывает собственное фотоателье – «общедоступную фотографию» на Московской улице в доме Лаврова¹⁰.

© П.А. Тихонов, А.А. Захарова

Открытию собственного заведения предшествовала женитьба Петра Григорьевича на сироте, дочери священника, Еремимонии Ивановне. От этого брака родилось семеро детей¹¹. Старший из них, Николай, подобно отцу впоследствии свяжет свою жизнь с фотографией, однако его интересы в этой области будут развиваться уже в рамках научных, нехудожественных направлений.

Дела пошли успешно, и в 1888 г. фотоателье Тихонова переезжает в собственный дом фотографа на Московской улице. Вскоре при нем был открыт магазин писчебумажных и фото-принадлежностей¹². По воспоминаниям Алексея Николаевича Тихонова, магазин был заведен по настоянию супруги Петра Григорьевича, так как он давал «более постоянный доход по сравнению с фотографией деда»¹³. Сохранилась фотография этого дома. Рядом располагался съемочный павильон, одна из стен и крыша которого были стеклянными¹⁴.

В России к этому времени фотография уже становится важным элементом новой визуальной культуры и получает массовое распространение. Как отмечает исследовательница истории Вятской фотографии конца XIX–начала XX вв. О.Г. Новокрещенова, этому способствовали развитие промышленности и торговли, приток сельского населения в города и изменение экономических условий¹⁵. Поиски и эксперименты, не прекращавшиеся на протяжении раннего этапа истории фотографии, способствовали тому, что фотографические технологии начинают входить в самые разные области человеческой деятельности¹⁶. Растущий спрос на фото-специалистов неизбежно приводит к повышению социального статуса фотографа.

Говоря об этом, не стоит забывать, что в России увеличение интереса к фотографии происходит на фоне грандиозных социальных изменений 1860-х–1870-х гг. Этот период характеризуется активной общественной жизнью и ростом личного и гражданского самосознания, что привело в дальнейшем к размыванию сословных границ в российском обществе. В сложившихся условиях профессиональное занятие фотографией давало возможность за относительно короткий срок значительно повысить свой социальный статус, юридически оставаясь в прежнем сословии.

Этот процесс хорошо виден на примере биографии П.Г. Тихонова, который за полтора десятилетия проходит путь от царевкокшайского мещанина к вятскому II-й гильдии купцу, от жителя маленького провинциального города к одному из первых лиц краевого центра, каким была Вятка на рубеже XIX–XX вв.

Его вхождение в профессиональную фотографическую среду происходит в период господства коллодиумной фотографии, отличавшейся высокой трудоемкостью, но дававшей возможность получения большого количества отпечатков¹⁷. Уже на этом этапе Петр Григорьевич проявляет себя как человек высокой самоорганизации и исключительных волевых качеств, готовый многим пожертвовать ради успеха собственного предприятия.

Вот как вспоминает об этом его внук Алексей Николаевич Тихонов: «В те времена фотографировали на "мокром коллодионе", а печатали на "дневных бумагах", выставляя рамки на дневной свет. Рассказывают, что столовые серебряные ложки он превратил в азотнокислые се-

Илл. 1. Ателье С.А. Лобовикова. Петр Григорьевич Тихонов. 1905 г.

ребро, необходимое для процесса, а золотые обручальные кольца в соли золота, нужные для вируирования дневных бумаг». И далее заключает: «Одним словом, П. Г. со свойственной ему решительностью приступил к занятиям фотографией»¹⁸.

В Вятке период конца 1860-х–начала 1880-х гг. был отмечен появлением целой плеяды фотографов, среди которых, помимо П.Г. Тихонова, наиболее востребованными можно назвать П.И. Хлебникова, И.Ф. Рывтинского, В.Е. Бишевского, А.О. Буйневича и Э. Бельзера. Многие из них происходили из числа ссыльных поляков, что наложило отпечаток на особенности развития фотографии в Вятском крае во второй половине XIX–начале XX вв.¹⁹

Чтобы сохранять ведущее место в среде фотографов-профессионалов Вятки, Петр Григорьевич старается использовать самые передовые средства и методы съемки. Многие изобретения находили применение не только в фотографии, но и в быту. Среди них – ацетиленовое, а затем и электрическое освещение, дорогие фотообъективы, приобретенные напрямую у германских производителей, фотоувеличитель с солнечным светом и т. п. Освоение новых способов отнимало много времени и сил, к тому же, как правило, почти не приносило дохода, зато позволяло добиваться высокого качества изображения, что и сделало фотографию Тихонова одной из лучших в городе²⁰.

Благодаря этому, вплоть до конца XIX в. П.Г. Тихонов оставался едва ли не самым посещаемым вятским фото-

Илл. 2. Ателье П.Г. Тихонова. Групповой портрет. Конец XIX в.

графом. Если судить по альбомам контрольных отпечатков 1890-х гг., в его фотоателье, в среднем, делалось около ста снимков-портретов в месяц²¹ (илл. 2, 3).

Необходимость расширения арсенала технических средств и способов съемки вытекала и из многофункциональности самой фотографической технологии, входившей тогда в привычную практику. А это означало, что для успешной деятельности фотографу приходилось постоянно осваивать все новые и новые области приложения фотографии.

О.Г. Новокрещенова выявила весь спектр направлений, в которых работал Петр Григорьевич. Он занимался не только павильонной, но и пейзажной съемкой (виды города, панорамы улиц, интерьеры храмов), репродукцией предметов декоративно-прикладного искусства, оказывал различные фотоуслуги заказчикам (изготовление памятных адресов, альбомов и групповых снимков). Любопытно, что профессиональные навыки П.Г. Тихонова были востребованы не только в области художественной, но и промышленной, и даже научно-исследовательской фотографии: по заказу управления Пермь-Котласской железной дороги он снимал железнодорожные планы и чертежи, а по заказу земства

Илл. 3. Бланк ателье П.Г. Тихонова. Конец XIX в.

Илл. 4. Ателье П.Г. Тихонова. Портрет неизвестного. Конец XIX–начало XX в.

Илл. 5. Ателье П.Г. Тихонова. Портрет неизвестной. Конец XIX–начало XX в.

– кустарные промыслы края²². На серии тихоновских снимков – изображения интерьеров крестьянских изб, в которых вятские кустари сняты с инструментом, сырьем и готовыми изделиями²³. Сегодня эти снимки могут служить важным визуальным источником в изучении истории развития кустарных промыслов Вятской губернии в конце XIX в.

Таким образом, мы видим, что на начальном этапе развития фотографии в России профессиональный фотограф, чтобы завоевать популярность, должен был обладать универсальными навыками. При этом, как отмечает О.Г. Новокрещенова, «постепенное обретение провинциальными фотографиями собственной эстетики» происходило «в органической связи с новыми культурными традициями города»²⁴.

Ключевым моментом здесь становится получение статуса художника. Именно это имеет в виду В.Т. Стигнеев, говоря о том, что фотографы этой поры стремились «занять в обществе положение, равное тому, что занимали художники, с их правами, возможностями, почетом именоваться художником официально»²⁵.

Эта ситуация привела к тому, что на начальном этапе фотография (прежде всего – в портретном жанре) пошла

«по пути подражания <...> изобразительным искусствам: расположение модели перед камерой; общая композиция кадра; из приемов линейной композиции применяли чаще всего фронтальные построения (вся плоскость заполнялась изображением в одном плане), довольно часто – в овале (построение, взятое от жанра акварельного линейного портрета); введение рисованных фонов; использовалась растушевка, сводящая края "рисунка" на нет»²⁶. Результатом такого подражания становится появление канонов фотографического портретного изображения, сама же фотография в глазах образованной публики начинает восприниматься как ремесло, ничего общего с искусством не имеющее²⁷.

Используя ряд проверенных приемов и трафаретов (продуманность поз, свет, расставленные декорации и т.д.), комбинируя написанные на холсте фоны со специфическими натурными предметами и бутафорией, фотограф создавал в своей мастерской особую эстетическую среду, придававшую портретам черты «массовой мещанской фотографии»²⁸.

Таким образом, мы имеем дело с формированием типа массового городского фотографического портрета, примером которого могут служить работы П.Г. Тихонова (илл. 4).

Конструкция его фотопавильона, включавшая стеклянную крышу и одну застекленную стену, позволяла фотографу сочетать верхний и боковой свет при съемке. Как указывает О.Г. Новокрещенова, «контрастного освещения фотографы тогда избегали, и Тихонов старался смягчить переходы от света к тени с помощью экранов-ширм, обтянутых белой тканью, для подсветки с теневой стороны. <...> В тех же целях фотограф устраивал систему занавесей на застекленной стене, что тоже позволяло искусно регулировать освещение»²⁹.

Однако, в отличие от работ предшественников, фото-портреты П.Г. Тихонова демонстрируют более доверительные отношения фотографа и портретируемого, в них нет той монументальности, чопорности и торжественной сдержанности, как в портретах других мастеров. «Обновленная техника съемки позволяла получать нужную резкость изображения в 2-х планах. Но Тихонов не взял себе еще за правило давать в снимке одинаковую проработку всех деталей. Мягкость изображения, особенно в его камерных портретах, оставалась, как и применение легкой ретуши и тонкой "карандашной" растушевки фона», – пишет О.Г. Новокрещенова. Таким образом, фотография Тихонова явилась своеобразным «мостиком» от фотографии «подражательной», к документальной и реалистической, предвосхитила «копирование действительности» в портретах следующего поколения мастеров³⁰ (илл. 5). В то же время, говоря о типологии портретного жанра, можно говорить и о типологии самих фотографов. К сожалению, к настоящему времени нет работ, посвященных этому вопросу. Следуя формальной социальной типологии, Тихонов относится к типу фотографа-купца: крайняя самостоятельность, предприимчивость, способность к деловым рискам и, главное, отношение к фотографии как к предмету торговли – отличительные черты, характерные для представителей этой социальной группы. Показательно, что именно фотография «приводит» мещанина Петра Григорьевича Тихонова в купеческое сословие. Стоит отметить, что по своему менталитету мещанство и мелкое купечество были довольно близки, а многие мещане стремились перейти в купеческое сословие, обладавшее рядом привилегий, и фотография в этом смысле давала новые преимущества.

Высокий профессиональный уровень работ П.Г. Тихонова был отмечен рядом наград на российских и зарубежных выставках. Первую медаль он получает на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 г., а в 1890 г. – следующую, «За трудолюбие и искусство» от Уральского общества любителей естествознания (илл. 6). И, наконец, наивысшей наградой можно считать Золотую медаль и звание члена Национальной академии сельского хозяйства, мануфактур и коммерции в Париже³¹ (о значимости этой награды говорит тот факт, что одним из почетных дипломантов Академии был такой известный фотограф, как А.О. Карелин).

Подтверждением высокой оценки, данной работам Тихонова в профессиональной среде, стало и то, что именно его снимки с видами Вятки были отобраны для публикации в известном издании «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», вышедшем под редакцией русского географа и статистика П.П. Семенова-Тян-Шанского³².

Стоит отметить, что именно Петр Григорьевич считается автором серии первых открыток с видами Вятки, ставших своеобразной данью уважения городу, в котором прошла большая часть его жизни, и где он состоялся как

фотограф³³. В ноябре 1901 г. в Приложении к «Вятским губернским ведомостям» была опубликована заметка: «Местным художником-фотографом П.Г. Тихоновым выпущена серия открытых писем с десятью видами г. Вятки. Рисунки исполнены фототипическим способом заграницей (в Стокгольме) и исполнены прекрасно. Виды следующие: 1) вокзал, 2) реальное училище, 3) вид Вятки с южной стороны, 4) Александровский собор, 5) паромная пристань 6) кафедральный собор, 7) памятник Александру III, 8) вятские типы, 9) церковь преподобного Трифона и 10) Московская улица»³⁴. Открытки вышли в издательстве акционерного общества Гранберга (Стокгольм) очень популярном у российских заказчиков³⁵.

В 1902 г. по заказу П.Г. Тихонова фирмой Гранберг были отпечатаны еще 12 открыток из новой серии – в цветном и черно-белом вариантах: 1) епархиальное училище, 2) духовное училище, 3) духовная семинария, 4) окружной суд, 5) летний клуб, 6) Вятка, 7) мужская гимназия, 8) река Вятка, 9) Александровский собор, 10) женская гимназия, 11) кафедральный собор, 12) дача архиерея³⁶.

Однако, как показали последние исследования, этим сериям предшествовали два открытых письма, выпущенных в фототипии П.Г. Тихонова около 1899 г. По всей

видимости, они явились пробным выпуском, поскольку сюжетно совпадают с открытками серий 1901 и 1902 гг. и сегодня могут считаться первыми видовыми открытками Вятки³⁷.

По мнению А.В. Ревы, снимки Тихонова уже стали «классикой фотографии»³⁸, об этом говорит и то, что некоторые из них можно встретить и в советских изданиях (без указания имени автора)³⁹.

Будучи одним из наиболее заметных граждан Вятки, Петр Григорьевич много и охотно участвовал в общественной жизни города. Это было характерно для всего вятского купечества: жизнь многих его представителей была неразрывно связана с благотворительностью и меценатством, службой в земских учреждениях и другой общественной деятельностью⁴⁰. Так, П.Г. Тихонов много лет состоял гласным уездного земства и городской думы и заведовал мастерской учебных пособий губернского земства⁴¹.

Принимал Петр Григорьевич участие и в благотворительной деятельности. В Приложении к «Вятским губернским ведомостям» за декабрь 1901 г. мы находим упоминание об участии Петра Григорьевича в организации рождественского праздника для бедных детей, «живущих и обучающихся в мастерских города Вятки»⁴².

На протяжении всей своей жизни Тихонов оставался глубоко верующим человеком. В Воскресенском храме, который он посещал более 30-ти лет (все свои вятские годы), он был церковным старостой. Любопытно, что и на этом посту он продолжал оставаться фотографом, а его работы, поднесенные в дар представителям духовенства, расценивались как особый знак уважения. Об этом, в частности, упоминает В.А. Любимов: «Когда в 1896 году на вятскую кафедру вступил новый владыка Алексий, Тихонов со старостами других градских церквей преподнес ему каповый альбом со своими photographиями». В альбом вошли «20 храмовых снимков и 17 портретов тогдашних церковных старост», включая и автопортрет самого П.Г. Тихонова⁴³.

Алексей Николаевич вспоминает, что во время событий 1905 г., Петр Григорьевич «прятал у себя евреев», а сам «выходил с иконами к воротам», и заключает: «Он был христианин и считал, что Бог у всех людей один, а только вера разная»⁴⁴.

В подобную концепцию миропорядка прекрасно укладывались монархические взгляды Петра Григорьевича. Он считал, что и в семье, и в государстве, и в мире должен быть «высший руководитель», а его внук, Алексей Николаевич характеризует деда как «ярого монархиста» и описывает эпизод, связанный с получением известия о кончине императора Александра III: «Как-то Коля и Александра взяли из фотопавильона "Макартовский букет", это был букет из засушенных цветов, зажгли свечку и стали ходить по комнатам, что-то напевая. От неосторожного обращения с огнем букет вспыхнул, кто-то из взрослых подбежал и загоптал огонь ногами, букет был погублен, а это была дорогая вещь, необходимая для съемки. С трепетом ждали, что сделает П.Г. А он вошел, встревоженный, со словами: "Император скончался! <...>". А когда узнал, что дети ходили со свечкой и букетом и пели, решил, что это предчувствие беды. И наказание не состоялось»⁴⁵.

Человек с подобными взглядами не мог оставаться вдали от участия в решении политических вопросов. Помимо деятельности в составе земства, в последние годы Тихонов состоял членом-учредителем Вятской народной монархической партии⁴⁶. Не было бы преувеличением сказать, что он был одним из тех, на ком держалась Российская Империя. Примечательно, что

Илл. 6. Бланк ателье П.Г. Тихонова. Конец XIX–начало XX в.

именно политическая деятельность Петра Григорьевича станет впоследствии причиной его гибели в начале гражданской войны.

Так, постепенно, перед нами проступает портрет этого человека: деятельный и энергичный работник, увлеченный своим делом, требовательный к себе и другим. Взгляды Петра Григорьевича нашли отражение и в патриархальном укладе жизни семьи. Вот как пишет об этом А.В. Рева: «Жили <...> в доме строго по часам, работники обедали за хозяйским столом. Дети воспитывались не столько словом, сколько примером, подростки принимали участие в работе мастерской – безделье в доме не поощрялось»⁴⁷. В то же время вспыльчивый и деспотичный характер Петра Григорьевича порой чувствовали на себе как члены семьи, так и окружающие. Алексей Николаевич вспоминал: «В гневе он мог натворить многое, бывали случаи, что сбрасывал он со стола посуду вместе со скатертью, а потом ему было совестно. Детям часто "попадало на орехи", и только заступничество мамы спасало от порки»⁴⁸.

Семья Тихоновых занимала нижний этаж дома, наверху располагалось общежитие учеников мужской гимназии, которых насчитывалось от 30 до 40 человек. Об обстановке, царившей в доме Тихоновых, можно судить

по воспоминаниям В.Н. Шкляева, чья семья осенью 1901 г. поселилась в небольшом флигеле во дворе дома: «Жили мы у Тихоновых три года. Веселое было время. Большая была компания – гимназисты из пансиона. По двадцать-тридцать человек сразу играли в бабки, в городки, по зимам устраивали в снегу бои, делали в снегу снежные окопы и всякие переходы. Устраивали в снегу глубокие ямы, прикрывали их хворостом, а сверху замаскировывали снегом. И ликовали, радовались, когда противник с треском проваливался в яму»⁴⁹.

На выходные и в праздники во дворе дома устраивались любительские домашние спектакли, в которых принимали участие дети Тихоновых, а также Давид Гутман, впоследствии ставший известным режиссером, и будущая актриса Сара Салин. На эти представления народ собирался со всей округи, а Алексей Николаевич отмечает, что для многих из ребят театр «стал призванием на всю жизнь»⁵⁰.

К началу XX в. фотоателье Тихонова уже не пользовалось такой популярностью, как прежде. Наступало новое время, которое требовало от фотографа большей смелости, реалистичности в изображении действительности, выбора новых, социально более острых тем.

По иронии судьбы, фотопавильон, где еще недавно проводились работы по светописи, заняла живописная мастерская. «Во дворе был застекленный павильон, который уже не использовался для работ по фотографии, его в те годы занимал с небольшой квартиркой при нем живописец вывесок Смирнов, <...> мы с интересом наблюдали, как Смирнов готовит вывески – красит, кладет позолоту и т.д.»⁵¹, – вспоминал В.Н. Шкляев.

В своей мастерской П.Г. Тихонов вырастил нескольких талантливых учеников, составивших уже следующее поколение вятских фотомастеров. Самым успешным из них стал талантливый фотограф-пикториалист Сергей Александрович Лобовиков, который в начале 1880-х гг. был отдан Петру Григорьевичу в услужение. Согласно контракту, заключенному на пять лет, обучение фотоделу было бесплатным. Хозяин предоставлял подмастерью угол, кормил и одевал его, взамен тот должен был выполнять работу по дому, помогая прислуге. Со временем ученик перерос своего учителя, став первым фотографом Вятки. В 1903 г. из-за низких доходов Тихонов был вынужден передать ателье другому своему бывшему ученику, фотографу В.М. Репину, основавшему фирму «Центральная фотография»⁵².

О последних годах жизни одного из самых известных вятских светописцев известно чрезвычайно мало. Сохранившиеся свидетельства сходятся на том, что жизнь Петра Григорьевича Тихонова трагически оборвалась на 67-м году жизни осенью 1918 г., когда в Вятке хозяйничали красные⁵³. По воспоминаниям Т.С. Лобовикова (сына С.А. Лобовикова), П.Г. Тихонов был расстрелян большевиками в 1918 г. в числе других «заложников-черносотенцев»⁵⁴. На это указывает и А.Н. Тихонов: «Видимо, он был арестован, как владелец большой фотографии и дома, и умер в тюрьме или ссылке. Жители Вятки рассказывали, что его везли куда-то вместе с другими арестованными, а куда – никто не знал»⁵⁵.

Старший из детей Петра Григорьевича, **Николай**, родился в 1884 г.⁵⁶ К этому времени его отец уже владел собственным фотоателье, и фотография входила в круг семейных интересов. Это обстоятельство во многом определило дальнейшую судьбу Николая Петровича. Фотография, в широком смысле этого слова, становится делом всей его жизни.

Реального училища Николай не окончил, так как был исключен за ссору с учителем, которому дал пощечину, защищая честь своего товарища. Как ни странно, Петр Григорьевич одобрил поступок сына и вскоре отправил его в Германию для получения заказа на новый объектив⁵⁷. Там Николай основательно пополнил свои познания в фотографии и фототехнике, что сыграло значительную роль в выборе направления его дальнейшей деятельности.

В Вятку Николай возвращается уже сложившимся специалистом в области фотографической технологии, знатоком технических новинок и методов научной съемки.

Он продолжил работу в мастерской отца, но в 1906 г. между ними произошла ссора на политической почве. Петр Григорьевич был настолько рассержен, что даже пытался застрелить сына. Мать, Ермиония Ивановна, уговорила мужа отправить Николая в Екатеринбург, где Тихоновы собирались открыть фотографию⁵⁸. С этого момента начинается самостоятельная жизнь Николая Петровича. В Екатеринбурге он поступает на службу помощником хранителя в музей Общества любителей естествознания, участвует в экспедициях музея, делает серию натуральных снимков ландшафтов Урала, а также выполняет обязанности препаратора музея. При музее он организует фотолaborаторию, где велось микрофотографирование планктона, научная документация и фотографирование археологических предметов для Археологической Комиссии⁵⁹.

В 1907 г. Николай Петрович женится на Елизавете Владимировне Ван-дер-Беллен, дочери горного инженера. В 1908 г. у них родился сын Алексей⁶⁰.

Предприимчивый характер, обширные познания в фотографии и организаторские способности позволили Николаю Петровичу в этом же году открыть собственную фотолaborаторию, а несколько позднее – и небольшую типографию при ней⁶¹.

В круг его интересов теперь входит кинематография, с которой будет связан значительный период жизни. Николай Петрович считал, что подобно фотографии, кинематограф также может служить целям просвещения и культуры⁶².

В 1913 г. в Екатеринбурге выходит первый номер журнала «Разумный кинематограф и наглядные пособия», в котором Тихонов выступает редактором и издателем. Было издано всего четыре номера (один из них – сдвоенный) этого, по сути, единственного до революции специального журнала о научном кинематографе. На страницах журнала мы находим обзор учебных и наглядных пособий для школы, новости проекционного дела, хронику событий из жизни образовательного кинематографа по всей России, опыты критики кинематографических картин. Каждый номер открывается статьей, посвященной одной из проблем образовательного кинематографа и возможностям, которые дает его применение в общественной жизни. В этом издании поднимались не только научные, но и нравственные вопросы, о чем говорят названия статей: «Нужна ли проекционная картинка в школе?», «Пьянство и кинематограф», «Кинематограф и дети»⁶³.

Из-за начавшейся мировой войны, Николай Петрович был вынужден прекратить свою издательскую деятельность (последний, сдвоенный, номер вышел в 1914 г.). Он поступает на государственную службу в ведомство почт и телеграфов⁶⁴.

В начале 1915 г. Николай Петрович предпринимает поездку по городам Сибири и Урала для чтения лекций о причинах и ходе войны. Лекции иллюстрировались цветными световыми картинками, снимками разрушен-

Илл. 7. Н.П. Тихонов (в центре) на занятии со студентами. 1926 г.

Илл. 8. Н.П. Тихонов в ЛКРД АН СССР. 1938 г.

ных местностей и боевых действий, полученными непосредственно с театра войны. Судя по сообщениям газет, лекции эти имели немалый успех⁶⁵.

В 1918 г. Тихонов, находясь на службе Наркомпроса г. Екатеринбурга, был откомандирован в Москву. По распоряжению А.В. Луначарского он был оставлен при создававшемся тогда Фотокинокомитете для организации отделения научной кинематографии. Вскоре Тихонов становится директором Экспериментального института фотографии и кинематографии и остается им вплоть до ликвидации института в 1921 г.⁶⁶

В это время публикуется ряд статей Н.П. Тихонова, посвященных техническим аспектам кинематографа и возможностям его применения в науке («Кинематограф в науке и технике», «Техника кинематографа» и др.)⁶⁷.

В начале 1920-х гг. Николай Петрович был приглашен на должность научного сотрудника в Московский психоневрологический институт, где он разработал метод хронозаписи движений с их последующей математической расшифровкой. Данный метод, названный циклографическим, лег в основу научной деятельности Фотокинолаборатории №1 Центрального института труда, основного на тот момент учреждения в России по изучению трудовых процессов. Тихонов, принимавший непосредственное участие в создании лаборатории, был приглашен на должность ее заведующего⁶⁸.

В 1922 г. Н.П. Тихонову было присвоено звание профессора по кинотехнике и фототехнике. В это же время он избирается профессором и деканом кинотехнического отделения Государственного кинематографического института в Москве, где работает вплоть до 1925 г.⁶⁹

В этот период Тихонов создает ряд научно-популярных фильмов, среди которых «Тиф и борьба с ним», «Пчеловодство», кинокартины по научной организации труда, а также ряд агитационных и хроникальных лент («Возрождение Москвы», «Как большевики укрепляют власть рабочих и крестьян», фильм-карикатура по сценарию Демьяна Бедного и др.)⁷⁰.

Таким образом, к середине 1920-х гг. Н.П. Тихонов становится заметной фигурой в кинематографической среде: он снимает киноленты, читает доклады по вопросам кинематографа, сотрудничает с кино-изданиями («Молодая гвардия», «Киножурнал АРК», «Кино-Фот», «Пролет-Кино», «Кино-газета» и др.)⁷¹, где публикует свои статьи, попутно занимаясь научной и административной работой.

В 1922 г. в своей статье «Фотография», посвященной общественному и научному значению фотографии, Тихонов пишет: «Фотография и кинематография неделимы. Они являются одним общим началом в своем существовании. <...> При помощи фотографии, через нее и ее способами, человечество проникает в дальнейшие познания»⁷².

В это время в деятельности Николая Петровича появляется новое направление – консервационно-реставрационное. Уже с середины 1920-х гг. он, первым в Советской России, занимается фотографическим исследованием и восстановлением фотодокументов (на материале «плохо читаемого» снимка семьи Ульяновых 1920 г.)⁷³.

В 1926 г. Николай Петрович принимает приглашение Ленинградского государственного фотокинотехникума (бывшего Высшего института фотографии и фототехники) читать лекции по научной фотографии и операторскому делу и переезжает с семьей в Ленинград⁷⁴ (илл. 7).

В 1929 г. Н.П. Тихонов переходит на работу в Институт археологической технологии (с 1932 г. – Институт исторической технологии) Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), где участвует в создании лаборатории фотоанализа. Здесь под его началом были проведены фотографические исследования ряда археологических объектов⁷⁵.

К этому времени относится начало многолетней дружбы и научного сотрудничества Николая Петровича и Василия Николаевича Кононова, его коллеги по фотокинотехникуму, талантливого химика, специалиста по микроанализу и фотографии, внесшего значительный вклад в дело исследования и реставрации памятников.

С 1929 по 1934 гг. Николай Петрович переживает стремительный карьерный взлет, пройдя путь от сотрудника до директора Института исторической технологии и члена президиума ГАИМК⁷⁶.

В эти годы Тихонов разрабатывает ряд руководств: «Микрофотография археологических объектов», «Фотография как метод размножения и сохранности документов», «Книга и уход за нею»⁷⁷.

В 1934 г. Н.П. Тихонов уходит с поста директора ИИТ и переходит на должность заведующего кафедрой реставрации и консервации. Вскоре по его инициативе создается Лаборатория консервации и реставрации документов (ЛКРД)⁷⁸. 22 мая 1934 г. в составе Отделения общественных наук АН СССР была утверждена эта новая научная единица, директором которой становится Н.П. Тихонов (илл. 8). Исследования, проводимые Лабораторией, имели большое значение для развития реставрационного дела в нашей стране⁷⁹.

Илл. 9. А.Н. Тихонов. Из блокнота делегата I Всесоюзного съезда профсоюза точного машиностроения. 1937 г.

В 1934 г. Н.П. Тихонов организует при Лаборатории курсы реставраторов, которые окончили многие из ведущих специалистов Москвы и Ленинграда⁸⁰.

В последние годы жизни Николай Петрович много работал над созданием аппарата для дезинфекции и обеспыливания документов, при помощи которого можно было бы обрабатывать документы прямо в хранилищах. Однако важнейшей задачей в работе Лаборатории по-прежнему оставалось создание «документа вечного хранения»⁸¹.

С началом Великой Отечественной войны ЛКРД была переведена на решение практических проблем сохранения памятников в военных условиях и оборонных задач. Во время блокады Лаборатория фактически прекратила свою деятельность, многие сотрудники погибли и было полностью уничтожено оборудование⁹⁰. В феврале 1942 г. от голода умер Николай Петрович Тихонов.

Сын Николая Петровича Тихонова, **Алексей Николаевич**, по примеру отца продолжил занятия фотографией, внося свой вклад в ее развитие. Именно его можно считать первым биографом династии Тихоновых. В личном архиве Алексея Николаевича отложились два вида мемуарных текстов: рукописные тетради, материалы которых мы использовали для воссоздания биографии А.Н. Тихонова, и машинописный текст со следами авторской правки, представляющий собой воспоминания о семье Тихоновых.

Алексей родился в тот период жизни отца, когда Николай Петрович только начинал делать первые шаги в своей научной деятельности. Работа в музее, организация фотографии и цинкографии, создание мастерской наглядных пособий, выпуск журнала, лекции о войне, участие в строительстве городского театра – эти события происходили на глазах юного Алеши и позднее нашли отражение в его воспоминаниях.

В 1916 г. умирает его мать, Елизавета Владимировна. После революции, в 1918 г., отца отправляют в Москву. Алексей живет у друзей семьи, когда в город входят отряды армии Колчака. После наступления Красной Армии летом 1919 г. Алексея отправляют в Москву к отцу. Дальнейшие события его биографии уже связаны с новым периодом жизни страны – становлением Советского государства. Алексей участвует в пионерском отряде, играет в детском театре. В 1926 г., когда после недолгой командировки в Одессу и на Кавказ семья Николая Петровича переезжает в Ленинград, Алексей поступает в Ленинградский фотокинотехникум, где преподает его отец. После окончания техникума в 1930 г. Алексей Николаевич начинает работать на Государственном оптико-механическом заводе (ГОМЗ) им. ОГПУ в Лаборатории шкал и сеток⁸³.

В это время не только ГОМЗ, но и все отечественное приборостроение переживает одну из крупнейших вех в своей истории, характерной особенностью которой становится тесная связь науки и производства: создается новое поколение приборов для военно-морского флота и авиации, ведется разработка и изготовление фотоаппаратов, киноустановок, геодезических и астрономических приборов. Ведущая роль здесь принадлежит ГОМЗу, – лидеру советской оптико-механической промышленности⁸⁴.

Работая в Лаборатории в составе группы инженеров и техников, А.Н. Тихонов участвует в разработке фототехнического метода изготовления шкал и сеток для оптических приборов⁸⁵. Вот как сам он вспоминает об этом времени: «Еще завод ГОЗ только начинали строить, а в старом здании уже организовали Научно-технический отдел, и его руководитель, Иван Алексеевич Шошин, перешел на завод из Оптического института. В НТО работали Сергей Олимпович Максимович и Александр Александрович Ворожбит, они исследовали возможности изготовления фото путем точных шкал и сеток для оптических приборов. Фирма Цейсс не публиковала методов изготовления подобных изделий, а они были нужны для строительства дальномеров. <...> На завод поступили молодые люди, только что окончившие Ленинградский фотокинотехникум (ЛГФКТ), Владимир Бургов и Алексей Тихонов. Перед ними была поставлена одна единственная задача – сделать точную репродукцию с огромного чертежа и отпечатать сетку на стеклянной детали, в 80 мм в диаметре, сетку, содержащую несколько тысяч цифр и линий, она была похожа на паутиннообразную спираль. Странно выглядели в те времена мы: белые халаты, молодые лица и голые сероватого цвета черепа. Это были придуманные нами шапочки, сделанные из половинок детского серого мяча. Каждая пылинка, волосок или пузырек, портили нам продукцию, зачеркивали цифры, пересекали спираль. Эта первая работа, по сеткам высокого класса чистоты, была первым и, пожалуй, самым трудным экзаменом на терпение, тщательность в работе и на изобретательность. Позднее, когда я познакомился в институте с Николаем Максимовичем Селивановым, я узнал, что это единственная верная линия в работе, и она вырабатывается с годами. Когда ведутся подобные работы, то даже разговаривать друг с другом нельзя, лучше всего работать одному. Это похоже на работу под куполом

Фотография. Изображение. Документ. *Вып. 2 (2)*

цирка, одно неосторожное движение и гибнет шкала или сетка, а экспериментатор начинает все снова <...>. Дело расширилось, и была организована самостоятельная Лаборатория точных фотографических шкал и сеток. Воспитанники ЛГФКТ: Олег Крыжановский, Владимир Леонтьев, Евгений Смирнов, Николай Гаврилов присоединились к нам, и мы составили ядро лаборатории. Консультировали от ГОИ⁸⁶: Ф.Л. Бурмистров, Н.М. Селиванов, от Академии наук СССР – Н.П. Тихонов». И далее добавляет: «Это была самая активная и "живая" связь института и завода. Выполнялась мысль Д.С. Рождественского о том, что заводские лаборатории являются соединительным звеном между ГОИ и промышленностью»⁸⁷ (илл. 9).

Как отмечает А.Н. Тихонов, семинары, проходившие в лабораториях Отдела научной фотографии ГОИ, стали для него «школой научного поиска»⁸⁸.

Точная фотосъемка легла в основу еще одного метода, позволившего с ее помощью выполнять разметку металлических деталей. Разработки проводились сотрудниками Лаборатории при непосредственном участии А.Н. Тихонова. Сущность метода заключалась в создании негативов с увеличенных в 50–100 раз точных чертежей детали и перенесении их на заранее подготовленную металлическую поверхность. Для съемки использовались камеры особой конструкции, изготовленные на ГОМЗе⁸⁹.

В 1936 г. семья Тихоновых и Кононовых объединяется в одну большую семью: Алексей Николаевич Тихонов женится на дочери Василия Николаевича, художнице Веронике Васильевне Кононовой, и в 1939 г. у них рождается сын Петр⁹⁰. Однако привычный уклад жизни семьи нарушила начавшаяся война.

В конце июня 1941 г. по решению Государственного Комитета Обороны началась эвакуация предприятий. Семья Алексея Николаевича была эвакуирована в Казань, где шло строительство Казанского оптико-механического завода. Поскольку лаборатория на ГОМЗе была разрушена, на Казанском оптическом заводе создается новая Лаборатория шкал и сеток, которая «самым активным образом влияла на выпуск военных приборов на заводе и в ГОИ»⁹¹. Здесь, при участии А.Н. Тихонова, по заказу фронта начинается выпуск дальномеров и прицелов⁹².

В 1942 г. приходит известие из Ленинграда о смерти Николая Петровича и Марии Петровны Тихоновых⁹³ и уничтожении ЛКРД. Алексей Николаевич вспоминал: «Лаборатория консервации и реставрации документов, расположенная в первом этаже БАН, была разрушена взрывной волной авиабомбы, которая разорвалась против дома № 12. <...> Это было трагическое событие, бомба взорвалась при извлечении ее из грунта, погибли все бойцы МПВО. За месяц до окончания войны я побывал в Ленинграде, зашел в помещение Лаборатории, это было страшное зрелище – взрывная волна выбила все стекла и перевернула в помещении шкафы, приборы и документы. Все было смешано и разбито»⁹⁴.

В создавшихся условиях требовалось принять скорейшие меры по спасению накопленного опыта. После начала наступления советских войск по всему фронту Алексей Николаевич пишет письмо С.И. Вавилову (в то время президенту АН СССР) с просьбой о помощи в спасении Лаборатории. Вскоре, по вызову из Ленинграда для восстановления ЛКРД приезжает А.Н. Тихонов. Начинается долгий период восстановления Лаборатории, которая, по сути, создавалась заново: только к концу 1940-х гг. удалось подобрать кадры и частично восполнить утраченное оборудование. Этот новый, послевоенный этап, стал во многом продолжением и развитием начатых еще Николаем Петровичем исследовательских и практических работ и связан с именами круп-

ных специалистов в области консервации и реставрации документов – В.С. Люблинского и Д.П. Эрстова⁹⁵.

В начале февраля 1951 г. Алексей Николаевич переходит на работу в ГОИ, где он работает сначала в должности старшего инженера, а затем – ведущего конструктора⁹⁶.

После войны Алексей Николаевич близко сходитя с В.В. Данилевским, под руководством которого принимает участие в раскопках фабрики и лаборатории М.В. Ломоносова в Усть-Рудице в составе экспедиции Политехнического института и АН СССР (в этих раскопках также приняли участие Вероника Васильевна и Василий Николаевич Кононовы).

Помимо этого, Алексей Николаевич работает над получением цветных изображений на стекле с использованием фотометода, участвует в создании витража для Пулковской обсерватории, занимается изучением стереофотографии и практическими аспектами ее применения (в том числе для наглядных пособий). Ему принадлежит ряд изобретений в этой области.

С 1968 г., после выхода на пенсию, Алексей Николаевич сотрудничал с Государственным музеем Революции⁹⁶, изучал биографию Д.И. Лещенко (друга семьи и одного из основателей Высшего института фотографии и фототехники), занимался историей семьи, писал воспоминания. Алексея Николаевича Тихонова не стало в 1988 г.

А.Н. Тихонов представлял собой уже следующее поколение российской научно-технической интеллигенции, чья система ценностей сформировалась в период первых пятилеток, когда на первый план выдвинулся новый социальный тип – тип новатора-производственника, к которому с полным правом можно отнести и А.Н. Тихонова.

Таким образом, Тихоновым удалось в пределах трех поколений, совмещая профессиональную и социальную успешность, совершить переход из среды провинциальной интеллигенции небольшого уездного города в академическую среду одного из столичных центров. Определяющим фактором в этом процессе стало занятие фотографией.

¹ Среди них – работы А.Н. Тихонова, П.А. Тихонова, Е.С. Черниной, Д.П. Эрстова (см. ниже). Кроме того, стоит особо отметить, что научная деятельность Н.П. Тихонова стала объектом диссертационного исследования Д.О. Цыпкина (*Цыпкин Д.О.* Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898–1963 гг. (концепции, учреждения, ученые): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 237 с.

² *Новокрещенова О.Г.* История вятской фотографии 1847–1917 гг.: дипломная работа. СПб, 1993 // НА РАХ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 4661. Л. 85.

³ Краткая биография П.Г. Тихонова приводится в статьях Т.А. Дворецкой, В.А. Любимова, А.В. Ревы, Г. Вараксиной, Н. Мартыновой (см. ниже).

⁴ *Новокрещенова О. Г.* Указ. соч. Д. 4661, 4662, 4663.

⁵ Согласно метрическим данным, П.Г. Тихонов родился 29 июня 1852 г. (См.: *Любимов В.А.* Старая Вятка. Квартал за кварталом. Ч. I. На-

чало (От Засоры до Раздерихинской) / 2-е изд., испр., доп. и перераб. Киров, 2007. С. 556).

⁶ Зачисление П.Г. Тихонова в вятские II-й гильдии купцы произошло предположительно в 1893 г. Так, в 1892 г. в «Списке лиц, благотворительных, ученых и учебных учреждений и учреждений правительственных, а также обществ, товариществ и компаний, имеющих на основании п. I ст. 24-й Городского положения 1892 г. право участия на избирательном собрании в выборе гласных Вятской Городской Думы на четырехлетие 1893–1896 гг. <...>» (опубликовано в газете «Вятские губернские ведомости», № 91 от 11 ноября 1892 г.) Петр Григорьевич указан еще как «мещанин», а в 1893 г. в «Списке лиц, избираемых в очередные и запасные присяжные заседатели на 1894 г. по Вятскому уезду на сентябрь месяц 1894 года» (опубликовано в газете «Вятские губернские ведомости», № 101 от 18 декабря 1893 г.) в числе «очередных» присяжных он упомянут уже как купец.

⁷ *Тихонов А.Н.* Биография Петра Григорьевича Тихонова: авто-риз. машинопись // Личный архив П.А. Тихонова. Л. 1–2; *Дворецкая Т.А.* Фотографы дореволюционной Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе: К 625-летию города Кирова (материалы международной конференции). Киров, 1999. С. 397.

⁸ Известные драматурги второй половины XIX–начала XX вв. братья Владимир Алексеевич и Алексей Алексеевич Тихоновы (последний был широко известен в дореволюционной России под псевдонимом «Луговой»). На это указывает в своих воспоминаниях А.Н. Тихонов. В настоящее время наиболее полным жизнеописанием старшего из братьев, Алексея, можно считать недавно вышедшую в свет монографию В.И. Хрисанфова (см.: *Хрисанфов В.И.* Лужский затворник. Страницы жизни русского писателя А.А. Тихонова-Лугового. СПб, 2009). Однако сам факт и степень родства представителей этих двух ветвей рода Тихоновых еще нуждаются в уточнении.

⁹ *Тихонов А.Н.* Биография Петра Григорьевича Тихонова. Л. 1.

¹⁰ *Дворецкая Т.А.* Указ. соч. С. 397; *Любимов В.А.* Старая Вятка. Квартал за кварталом. Ч. I. Начало (От Засоры до Раздерихинской) / 2-е изд., испр., доп. и перераб. Киров, 2007. С. 16. Фотографическое ателье П.Г. Тихонов приобрел у другого известного вятского фотографа В. Бишевского (см.: *Новокрещенова О.Г.* Указ соч. Д. 4661. Л. 23, 30).

¹¹ В своих воспоминаниях А.Н. Тихонов указывает, что детей было шестеро: Николай (1884), Александра (1890), Валентина (1892), Ольга (1894), Алексей (1896), Анна (1899). Однако, следуя данным метрических книг, любезно предоставленным В.А. Любимовым, старшей дочерью П.Г. и Е.И. Тихоновых следует считать Елизавету (1886).

¹² *Дворецкая Т.А.* Указ соч. С. 397; *Тихонов А.Н.* Биография Петра Григорьевича Тихонова. Л. 2.

¹³ *Тихонов А.Н.* Биография Петра Григорьевича Тихонова. Л. 2.

¹⁴ *Дворецкая Т.А.* Указ. соч. С. 397.

¹⁵ *Новокрещенова О.Г.* Указ. соч. Д. 4661. Л. 83.

¹⁶ Так, например, во второй половине XIX в. фотография активно применялась в таких областях, как археология, криминалистика и т.д. Важное значение придавалось использованию фотографии в военных целях (метод аэрофотосъемки). Осознание обществом возможностей фотографии приводит к тому, что она начинает использоваться в информационных целях и как средство коммуникации, прямым следствием чего можно считать появление жанра фоторепортажа. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. разворачивается процесс формирования отдельных отраслей фотографии в науке и практике.

¹⁷ *Новокрещенова О.Г.* Указ. соч. Д. 4661. Л. 83.

¹⁸ *Тихонов А.Н.* Биография Петра Григорьевича Тихонова. Л. 2.

¹⁹ Следующее поколение польских фотографов в Вятке рубежа XIX–XX вв. представлено В.С. Чернецким и И.В. Помеховским (см.: *Новокрещенова О.Г.* Указ. соч. Д. 4661. Л. 27–28). Как отмечает в своей работе О.Г. Новокрещенова, «поляки принесли в фотографию портрета тонкость и проникновенность, даже интеллигентность <...>. Чувство масштабности и гармонии тональных пятен отмечает почти все их

работы. Манера применения мягкой ретуши тоже началась "с легкой руки" польских мастеров, умело использованная, она обобщала портретное изображение, делая нужные акценты, вводила его в область художественности» (*Новокрещенова О.Г.* Указ. соч. Д. 4661. Л. 84).

²⁰ *Тихонов А.Н.* Биография Петра Григорьевича Тихонова. Л. 2–3.

²¹ *Новокрещенова О.Г.* Указ. соч. Д. 4661. Л. 30.

²² Там же.

²³ *Мартынова Н.* Лобовиков и его время // Сергей Лобовиков. Русский мастер художественной фотографии / Кировской обл. худож. музей им. В.М. и А.М. Васнецовых. Киров, 1996. С. 163.

²⁴ *Новокрещенова О.Г.* Указ. соч. Д. 4661. Л. 87.

²⁵ *Стигнеев В.Т.* Век фотографии. 1894–1994: Очерки истории отечественной фотографии. М., 2007. С. 19.

²⁶ *Новокрещенова О.Г.* Указ. соч. Д. 4661. Л. 83–84.

²⁷ *Стигнеев В.Т.* Указ. соч. С. 19.

²⁸ *Новокрещенова О.Г.* Указ. соч. Д. 4661. Л. 30–31.

²⁹ Там же. Л. 31–32.

³⁰ Там же. Л. 32, 85.

³¹ *Дворецкая Т.А.* Указ. соч. С. 397; *Рева А.В.* Мастера светописы // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1999. Т. 9. С. 393; *Тихонов А.Н.* Биография Петра Григорьевича Тихонова. Л. 2.

³² Фотоработы П.Г. Тихонова можно встретить во второй части 8 тома («Приуральский край», 1901) на с. 82 («Общий вид г. Вятки»), 83 («Вид г. Вятки с юга»), 86 («г. Вятка. Николаевская улица»), 87 («г. Вятка. Присутственные места»), 88 («г. Вятка. Московская улица»), 91 («г. Вятка. Памятник императору Александру III»).

³³ *Рева А.В.* Авторство вятских открыток // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1999. Т. 9. С. 399–400.

³⁴ Приложение к «Вятским губернским ведомостям». № 140. 24 ноября 1901 г. С. 2.

³⁵ *Хильковский А.* А что вы знаете о Гранберге? // Филокартия. 2008. № 2(8). С. 40.

³⁶ *Журавлев В.А.* О первых открытках Вятки // Филокартия. 2010. № 3(18). С. 7.

³⁷ *Журавлев В.А.* Указ. соч. С. 7; Издания П.Г. Тихонова // Вятка на старинной открытке (конец XIX–начало XX века): Альбом-каталог / Е.М. Дрогов, В.А. Журавлев, С.В. Иванов; под общ. ред. Е.А. Дрогова. Вятка, 2009. С. 14–15.

³⁸ *Рева А.В.* Мастера светописы. С. 393.

³⁹ *Любимов В.А.* Указ. соч. С. 70. Имеются в виду следующие издания: Город Киров: Справочник / под общ. ред. В.И. Неделского. Киров, 1957; Киров: Справочник / сост. Н.Г. Комаров. Киров, 1959. В издании 1957 г. фотографии П.Г. Тихонова можно встретить на с. 26 («г. Вятка. Присутственные места»), 56 («г. Вятка. Николаевская улица»), 58 («Успенский собор в Успенском Трифоновом монастыре»), 136–137 («Общий вид г. Вятки»). В издании 1959 г. – на с. 11 («Успенский собор в Успенском Трифоновом монастыре»), 24–25 («Общий вид г. Вятки»), «Вид города из-за р. Вятки»). За указание на эти издания благодарим В.А. Любимова и А.Л. Мусихина.

⁴⁰ *Судовиков М.С.* Предприниматели и предпринимательство на Вятке. Страницы истории // Вятское предпринимательство: история и персоналии: Библиогр. указ. / сост. Г.Д. Скальная. Киров, 2003. С. 10.

⁴¹ Вятка на старинной открытке. С. 14.

⁴² Приложение к «Вятским губернским ведомостям». № 149. 15 декабря 1901 г. С. 3.

⁴³ *Любимов В.А.* Указ. соч. С. 243.

⁴⁴ *Тихонов А.Н.* Биография Петра Григорьевича Тихонова. Л. 7.

⁴⁵ Там же. Л. 4.

⁴⁶ Вятка на старинной открытке. С. 14. М.С. Судовиков в своей статье об истории вятского предпринимательства отмечает, что П.Г. Тихонов был в числе купцов, проявлявших в деятельности партии «наибольшую активность» (*Судовиков М.С.* Указ. соч. С. 14).

⁴⁷ *Рева А.В.* Мастера светописы. С. 394.

Фотография. Изображение. Документ. Вып. 2 (2)

«к ручке» бабушки и просил ее «воздействовать» на П[етра] Г[ригорьевича]. Бабушка вызвала П[етра] Г[ригорьевича] и сказала ему, что до чего же дело дошло, если «сам» принужден заезжать к ним. П[етр] Г[ригорьевич] приветствовал приехавшего и сказал, что у него есть жалоба на подчиненного ему «квартильного», что сей представитель власти явился к нему и требовал: «посыпать тротуар золой». А в правилах по городу сказано: «Посыпать тротуары только чистым речным песком!», что и готов П[етр] Г[ригорьевич] исполнить незамедлительно! Понятно, посмеялись над незадачливым квартильным, а по городу пошел еще один анекдот о чудачествах Тихонова.

Мой отец вспоминает и такое дело. На Пасхе, желая устроить иллюминацию, П[етр] Г[ригорьевич] и папа добыли большую бутылку газообразного кислорода. Объявили, что вечером у Тихоновых на балконе будет гореть сталь. Взяли стальную проволоку, накалили ее и вставили на пробке в бутылку. Сталь загорелась в атмосфере кислорода ярким, ослепительным светом. Но через несколько секунд раздался оглушительный взрыв, это на мелкие кусочки разорвало бутылку. Оказывается, в спешке забыли в пробке сделать запасное отверстие, и бутылка разорвалась. Хорошо, что и сами горе-экспериментаторы, и зрители остались целы.

Второй крупный взрыв произошел от применявшегося тогда ацетилен. Лампа на ацетилене перестала гореть и распространяла вонь. П[етр] Г[ригорьевич] со злости бросил ее в форточку во двор. Лампа попала в сугроб и провалилась в него. Через некоторое время шел по двору репетитор, он заинтересовался, что такое шипит в снегу, подошел к ямке и чиркнул спичку. Раздался взрыв. От сотрясения воздуха полетели стекла в окнах. Оказывается, ацетилен выделился, смешался с воздухом и образовал гремучую смесь. Зимой без стекол – такой конец ацетиленового освещения.

Были «опыты» и похуже. Как-то, накопив большое количество отходов хлористого серебра, собрали его в комок и отправились в кузницу, стоящую на горе, добывать чистое серебро. Для этого хлористое серебро смешивают с древесным углем и в горне переплавляют. Дело было к вечеру, стояла сырая осенняя погода – туман и безветрие. П[етр] Г[ригорьевич] помешивал сплав, а Н[иколай] П[етрович] усиленно качал воздуходувные меха. Через некоторое время они услышали, что на улице творится что-то неладное: из-под горы неслись тревожные крики и ругательства. П[етр] Г[ригорьевич] вышел из кузницы и сразу же понял, что они натворили. После разложения хлористого серебра вместе с дымом газообразный хлор устремился на воздух, а там, смешавшись с туманом, пополз вниз, под гору, к домикам обывателей. Началась форменная газовая атака. Люди выскакивали из домов, кашляли, чихали и не знали, что за напасть! Естественно, люди начали уходить к горе и если бы... П[етр] Г[ригорьевич] залил горн водой, и они срочно покинули кузню.

В бане при доме П[етра] Г[ригорьевича] не любил мыться, считая, что это для женщин и детей. Выход в городские бани совершался в большой мужской компании. На всякий случай П[етр] Г[ригорьевич] брал с собой стручок красного перца. Если в бане было много народа и компании не хватало общего удобного места, то П[етр] Г[ригорьевич] заваривал стручок кипятком, прикрывал его венником и слегка подливал воду к соседям. Через некоторое время соседи начинали ерзать и покидали место, выбирая другое, а приятели П[етра] Г[ригорьевича], давясь от смеха, постепенно занимали вакантные места!

Любил П[етр] Г[ригорьевич] всякую живность и не мешал Н[иколаю] П[етровичу] заводить музей на чердаке.

Во дворе жил медвежонок. П[етр] Г[ригорьевич] был хо-

роший охотник и меткий стрелок. Сам он всегда носил чмо-данчик, похожий на докторский. В нем он переносил деньги из церкви и пистолет. Ходил в «крылатке» и всегда имел зонтик. Медвежонок вырос и начал «проказить»: он очень любил пьяниц, которых валил на землю и лизал им лицо. Однажды дворник поднял крик: «Медведь человека задрал!» И действительно, на земле лежал человек, мишка сидел рядом, сосал лапу, лизал лицо человека, и сам он, и человек были покрыты кровью. Попробовали к мишке подойти, а он размахивает лапами, не подпускает и лижет кровь.

П[етр] Г[ригорьевич] бросился в дом за ружьем, но тут его взор упал на берестяную котомку, подмятую под человека, а из котомки «кровь текла ручьем». П[етр] Г[ригорьевич] начал смеяться и ругать всех пьяниц на свете. Оказывается, крестьянин пришел продавать клюкву, она была у него в коробе. Человек подвыпил, а медведь это почувал и пошел на него. Со страху крестьянин споткнулся, упал, а медведь подмял короб под себя, раздавил ягоды и давай их лапами загребать и совать в пасть. Измазал полумертвого от страха пьянчужку и начал лизать ему лицо и мазать его соком клюквы.

Были в жизни семьи и тяжелые моменты. Во время черносотенных погромов, возникших в г.Вятке, П[етр] Г[ригорьевич] прятал у себя евреев. А сам выходил с иконами к воротам. Он был христианин и считал, что Бог у всех людей один, а только вера разная. Поэтому он разрешал моему отцу и всем детям дружить с евреями. Известный впоследствии режиссер Давид Гутман (Ленинград) и актриса Сара Салин вместе с детьми Тихонова устраивали любительские спектакли во дворе. Представляли и цирк, и П[етр] Г[ригорьевич] не мешал детям развлекаться. Приходило много народа. Театр для многих из этих детей стал призванием на всю жизнь.

В 1906 г. П[етр] Г[ригорьевич] серьезно поссорился с сыном Николаем на политической почве. П[етр] Г[ригорьевич] настолько вспылал, что хотел застрелить сына. Бабушка очень переживала разрыв и уговорила деда отправить сына в г.Екатеринбург, где дед намеревался открыть фотографию. Так и сделали, и с этой поры началась самостоятельная жизнь моего отца. В 1907 году он женился, а в 1908 году 14 октября (ст[арого] ст[иля]) родился я. Дедушка гордился рождением первого внука – Тихонова и проявлял большую заботу, не свойственную ему ранее, когда я захворал, находясь в гостях у него в Вятке. Видимо, потеря жены и постепенный уход всех детей сломили его непокорный и дикий характер.

Точных сведений о конце жизни Петра Григорьевича нет. Видимо, он был арестован как владелец большой фотографии и дома и умер в тюрьме или ссылке. Жители Вятки рассказывали, что его везли куда-то вместе с другими арестованными, а куда – никто не знал.

Мой отец отличался, наоборот, удивительным спокойствием и справедливостью, но сохранил необычайную энергию в творчестве и стремление к научной работе и педагогике, основанной не на догме, а на поиске нового.

Интересно, что фотография, ставшая случайно профессией деда, получила развитие у его сына и перешла ко мне.

Почти столетие Тихоновы работают по фотографии, и было бы очень интересно, чтобы кто-нибудь из «маленьких Тихоновых» изучил бы эту же профессию и посвятил бы ей свою жизнь.

¹ Публикуется по рукописи из личного архива П.А. Тихонова. Авторизованная машинопись. Ленинград, январь 1969 г.

² В ркп. примечание (1): «В.А. Тихонов – драматург, писал для В.Ф. Комиссаржевской (1857–1914)».

³ В ркп. примечание (2): «А.А. Тихонов – драматург, писатель, известный под псевдонимом “Луговой”».

ИСТОРИЯ КОЛЛЕКЦИЙ И СОБРАНИЙ

А.В. Москаленко

МУЗЕЙ ПАЛЕОГРАФИИ АН СССР: ОТ СОБРАНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ Н.П. ЛИХАЧЕВА К ИНСТИТУТУ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Имя Н.П. Лихачева и его научная и собирательская деятельность, а также события, разворачивавшиеся в Академии наук СССР в 20–30-е годы XX в., широко освещены в научной литературе. Несмотря на это, Музей палеографии Академии наук относится к числу явлений, роль которых в истории науки остается не оцененной.

К изучению судьбы Николая Петровича Лихачева, как крупного ученого, специалисты обращались не раз¹. Не раз в этих работах освещался вопрос коллекции Н.П. Лихачева (икон и памятников письменности), истории ее собирания и сохранения.

Проблемы цели создания, научного статуса и функционирования собрания Н.П. Лихачева – составляющие концепции Музея палеографии, напротив, никогда еще не становились предметом специальных исследований. Между тем, именно концепция Музея палеографии была напрямую связана с важнейшей целью, к которой стремился ученый, кропотливо подбирая и собирая воедино множество памятников письменности.

Николай Петрович Лихачев (1862–1936) известен как историк бумаги, палеограф, источниковед, искусствовед, коллекционер, член-корреспондент Императорской Академии наук, академик Академии наук СССР. Николай Петрович был членом многочисленных научных обществ своего времени: Российского археологического, Общества любителей древней письменности и других². Выдающуюся роль Лихачев сыграл в развитии одного из направлений специальных исторических дисциплин – исторического источниковедения, «документального источниковедения истории»³. Показательно, что Л.Н. Простоволосова в биографической справке к библиографическому указателю также называет Музей палеографии – «музеем исторического источниковедения»⁴.

Еще в юности Лихачев понял «собственную научную задачу как критику источников и собирание для этого материалов»⁵. При работе с рукописями появился интерес к самому источнику (свидетельство тому – магистерская диссертация «Разрядные дьяки XVI в.», защищенная в Казанском университете в 1889 г.), затем к бумаге и филиграммам (докторская диссертация «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве», 1892 г.), к дипломатике, сфрагистике, геральдике, нумизматике, книжной миниатюре, затем к иконе, переплету и письму как к графическим изображениям⁶. Собираение только русских источников не могло быть удовлетворительным. Увлекали вещи «разных времен и многих народов»⁷. «Руководящим» был интерес Николая Петровича к русской истории вообще в контексте истории всемирной.

Формирование научных взглядов ученого происходит именно в то время, когда наступает пора новых исследовательских подходов и приемов, создания нового исследовательского инструментария⁸. Вопросы, занимавшие Н.П. Лихачева, были неотделимы от его собирательской деятельности. В результате была сформирована редкая по своему составу коллекции древнерусской живописи, памятников письменности и нумизматики – «источников по истории развития графических знаков»⁹. В коллекцию входили предметы, не характерные для собраний современников: имелся раздел «Плохие иконы», который составляли иконы плохой сохранности, необычные своей

© А.В. Москаленко

иконографией¹⁰, поздние иконы XVIII–XIX вв.¹¹, невидные, некрасивые и маленькие памятники, не вызывавшие тогда любительского соревнования и оставшиеся в тени¹².

Уникальные особенности коллекции, а также история ее собирания и бытования приковывали к себе основное внимание исследователей. Конечная цель коллекционирования и научной деятельности Лихачева виделась ясной – создание Музея палеографии¹³. Тем не менее, мысль о музее как сверхзадаче Николая Петровича нуждается в раскрытии.

В работе Д.О. Цыпкина «Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898–1963 гг. (концепции, учреждения, ученые)» (СПб., 2009) в качестве догадки было высказано мнение о стремлении Н.П. Лихачева к созданию крупного экспертного центра¹⁴. Д.О. Цыпкин, рассматривая отечественную научную среду 1920-х гг., отмечает, что фактически Лихачевым был задуман *музей технологии книги и историко-документной экспертизы*. В качестве аргументов им приводятся следующие факты: выделение Отдела истории аутентификации документа, систематизация памятников по их материальной основе, по их внешним, структурным и функциональным признакам¹⁵. Однако идеологическая основа Музея палеографии в работе Д.О. Цыпкина не анализировалась подробно.

Отсутствие убедительных исследований о цели создания и характере функционирования Музея палеографии потребовало специального рассмотрения этого вопроса. Для решения поставленной задачи ключевое значение имеют документы фонда Н.П. Лихачева (Ф. 246) Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук (СПФ АРАН), не введенные ранее в научный оборот.

В фонде Н.П. Лихачева нам удалось выделить комплекс материалов, связанных с деятельностью ученого в Музее палеографии, которые раскрывают логику создания коллекции и музея, их роль в системе отечественной экспертной науки. На основании найденных источников можно заключить, что коллекция и музей являлись этапами на пути воплощения основной идеи ученого. В связи с этими находками открывается возможность пересмотреть многое, ставшее стереотипным в трактовке биографии Н.П. Лихачева и его работы, касающейся Музея палеографии.

Основным источником является дело № 47¹⁶. Оно представляет собой собрание «документов по деятельности Н.П. Лихачева в Музее письменности – Музее палеографии АН СССР». Документы дела датированы составителями «не ранее 1918–1928 гг.» Среди материалов дела имеется благодарственная записка от президиума Государственных курсов при Институте истории искусств (1926), заказы Музея палеографии, счета на приобретение, запросы о стоимости, перечни-заказы и прочее, но наибольший интерес вызывают черновые записи¹⁷, которые, не имея общего заглавия, даты и подписи, составляют единый текст и являются автографом Н.П. Лихачева. Именно они, в комплексе с другими документами этого же дела¹⁸, представляют нам программу развития Музея палеографии и его конечную цель.

Достойны внимания две справки из дела № 47¹⁹. Они выписаны на имя Н.П. Лихачева Институтом книги, документа и письма (ИКДП) в 1935 г. и заверены исполнявшим обязанности ученого секретаря Анатолием Емельяновым. Особое значение они имеют наряду с «Краткой запиской о Музее палеографии (МУП) и академике Лихачеве», составленной в феврале 1991 г. тем же А.С. Емельяновым²⁰.

Дополнением к этому комплексу документов является записка сына Н.П. Лихачева, Алексея Николаевича Лихачева, «О моем отце и его семье»²¹, составленная в 1978 г., а также сохранившаяся в архиве «Книга посетителей Собрания древностей Н.П. Лихачева»²².

Перечисленные архивные источники проясняют историческую картину создания и закрытия музея, в которой многое до недавних пор являлось неточным или вообще не попадало в поле зрения историков.

Н.П. Лихачевым была осознана и высказана в одной из записок²³ необходимость создания массива подлинных вещей, разобранных «и по содержанию, и палеографически»²⁴. По мнению Н.П. Лихачева, в России наблюдалась нехватка материала для исследований в области вспомогательных исторических дисциплин. Чтобы получить представление о западноевропейских материалах, русские ученые вынуждены были пользоваться заграничными альбомами, материал в которых был уже интерпретирован²⁵.

Имея определенными образцами для создания коллекции и музея такие учреждения, как парижская Школа хартий (*École des chartes*), Австрийский институт (Institut für österreichische Geschichtsforschung), Государственный архив Венеции (*Archivio di Stato di Venezia*) и Национальный архив Франции (*Archives nationales de France*), Николай Петрович желал учесть в своем плане то, что все они представляют материал только национального. Стремление подобрать источники по истории письма со всего мира демонстрирует нам желание Лихачева создать нечто гораздо более значительное, чем перечисленные европейские институты.

Из историографии известно, что свою коллекцию Н.П. Лихачев начал собирать в 90-х гг. XIX в. Однако с какого момента коллекция стала функционировать как «частное учреждение» (эта форма организации предполагала возможность публичного представления коллекции) до последнего времени было неизвестно. Теперь мы можем уточнить нижнюю временную границу открытия палеографического кабинета, который носил название «Собрание древностей Н.П. Лихачева».

Н.П. Лихачев, трепетно относившийся к своей коллекции, с не меньшим вниманием относился к тем, кто желал с ней ознакомиться. Для записи гостей палеографического кабинета была заведена специальная тетрадь, которая насчитывает 23 страницы. Первая запись в «Книге посетителей» сделана 25 января 1911 г. Именно эта дата может считаться датой открытия Собрания древностей Н.П. Лихачева для публики²⁶.

Посетителями кабинета были видные ученые – исследователи книги и рукописного наследия (такие, как Вс.И. Срезневский, П.К. Симоны, Ж. Эберсоль²⁷ и другие), а также художники: Д.С. Стеллецкий, С.В. Чехонин, Е.Е. Лансер, М.В. Добужинский²⁸ – представители объединения «Мир искусства», интерес которых к истории письма требует специального исследования. Видимо, владелец сам принимал по предварительным заявкам желающих осмотреть коллекцию и делал пояснения к представленным в кабинете экспонатам, в свою очередь посетители оставляли запись в «Книге». Жан Эберсоль,

побывавший у Лихачева 6 июля 1911 г., в своей короткой заметке сравнивает его собрание с «Катакомбами Рима»²⁹.

Коллекции Николая Петровича носили высоко-профессиональный, научный характер с точки зрения палеографии и дипломатики, что выделяло их из круга частных музеев современников. Все же, до 1913 г. палеографический кабинет был личным собранием древностей.

Организация частного музея стала возможна лишь после вывоза «Музея древней иконописи» Н.П. Лихачева в Русский музей³⁰. Известие о покупке государем в 1913 г. столь значительной по качеству и размеру коллекции обсуждалось в прессе³¹. Л.Г. Климанов, исследуя деятельность Н.П. Лихачева, писал о том, что собрание икон было куплено императором за 300 тысяч рублей, и эти средства были отправлены на новые приобретения для будущего Музея палеографии³². По воспоминаниям А.Н. Лихачева, на средства от продажи коллекции икон (он указывает сумму в 200 тысяч рублей) Николай Петрович построил третий этаж дома, «куда выселил всю семью, а два этажа занял под коллекцию книг, папирусов, таблеток»³³.

Так или иначе, перемещение части собрания ознаменовало возникновение музея как единицы культурного пространства: окончательно определено направление собирательства, изучения и показа, выделено место для размещения и экспонирования, проведения работ по систематизации предметов.

Последняя запись в «Книге посетителей Собрания древностей Н.П. Лихачева» датирована 11 февраля 1917 г. Дальнейшее существование музея в прежней форме – как частного владения – стало невозможным.

Таким образом, названный документ определяет целый этап в жизни будущего Музея палеографии: он свидетельствует об открытии коллекций Лихачева для посетителей, о переходе палеографического кабинета – Собрания древностей – к форме частного музея, а также о необходимости поиска нового способа достижения намеченных целей в связи со сложившейся в стране ситуацией.

События 1917 г. лишь отчасти расстроили научные планы Николая Петровича: сохранение музея требовало немалых усилий, но итогом поисков ученого стали такие условия, в которых детище доктора русской истории могло развиваться не только по разработанному ранее плану, но даже более успешно. Материалы фонда Н.П. Лихачева, находящиеся в СПФ АРАН, дают основание полагать, что переживания ученого оказались в некоторой степени напрасными. Нельзя отрицать того, что советский период был сопряжен с серьезными трудностями в жизни Лихачева. Однако необходимо подчеркнуть, что именно в это время он получает звание действительного члена Академии наук СССР по кафедре русской истории, а музею присваивается статус подразделения Академии наук. Такое положение открывало новые возможности, ведущие к развитию идей Николая Петровича.

Начало второго этапа жизни музея было положено, когда Лихачев принял решение передать коллекцию на хранение Археологическому институту³⁴, который, спустя некоторое время, перешел в ведение Ленинградского университета. Передачу коллекции Археологическому институту можно считать первым шагом к оформлению музея в структуре Академии наук СССР. С 1 июля³⁵ (по другим данным – октября³⁶) 1925 г. коллекцией ведала Академия наук, а сам академик Н.П. Лихачев на общем собрании 14 ноября 1925 г. единогласно избирается директором Палеографического музея и приступает к своим обязанностям³⁷. Так, в 1925 г. Музей

палеографии возник как ведомственный музей в структуре Академии наук СССР.

Обширная коллекция историко-археологических предметов нового музея, как и бывший палеографический кабинет, была размещена на трех этажах дома, принадлежавшего Лихачевым на Петроградской стороне (Петрозаводская ул., д. 7). Как пишет сам Лихачев в публикуемом ниже источнике³⁸ (см. Приложение), «собрания музея были объединены общим заданием – историей письма вообще и, в особенности, историей документа»³⁹.

Упомянутые нами архивные документы, а также опубликованные записки Н.П. Лихачева⁴⁰ дают четкие представления о научной работе музея в период с 1925 по 1930 г. В это время происходило «развертывание музея»⁴¹ – создание целостной экспозиции и сложение системы организации фондов. Пространственное выражение структуры фондов музея заслуживает особого внимания: экспозиция была устроена по принципу открытого хранения, вошедшему в российскую музейную практику только в конце XX в.

Основной научной работой, по словам Н.П. Лихачева, была систематизация материалов и их классификация для экспозиции по витринам музея, инвентаризация и каталогизация книг, отдельных коллекций и новых поступлений⁴². Кроме того, приглашенными специалистами велась работа по описанию, исследованию и изданию отдельных памятников и даже групп памятников. Примером могут служить двухтомный труд М.В. Никольского «Документы хозяйственной отчетности южной Месопотамии» (М., 1911–1915) и статья Г.Э. Зенгера «Принадлежащие Н.П. Лихачеву отрывки списка X в. сатир Горация» (Журнал Министерства народного просвещения, 1912)⁴³.

Коллекции музея не переставали пополняться. Главным образом, это зависело от финансовых возможностей музея. Тем не менее, факт участия новой власти в лице руководства Академии наук СССР важен сам по себе. В СПФ АРАН хранятся документы, свидетельствующие об этом – заказы⁴⁴, счета и запросы из музея о стоимости вещей, адресованные, например, книжной фирме К.В. Гирземанг в Лейпциге.

Не менее важные сведения о делах музея содержит «Краткая записка о МУПе и академике Н.П. Лихачеве», оставленная сотрудником Музея книги, документа и письма Анатолием Степановичем Емельяновым⁴⁵. Отметим, что текст записки был составлен в 1991 г., когда оценка событий 60-летней давности находилась под влиянием новых взглядов, предполагавших особое внимание к тяготам судьбы старшего поколения интеллигенции в 1930-х гг.

В записке А.С. Емельянов сообщает, что когда в начале 1930 г. он поступил на работу в Музей палеографии, «в музее не имелось ни научных описаний музейных коллекций, ни элементарных описей музейных предметов, всего того, что имеется в том или ином шкафу». Фактически, перед нами мнение о результатах фондовой работы за пять лет жизни музея. Но означает ли это, что никаких видимых изменений, запланированных Н.П. Лихачевым, не произошло? Мы, безусловно, должны подходить к факту подобного воспоминания с позиции современного исследователя и учитывать особенности источника, представившего нам такой взгляд на ситуацию в музее. Далее Анатолий Степанович делает акцент на том, что присутствие музея в составе учреждений Академии наук было формальным, на деле он «продолжал оставаться частным собранием ученого коллекционера»⁴⁷.

Важно отметить двойственность, которая присутствует во многих документах в отношении того, продолжал ли музей фактически оставаться частным, принадлежащим Лихачеву, или ведомственным учреждением Академии наук. Слова бывшего сотрудника наряду с другими фактами позволяют говорить о Музее палеографии Н.П. Лихачева как музее, продолжавшем развиваться по схеме частного учреждения, согласно плану Николая Петровича, но обладавшем в то же время высоким статусом учреждения АН СССР.

Двойное мнение можно составить и о важных для советской идеологии и формальной организации музея просветительских функциях. Они описываются в опубликованных статьях Н.П. Лихачева⁴⁸ и в некоторых записках, сохранившихся в архивных делах, но в последней записи, сделанной за две недели до смерти и ставшей своего рода подведением итогов жизни ученого⁴⁹, нет никакого упоминания об образовательных ресурсах музея.

Судя по изданным текстам, просветительская задача музея объявлялась одной из первоочередных. Также сообщалось, что Музей палеографии посещался как небольшими (вследствие малого размера помещений) экскурсиями, так и отдельными лицами по приглашению с директором. Доступ в музей был возможен ежедневно с 11 до 15 часов, в воскресные и праздничные дни посещение необходимо было согласовать с директором. Н.П. Лихачев пишет о том, что посетителей было немало, и заинтересованность экспозицией рядовыми рабочими, особенно типографскими, была высока. Этим сведениям противоречат слова А.С. Емельянова о том, что «ставши академическим институтом, МУП оставался как бы закрытым учреждением; он не был по сути тем, что принято называть музеем, широкая публика его не знала, для посетителей, кроме отдельных ученых, он был закрыт».

Подтверждение мнения А.С. Емельянова о состоянии научной работы музея находим в письме Н.П. Лихачева М.С. Боровковой-Майковой, написанном в ссылке⁵⁰. В нем ученый высказывал сожаление о том, что не оставил заметок к отдельным памятникам, происхождение которых было известно только ему⁵¹. По возвращении в Ленинград у Н.П. Лихачева появится возможность отчасти исправить ситуацию. Этой возможностью он воспользуется. Среди вероятных причин, объясняющих то положение музея, которое описывает А.С. Емельянов, можно назвать занятость директора, нехватку сил (весь штат музея изначально составлял 4 человека, позже – 2)⁵², возможно, некоторую ревность в отношении к «собственному» музею, а также особое видение работы учреждения. Определяя научную составляющую музея, мы должны были прежде всего подчеркнуть, что главной целью Н.П. Лихачева было создание научно-исследовательского Института исторического источниковедения⁵³. Коллекция и Музей палеографии – этапы на пути к становлению Института («... огромное собрание (Музей палеографии), из которого готовил Институт вспомогательных исторических знаний»⁵⁴). Н.П. Лихачев, отмечая специальную направленность музея, называл его ядром будущего института, аппаратом института, который мог бы справиться с решением узких специальных вопросов «выявления взаимных влияний»⁵⁵. Институт, по замыслу Н.П. Лихачева, должен был представлять «систематическую подобранный материал разнообразных образцов»⁵⁶. Задачи, которые ставит перед музеем-институтом ученый, действительно могут быть обозначены как экспертные.

Выражая с естественной субъективностью мысль об отсутствии должного порядка в музее и порой создавая путаницу в фактах, верность которых мы пока не в силах доказать или опровергнуть, А.С. Емельянов оказывается прав относительно того, что Музей палеографии не состоялся в том виде, в каком он был задуман.

Академия наук СССР в 30-х гг. XX в. – нестабильный по своей структуре организм. Вскоре после ареста Н.П. Лихачева исполнявший обязанности директора Музея палеографии академик С.Ф. Ольденбург предложил весной 1930 г. создать на базе МУП *Музей книги, документа и письма (МКДП)*, приобщив к нему экспонаты из Библиотеки Академии наук, Азиатского музея и Археографической комиссии⁵⁷. Таким образом, бывший Музей палеографии становился и научно-исследовательским учреждением, и музеем Всесоюзного значения, сочетающим в своей деятельности теоретический, просветительский и педагогический аспекты⁵⁸.

Вскоре директором только что образованного МКДП стал москвич А.С. Орлов, литературовед, историк древнерусской литературы. По указанию Президиума Академии наук, в котором решающую роль играл секретарь В.П. Волгин, музейные собрания были перемещены с Петроградской стороны на Васильевский остров, в здание Библиотеки Академии наук на Биржевой линии. Приобрел музей и новое название – Институт книги, документа и письма (ИКДП), и идеологическую направленность деятельности⁵⁹, потеряв при этом собственное пространство и часть экспонатов: на новое место не перевезли так называемые стелы с восточными надписями (их отправили в Эрмитаж). Это можно считать началом расчленения единого комплекса памятников письменной культуры, собиравшихся Н.П. Лихачевым по продуманному плану.

В строгом смысле, если не развивать идею о преемственности Ленинградского отделения Института истории АН СССР учреждению Н.П. Лихачева, еще до того, как ИКДП прекратил существование как самостоятельное академическое учреждение, точка в амбициозном плане Н.П. Лихачева была поставлена.

В 1936 г. собрание музея поступило в ведение Института истории Академии наук СССР. Коллекции древнерусских рукописных памятников были отправлены в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (в Отдел древнерусской литературы, которым заведовал А.С. Орлов). Так прекратилось существование Музея палеографии. Сессия Академии наук еще в ноябре 1935 г. приняла решение о преобразовании ИКДП в Сектор вспомогательных исторических дисциплин Института истории⁶⁰.

После возвращения из астраханской ссылки Николай Петрович продолжил заниматься привычной деятельностью. Естественно, насколько позволяла ситуация. Трудности, испытанные ученым во время сфабрикованного «Академического дела», – ссылка, лишение звания и содержания, возможности работать – неоспоримы, о них подробно рассказывается в работах биографов Лихачева. Нельзя отрицать сложного положения бывшего академика, но также невозможно говорить о полной изолированности Н.П. Лихачева от науки и его музея.

В последние годы, и даже дни, жизни ученого готовился к изданию второй том его «Материалов для истории Византийской и русской сфрагистики» (сам Лихачев называл его «Сфрагистическим альбомом русских и византийских матерьялов»⁶¹). Об этой работе Николай Петрович упоминает в записке, подготов-

ленной незадолго до смерти: «Альбом и издание его получила от Нумизматического общества ГАИМК. Клише остались у меня и перешли в ИКДП»⁶². К сожалению, «Материалы» при жизни автора так и не вышли в свет, но переписка по поводу их издания сохранилась⁶³.

Степень непричастности Николая Петровича к музею в то время, когда он уже носил название Института книги, документа и письма, также преувеличена. О том, насколько недостойным в это время было отношение к бывшему директору Музея палеографии и его научным заслугам, пишет А.С. Емельянов⁶⁴. Все его слова можно было бы воспринимать всерьез, если бы не документы, подтверждающие обратное – несколько справок⁶⁵, выданных на имя Н.П. Лихачева институтом в марте и октябре 1935 г., заверенных подписью все того же А.С. Емельянова. Документы представляют собой справки на бланках ИКДП Академии наук СССР и сообщают нам, что Н.П. Лихачев в феврале 1935 г. проводил консультацию по происхождению эпиграфических предметов из состава музейных коллекций ИКДП и по поручению руководства института занимался разбором и классификацией свинцовых печатей. Указывается, что труд его был оплачен («оплата труда Н.П. Лихачева – повременная»⁶⁶).

Основываясь на этих данных, сложно говорить о полной невостребованности ученого. Николай Петрович до последних дней жизни был приобщен к работе с ценнейшими коллекциями Музея палеографии, который, по его планам, должен был стать ядром будущего научно-исследовательского Института исторического источниковедения⁶⁷, Института вспомогательных исторических знаний⁶⁸. Такой Институт мог бы стать незаменимым подспорьем для русских исследователей. Его главным достоинством Николай Петрович называет высокую концентрацию подлинных материалов в одном месте («разнообразные памятники <...> не всегда первоклассного значения, но всегда оригиналы»⁶⁹). Упомянув европейские институты, в том числе французскую Школу хартий и Австрийский институт, Н.П. Лихачев указывает на их узкую ориентированность (национальную) и малый объем специального аппарата. Однако стремление известного источниковеда и палеографа к исправлению этих недостатков при создании первого в России, уникального научно-исследовательского Института исторического источниковедения в системе академических институтов, увя, не нашло должного воплощения.

¹ Исчерпывающая научная биография Н.П. Лихачева представлена в работах Л.Г. Климанова (см. ниже ссылки на его работы о Н.П. Лихачеве).

² Список научных обществ, комиссий и комитетов, членом которых состоял Н.П. Лихачев см.: Из коллекций академика Н.П. Лихачева: Каталог выставки. СПб., 1993. С. 278.

³ *Климанов Л.Г.* Ученый и коллекционер, «известный всей России, а еще более Европе» // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 424.

⁴ *Простоловская Л.Н.* Н.П. Лихачев: Судьба и книги: Библиогр. указ. М., 1992. С. 3.

⁵ *Климанов Л.Г.* Н.П. Лихачев: «Быть, чем только могу, полезным первенствующему ученому сословию» // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 91.

⁶ *Климанов Л.Г.* Ученый и коллекционер... С. 424; *Вздорнов Г. И.* Реставрация и наука. Очерк по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006. С. 223. Г. И. Вздорнов считает коллекцию икон Н. П. Лихачева, в первую очередь, коллекцией иконографических образцов.

⁷ *Емельянов А.С.* Краткая записка о МУПе и академике Н. П. Лихачеве (февраль 1991 г.) // СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 145. Л. 1.

⁸ *Климанов Л.Г.* Ученый и коллекционер... С. 424.

⁹ Там же.

¹⁰ *Виллибахова Т. Б.* Русская иконопись и прикладное искусство // Из коллекций академика Н.П. Лихачева: Каталог выставки. СПб., 1993. С. 128–129.

¹¹ *Вздорнов Г.И.* Указ. соч. С. 244.

¹² *Климанов Л.Г.* Н.П. Лихачев: византиноведение в рукописном наследии ученого // Архивы русских византистов. СПб., 1995. С. 181–212.

¹³ См.: *Климанов Л.Г.* Ученый и коллекционер... С. 424, 428; Лихачев Н.П. Воспоминания библиофила и собирателя рукописей и автографов / публ., предисл. и примеч. Л.Г. Климанова // Книга: Исслед. и материалы. М., 1991. Вып. 62. С. 193, 195.

¹⁴ *Цыпкин Д.О.* Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898–1963 гг. (концепции, учреждения, ученые): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 209 с.

¹⁵ *Цыпкин Д.О.* Указ. соч. С. 126.

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47.

¹⁷ Там же. Л. 53–57.

¹⁸ Там же. Л. 25–28, 58, 59, 91.

¹⁹ Там же. Л. 82, 87.

²⁰ Там же. Д. 145. 14 л.

²¹ Там же. Д. 36. 4 л.

²² Там же. Д. 138. 23 л.

²³ Там же. Д. 138; Д. 47. Л. 25–26, 27–28.

²⁴ Там же. Д. 47. Л. 27.

²⁵ На это указывает сам Н.П. Лихачев (СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 25–28).

²⁶ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 138. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 138.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 6.

³⁰ *Климанов Л.Г.* Ученый и коллекционер... С. 428.

³¹ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 23 (Газетные вырезки). Л. 18–22, 26.

³² *Климанов Л.Г.* Ученый и коллекционер... С. 429.

³³ *Лихачев А.Н.* О моем отце и его семье (Воспоминания) // СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 36. Л. 4.

³⁴ *Климанов Л.Г.* Ученый и коллекционер... С. 430; *Лихачев Н. П.* Музей палеографии: Исторический очерк. Л., 1925. С. 1–2.

³⁵ *Лихачев Н.П.* Музей палеографии. С. 1.

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 53.

³⁷ *Климанов Л.Г.* Ученый и коллекционер... С. 430.

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 53–57.

³⁹ Там же. Л. 53.

⁴⁰ *Лихачев Н.П.* Музей палеографии: Исторический очерк. Л., 1925. 8 с.; Его же. Музей палеографии // Научные учреждения АН СССР: Краткое обозрение ко дню десятилетия (1917–1927). Л., 1927. С. 102–108.

⁴¹ *Лихачев Н.П.* Музей палеографии // Научные учреждения АН СССР. С. 108.

⁴² СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 54.

⁴³ *Лихачев Н.П.* Музей палеографии: Исторический очерк. Л., 1925. С. 8.

⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 37–52.

⁴⁵ *Емельянов А.С.* Ук. соч. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Л. 5.

⁴⁷ Там же. Л. 6.

⁴⁸ Имеются в виду следующие работы: *Лихачев Н.П.* Музей палеографии. М., 1925 (2-е изд. – 1927); Его же. Музей палеографии // Научные учреждения АН СССР: Краткое обозрение ко дню десятилетия (1917–1927). Л., 1927. С. 102–108; Его же. Музей палеографии: Исторический очерк. Л., 1925.

⁴⁹ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 91. Записка датирована 30 марта 1936 г. и, скорее всего, записана со слов Н.П. Лихачева. Ручкой Лихачева выполнены заголовок и дата.

⁵⁰ В 1930 г. Н.П. Лихачев был арестован по «Академическому делу», в 1931 г. исключен из числа действительных членов Академии наук (восстановлен посмертно в 1968 г.) и 1931–33 гг. провел в ссылке в Астрахани. См.: Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следств. дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993–1998. Вып. 1-2.

⁵¹ *Климанов Л.Г.* Ученый и коллекционер... С. 449.

⁵² *Лихачев Н.П.* Музей палеографии: Исторический очерк; *Емельянов А.С.* Ук. соч. Л. 4. Кроме директора в штат музея входили научный сотрудник (Зинаида Николаевна Шамонина) и вахтер-истопник (Заявление Н.П. Лихачева в Президиум Академии наук СССР (19 октября 1925 г.) // СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 13). Там же (Л. 9) имеются сведения о том, что в 1925 г. в музее были младшие служащие – Мария Ивановна Милешина и Алексей Алексеевич Прозоровский.

⁵³ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 25, 53.

⁵⁴ Там же. Л. 91.

⁵⁵ Там же. Л. 54.

⁵⁶ Там же. Л. 28.

⁵⁷ *Свойский М.Л.* Музей палеографии // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 215.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ См.: *Свойский М.Л.* Институт книги, документа и письма по материалам Ленинградского отделения архива Академии наук СССР // Книга: Исслед. и материалы. М., 1975. Вып. 30. С. 189.

⁶⁰ Там же. С. 187.

⁶¹ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 91.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. Л. 69, 70, 91.

⁶⁴ *Емельянов А.С.* Ук. соч. Л. 1.

⁶⁵ СПФ АРАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 82, 87.

⁶⁶ Там же. Л. 87.

⁶⁷ Там же. Л. 25.

⁶⁸ Там же. Л. 91.

⁶⁹ Там же. Л. 26, 27.

Н.П. ЛИХАЧЕВ. ЗАПИСКА О МУЗЕЕ ПАЛЕОГРАФИИ

Академия наук СССР мыслится в настоящее время как объемлющая все научное знание сеть научно-исследовательских институтов, объединенная по своим задачам в коллективный организм. Музей палеографии является ядром будущего научно-исследовательского Института исторического источниковедения, аппаратом этого Института, дающим возможность одинаково развить как научно-исследовательскую деятельность, так и общественно-просветительскую.

Музей палеографии уже в настоящее время охватывает обширнейшее поле историко-археологических материалов. Собрания музея объединены общим заданием историй письмен вообще и историей документа в особенности. Серии подлинников музея располагаются хронологически на протяжении пяти тысячелетий: памятники иероглифических систем письма, памятники клинописи, документы различных восточных алфавитов, документы на греческом, латинском и новых европейских языках; история материалов, послуживших для изготовления документов – камень, глина, металлы, папирус, пергамен, бумага; истории аутентикации документа – сигиллографической и путем скрепы подписей; история изучения документа подлинного и актов интерполированных, фальсифицированных и совершенно подложных, начиная с мнимого документа о даре Константина, послужившего материалом для начатков дипломатической критики; история службы типографского станка для напечатания и опубликования документов.

Такова цепь отделов музея. Указанные общие отделы подразделяются на более мелкие серии.

По существу своему каждый отдел состоит из трех частей: 1) выставки подлинных образцов в витринах; 2) подлинников, хранящихся в картонках и шкафах и 3) специальной литературы предмета, разложенной в книжных шкафах.

Таким образом, музей по своему составу и задачам является родственником знаменитому Лейпцигскому музею, но со своеобразным самостоятельным уклоном, доходящим до коренных отличий: в Лейпциге – дом книги, центр – типографское дело, в Музее палеографии – дом документа, центр – подлинники и их критика. Музей палеографии, с одной стороны, представляет глубоко специальное, чисто академическое учреждение, дающее материал для выявления взаимных влияний, взаимоотношений и преемственности форм в различных отделах дипломатики и сфрагистики, с другой стороны, по экспозиции памятников, Музей палеографии представляет обширное просветительское общеобразовательное учреждение, знакомящее не только с историей письмен, но и с наглядной историей документа и с историей книгопечатания, причем особые выставки дают рядом с историей книги картину печатания документов и службу печатного станка в эпохи политической борьбы.

Деятельность музея в настоящее время [всцело]² обуславливаемая материальными возможностями, проводится в следующих направлениях:

1) Систематизация материалов и их классификация для экспозиции по витринам, по мере научного оборудования Музея.

2) Инвентаризация и каталогизация книг, так и отдельных коллекций (как например мазарины [1623 б. д.]³, буллы [1161]⁴, банди, эдитты [1844]⁵ и т. д.). Инвентаризация новых поступлений [488]⁶. Дублиеты мазарины переданы в Институт Маркса и Энгельса⁷.

3) Работы приглашаемых специалистов для описания, исследования и издания отдельных памятников и целых их групп. Музей находится в сношениях с многими научными работниками разнообразных специальностей и не только в РСФСР, но и в некоторых других частях Союза.

4) Посещение музея отдельными лицами и экскурсиями вызвали необходимость давать самые разнообраз-

ные объяснения, смотря по квалификации посетителей, и материал для объяснительной записки [постепенно]⁸ подготавливается по мере научного оборудования экспозиционных помещений.

Как примечание следует отметить, что музей привлекал внимание не только специалистов в представляемых ими дисциплинах, библиотечно- и музееведов⁹, но и любознательных людей вообще. Нельзя обойти молчанием любопытное явление: были случаи посещения музея отдельными наборщиками и типографскими учениками, сознательно искавшими возможности наглядно ознакомиться с историей шрифта и постепенного развития техники книгопечатного дела. В этом отношении следует подчеркнуть, что в будущем, когда закончится развертывание систематических выставок в области истории документа, его аутентификации, опубликования и изучения (т.е. история дипломатики), МУП приобретет большое значение для просвещения учащегося юношества и подготовки научной смены, как наглядная иллюстрация лекционных курсов по целому ряду научных дисциплин.

5) Пополнение музейных собраний продолжается, главным образом, в зависимости от валютных возможностей.

Музей палеографии поступил в ведение Академии наук с 1 октября 1925 года в здании, которое не отапливалось в течение нескольких лет, с коллекциями крайне скудными в набитых иногда до отказа шкафах. Отдельные предметы, книги и переплеты не только отсырели, но некоторые даже заплесневели и требовали чистки и продолжительной сушки. Все шкафы и шкафчики должны были быть открыты и содержимое их разнесено по свободным помещениям другого этажа. При этом сказались недостаточность научного оборудования в смысле витрин и прочей мебели, которая не изжита еще и в настоящее время.

За краткое время существования музея при Академии наук достигнуты большие результаты: для общего обозрения выставлены коллекции иероглифического письма (Египет, Хеты), собрание по истории клинописи на протяжении трех тысяч лет; вставлены образцы разнообразных восточных писем, истории письма на папирусе, история шрифта греческого и латинского. В небольших витринах сделана специальная экспозиция документов папской дипломатики, развернута история дипломатики Венецианской, представлены образцы документов Священной Римской империи, иллюминированных хартий Италии (Милан) и Испании. В особых комнатах выставлены, пока провизарно¹⁰, в сжатом виде *Rossica* и документы Франции, кончая Французской революцией. В залах второго этажа расположена история книгопечатания, главным образом, печатания документов, и история переплета книг и документов.

[Таким образом – первый этаж – эпиграфика и документы в подлинных образцах, второй этаж – печатные и опубликованные, третий – аутентикация – автографы, печати, изучение документов]¹¹.

¹ Публикуется по ркп.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 246. Оп. 2. Д. 47. Л. 53–57. Основной текст написан печатными буквами черными чернилами. Все примечания и вставки сделаны скорописью, зелеными чернилами, предположительно рукой Н.П. Лихачева.

² *Дописано над строкой.*

³ *Дописано над строкой.*

⁴ *Дописано над строкой.*

⁵ *Дописано над строкой.*

⁶ *Дописано над строкой.*

⁷ *Дописано в нижней части страницы.*

⁸ *Дописано сверху скорописью.*

⁹ *Зачеркнуто: [ами]. Первоначально так: «музееведами».*

¹⁰ *Дописано сверху. Первоначально так: «провизионно».*

¹¹ *Дописано в нижней части страницы.*

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КАРТАВОВ И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ

Имя Петра Алексеевича Картавова (1873–1941) сейчас известно немногим. А между тем, интересы и деятельность этого человека были очень разносторонними, и он оставил ощутимый след во многих областях гуманитарного знания. Историки книги в России знают его как издателя последнего перед революцией 1905–1907 гг. издания «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и активного деятеля Ленинградского общества библиофилов конца 1920-х–начала 1930-х гг.; историки литературы – как собирателя автографов и исследователя творчества Некрасова и Вольтера; историки бумажного производства – как владельца огромной коллекции филиграней и штемпелей главным образом русской бумаги XVIII–XIX вв. и автора труда по истории гербовой бумаги в России, единственного в дореволюционной историографии.

Между тем, нет ни одной подробной биографии П.А. Картавова, а собранный им материал введен в научный оборот далеко не в той мере, в которой он того заслуживает. Данная статья представляет собой попытку хотя бы в малой степени восполнить эти пробелы.

Основу источниковой базы исследования составляют материалы, отложившиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ), куда попал архив и часть собрания П.А. Картавова¹, а также ряд воспоминаний, – прежде всего, Ф.Г. Шилова, П.Н. Мартынова и П.Н. Беркова². Кроме того, ценную информацию содержат труды и издания самого П.А. Картавова. Для выяснения обстоятельств поступления его архива в Государственную Публичную библиотеку (ныне РНБ) были привлечены также документы, хранящиеся в Отделе архивных документов РНБ (далее – ОАД РНБ).

Петр Алексеевич Картавов (*илл. 1*) родился 25 июня 1873 г. в деревне Вараксино Грязовецкого уезда Вологодской губернии, в семье выходца из крестьян, купца второй гильдии Алексея Федоровича Картавова и крестьянки Анны Никитичны Картавовай, урожденной Шутовой³. Известно, что прадед П.А. Картавова по материнской линии, Иван Прокопьевич Шутов, живший в Риге во второй половине XVIII в., был страстным собирателем книг, и сыновья его также собрали большую библиотеку. Сбирал книги и отец П.А. Картавова⁴. Сам он отмечал: «любовь к книге у меня является потомственной»⁵.

Уже в 1876 г. Алексей Федорович с семейством переехал в Петербург⁶ и обосновался на окраине города, в Новой Деревне, став театральным антрепренером. Он был арендатором Малого театра на Фонтанке (на его месте сейчас находится Большой драматический театр им. Г.А. Товстоногова), владельцем нескольких передвижных актерских трупп и основателем театра и сада «Ливадия»⁷. Таким образом, П.А. Картавов жил в Новой деревне с 1876 г. до самой смерти. В то время это была далекая петербургская окраина, застроенная небольшими деревянными домами. Перепланировка этого района началась только после Великой Отечественной войны, и участок, где жили Картавовы (2-я линия Новой деревни; с 1883 г. – Шишмаревская ул.) сейчас входит в застройку Приморского проспекта и ул. Савушкина⁸.

В 1881–1882 гг. П.А. Картавов учился в петербургском пансионе Е.Л. Васильевой⁹, а в 1883 г., когда ему исполнилось 10 лет, был принят в Санкт-Петербургское Коммерческое училище. Очевидно, Алексей Федорович хотел дать сыну соответствующее образование, чтобы впоследствии передать ему свое дело.

Это учебное заведение было старейшим коммерческим училищем в России и Европе. Основал его еще в 1772 г. П.А. Демидов. Первоначально оно располагалось в Москве, но в 1799 г. было переведено в Петербург и находилось в Чернышевском переулке (современный адрес – ул. Ломоносова, д. 9). В 1871 г. для училища было построено новое здание¹⁰.

Это было среднее специальное учебное заведение, где наряду с основными дисциплинами (математикой, физикой, историей, иностранными языками), преподавались и специальные, такие, как политическая экономия, бухгалтерия, коммерческое счисление, история торговли и коммерческая география.

В начале обучения в училище у П.А. Картавова впервые проявилась страсть к собиранию «предметов русской старины», которой он остался верен до конца жизни. С 1883 г. он начал «ходить по букинистам» и собирать книги¹¹.

Сохранился черновик доклада о русских букинистах, прочитанного Картавовым на заседании Ленинградского общества библиофилов 20 мая 1930 г.¹², где он, между прочим, вспоминал о начале своего собирательства: «<...>возвращаясь однажды в училище, перейдя Чернышев мост, я зашел в мелочную лавочку Крючкова в угловом доме направо с моста (вход был с угла), что-то купил, и мне завернули в оторванный при мне лист Евангелия, написанного полууставом. Я попросил приказчика, нельзя ли продать всю рукопись, он сказал, что можно, положил на весы, свесил и сказал цену. Я заплатил деньги и принес в училище, так как я был там пансионером. С этих пор я стал искать, нет ли еще где-нибудь интересных книг и рукописей и, конечно, прежде всего, пошел на Апраксин рынок, и с тех пор стал ходить по букинистам»¹³.

Большое влияние на молодого Картавова оказал П.О. Морозов, впоследствии известный историк литературы и редактор собрания сочинений Пушкина, преподававший тогда в училище. Благодаря ему, у Картавова «любовь к книге развилась еще больше, сознательнее»¹⁴.

Учился он неплохо и окончил полный курс наук 20 мая 1892 г., получив звание личного почетного гражданина и право поступления в высшее учебное заведение¹⁵. Наибольшие знания он показал, согласно аттестату, в торговом праве и судопроизводстве, а наименьшие – в иностранных языках¹⁶.

21 сентября 1893 г., очевидно, по настоянию отца, он поступил на службу в учетное отделение Санкт-Петербургского учетного и ссудного банка, где, как сказано в аттестате, «исполнял возлагавшиеся на него обязанности вполне добросовестно, исправно и с совершенным усердием»¹⁷. На рубеже XIX–XX вв. этот банк «выступал как младший партнер более крупных банков»¹⁸ и занимался кредитованием торговли, промышленности, железнодорожных обществ. Однако служба П.А. Картавова там была недолгой. В апреле 1896 г. по собственному желанию он оставил ее, и его карьера на этом поприще закончилась.

В 1894 г. скоропостижно скончался А.Ф. Картавов¹⁹, и к П.А. Картавову перешло наследство отца. Как свидетельствует Ф.Г. Шилов, с этого времени он «жил на капитал и доходы от прав на пьесы и оперетты, которые его отец покупал в собственность»²⁰. Кроме того, собирание и изучение «предметов русской старины» отнимало все больше

Илл. 1. П.А. Картавов. Фотография конца 1900-х гг. (ОР РНБ. Ф. 341. Д. 303. Л. 7)

времени и средств. Очевидно, это и послужило причиной оставления банковской службы.

В том же 1894 г. Картавов вступил в Новодеревенское благотворительное общество, а в 1899 г. – в Общество пособия бедным в районе прихода Благовещенской Стародеревенской церкви, «где и состоял пожизненным членом, членом ревизионной комиссии и секретарем, вплоть до закрытия в 1919 году»²¹.

Первые годы после смерти отца П.А. Картавов пытался продолжать его дело. С 1894 по 1930 г. он состоял членом московского Общества русских драматических писателей и оперных композиторов и переводил либретто опер под псевдонимом «Петр Обнорский»²². В период с 1895 по 1898 г. он издал шестнадцать либретто²³, часть из которых была переведена П.А. Картавовым, а часть – его отцом (под псевдонимом «В. Владимиров»). Некоторые из переводов так и не были изданы из-за запрета цензуры²⁴. Интересно отметить, что в «Словаре русских писателей и ученых» С.А. Венгерова он упомянут дважды: один раз как либреттист, а второй – как библиограф²⁵. Это, безусловно, недоразумение.

Для нас важно то, что именно с либретто начинается разносторонняя, но неудачная издательская деятельность Картавова. Как писал он сам в автобиографии, «с 1895 года начал издавать либретто опер, и другие книги, что кроме убытка, ничего не приносило»²⁶.

«Другие книги», упомянутые в автобиографии, он издавал в период с 1897 по 1911 г., с перерывами.

В 1897–1898 гг. П.А. Картавов слушал лекции в Санкт-Петербургском Археологическом институте. По его словам, это «окончательно пристрастило меня к со-

биранию предметов русской старины»²⁷. По-видимому, завершить обучение в институте он не смог. Поскольку у него не было высшего образования, он мог посещать лекции только в качестве вольнослушателя и рассчитывать после окончания курса только на звание «сотрудника» института. Однако в списках «окончивших курс наук», опубликованных в памятной книжке Археологического института, он не значится²⁸. Возможно, он посещал лекции выборочно, по собственным предпочтениям. В то время, когда лекции в институте слушал Картавов, там читали курсы такие крупные исследователи в области специальных исторических дисциплин, как А.И. Соболевский («Славяно-русская палеография»), В.И. Сергеевич («Юридические древности»), Н.П. Лихачев («Дипломатика»), Д.И. Прозоровский («Нумизматика и метрология»)²⁹. Эти лекции не могли не оказать на него большого влияния, и именно тогда появляются первые его научные работы по библиографии и истории гербовой бумаги в России, в которых он выступил и как автор, и как издатель.

На рубеже веков в его жизни случилась важная перемена: в 1900 г. Картавов женился на дочери коллежского советника дворянке Марии Андреевне Петровой³⁰ (илл. 2), которая родила ему четверых детей (Александра, Елену, Андрея и Николая)³¹.

Можно говорить о том, что круг собирательских и исследовательских интересов П.А. Картавова оформился к началу XX в., и подготовку, необходимую для составления и исследования коллекций, он к этому времени прошел.

Важно отметить, что свои коллекции он собирал с большим энтузиазмом, и двигало им, прежде всего, желание сберечь предметы, являвшиеся красноречивым свидетельством русской истории и культуры. Кроме того, свои материалы он изучал, привлекая широкий круг источников.

Если говорить о направлениях собирательства П.А. Картавова, то их можно выделить несколько, как показано в Схеме 1. Эта систематизация, составленная с точки зрения источниковедческой классификации, в значительной степени условна, но позволяет представить себе весь широкий круг его интересов.

Во-первых, это печатные книги и рукописи, т. е. письменные источники.

Книги – пожалуй, самое старое по времени собирательское пристрастие П.А. Картавова. Основная тематика – русская история и литература XVIII–XIX вв. Особое внимание он уделял творчеству Н.А. Некрасова, земляком которого был. Кроме того, он собирал «все издания Вольтера и все, что напечатано о Вольтере в России, задумав издать книгу «Вольтер в России»»³². Библиографию на эту тему он составлял и после революции, она хранится в ОР РНБ. Существенной частью его библиотеки были библиографические справочники, подбор которых был, по свидетельству Ф.Г. Шилова, «великолепным»³³. Это отразилось даже в экслибрисе Картавова: он представлял собой художественно-оформленный бланк, куда нужно было вписывать номера, под которыми данная книга числилась в справочниках (илл. 3). Вероятно, такое внимание к справочникам и вообще к точности в собирании книг обусловлено влиянием школы, пройденной в Археологическом институте.

Кроме экслибрисов, Картавовым были напечатаны бланки «библиографических примечаний» к каждой книге и особые карточки «передвижного каталога библиотеки П.А. Картавова», которые должны были содержать в себе максимум сведений о книге. Сохранился черно-

Илл. 2. Пригласительный билет на свадьбу П.А. Картавова и М.А. Петровой и ее согласие на брак. 1900 г. (ОР РНБ. Ф. 341. Д. 244. Л. 18–19)

вой автограф статьи «Передвижной каталог по системе П.А. Картавова», где детально описана эта система, и приведен проект упомянутой выше карточки³⁴.

В 1897 г. вышел первый, а в 1898 г. – второй выпуск «Библиографических известий о редких книгах» П.А. Картавова³⁵, содержащие, по определению автора, «ряд сведений, возможно правильных, для справок о книжных редкостях»³⁶. Первый выпуск был в 1898 г. переиздан³⁷.

В архиве редактора «Исторического вестника» С.Н. Шубинского сохранилось письмо П.А. Картавова к нему, написанное после выхода первого выпуска:

«С.-Петербург[ур]г, 10 Января 1898 г.

Ваше превосходительство, Сергей Николаевич!

Позвольте мне – начинающему книголюбу – Вам лично неизвестному – поднести 1-ый выпуск моего издания. Надеюсь, что по рассмотрении Вы соизволите дать отзыв о нем, как бы он ни был резок, в редактируемом Вами «Историческом вестнике». Так как библиографические издания без поддержки авторитетов и печати существовать у нас не могут.

Простите за откровенное слово, но лгать и льстить я не умею.

Надеюсь, что все вышеописанное будет между нами, остаюсь с полным уважением к Вашим трудам, П. Картавов»³⁸.

Отзыв вышел через полтора года, в четвертом номере «Исторического вестника» за 1899 г. Автором его был библиограф и этнограф Б.М. Городецкий. В целом, отзыв был написан в благожелательном тоне, но содержал и указания на недочеты. В частности, нельзя не признать справедливым мнение, что книги напоминают «ежемесячный журнал, составленный без всякой системы и определенной программы»³⁹.

В 1906 г. П.А. Картавов даже открыл книжный магазин в Петербурге, рядом с Невским проспектом, по адресу Екатерининская ул. д. 3 (сейчас – Малая Садовая). Разрешение на открытие было выписано еще 18 мая 1905 г.⁴⁰, однако открылся магазин только в июле 1906 г.

Илл. 3. Экслибрис П.А. Картавова. 1900-е гг. (Отдел эстампов РНБ)

Магазин занимался покупкой, продажей, обменом книг, подбором библиотек, выполнением поручений по доставке книг и устройством аукционов по распродаже библиотек⁴¹. В это же время Картавовым устраивались книжные аукционы, причем издавались их каталоги⁴². Для этих аукционов он «брал книги из своего собрания, а также принимал на комиссию от других владельцев»⁴³. Как отмечает современная исследовательница истории книжных аукционов в России А.С. Семина, «среди многочисленных аукционов этого периода выделяются торги П.А. Картавова, который первым начал специально подбирать книги для каждого аукциона "на конкурсной основе" из числа предложенных библиофилами, предвосхитив современный подход к отбору изданий для торгов»⁴⁴. Вряд ли будет ошибочным утверждение, что если приблечь от аукционов и была, то она вся уходила на пополнение собраний Картавова, в первую очередь, книжных. По его собственному свидетельству, «<...>устроив три аукциона своих книг, убедился, что без денег и при дороговизне помещения такое дело вести нельзя, и в 1907 году его закрыл»⁴⁵.

Рукописи, собираемые Картавовым, можно разделить на несколько больших групп.

Во-первых, это рукописные книги и списки литературных произведений. Хронологические рамки привычны – это XVIII–XIX вв. В его собрании есть стихотворные сборники этого времени и большое количество списков поэтических и драматических произведений, среди которых, например, прижизненные списки стихотворений А.С. Пушкина⁴⁶.

Во-вторых, это автографы известных людей – еще одно важное направление в собирательстве Картавова. По свидетельству Ф.Г. Шилова, «в погоне за автографами Картавов не знал меры»⁴⁷. 25 апреля 1917 г. он прямо на заседании Новодеревенского рабочего клуба взял автограф у Ленина⁴⁸: «В начале революции на собрании, на котором выступал В.И. Ленин, в тот момент, когда Владимир Ильич закончил свою речь возгласом "Да здравствует социалистическая революция!" Картавов вбежал на сцену с открытым альбомом и попросил Владимира Ильича: "Будьте добры, напишите мне последние слова вашей речи". И Ленин написал»⁴⁹.

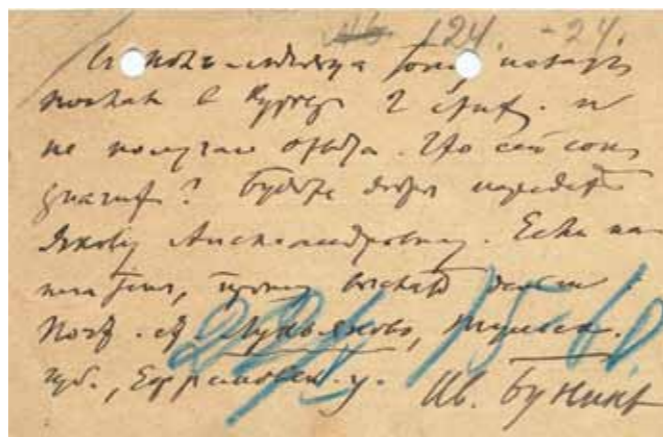
Среди лиц, чьи автографы сохранились в фонде Картавова⁵⁰ – правительница Анна Леопольдовна, Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, великий князь Константин Павлович, Г. Лесток, В.П. Стасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.А. Бунин (см. илл. 4), М.К. Цебрикова, И.Н. Пнин, К.М. Фотанов, Ц.А. Кюи, А.В. Висковатов, И.Е. Забелин, М.С. Куторга, А.С. Меншиков, Д.А. Милютин, Б.Л. Модзалевский, Н.Ф. Финдейзен. Кроме того, в личном архиве Картавова есть письма к нему от А.Ф. Бычкова, А.Ф. Кони, В.И. Семевского и других деятелей науки и культуры первой четверти XX в.

Часть автографов, наиболее ценных, П.А. Картавов передал в октябре 1904 г. в Императорскую Публичную библиотеку «в благодарности за пользование ее сокровищами», как он писал директору библиотеки Д.Ф. Кобеко. Среди них – письмо императрицы Марии Федоровны А.Н. Оленину, письмо Н.М. Карамзина А.И. Ермолаеву (илл. 5) и письмо К. Тишендорфа, «относящееся к изданию Синайской рукописи Евангелия IV в.», т. е. знаменитого Синайского кодекса, тогда еще хранившегося в библиотеке⁵¹. Вскоре он получил звание комиссионера Императорской Публичной библиотеки, которым очень дорожил⁵².

Кроме этого, Картавов приобретал и личные архивы: К.К. Случевского, И.Т. Лисенкова, Ю.М. Богусевича, С.К. Грейга и других деятелей XVIII–XIX вв.⁵³ Наиболее значительными его приобретениями здесь были архив Л.П. Шелгуновой и архив В.П. Полякова. Об этих архивах следует сказать особо, так как Картавов очень тщательно их разбирал, а кое-что и опубликовал в своем «Литературном архиве», вышедшем в 1902 г., и «Журнале редкостей» 1911 г.

Главной ценностью архива Л.П. Шелгуновой, вдовы известного писателя Н.В. Шелгунова, умершей в 1901 г., был альбом с автографами русских писателей и поэтов второй половины XIX в.: Н.А. Некрасова, А.Н. Майкова, Я.П. Полонского, Л.А. Мея и других. Необходимо отметить, что П.А. Картавов приобрел также права на издание сочинений ее покойного мужа, ее самой и писателя-революционера 1850–60-х гг. М.Л. Михайлова⁵⁴. Сочинения последнего он издал в 1903 г. Несмотря на многочисленные цензурные препоны⁵⁵ (Михайлов в 1861 г. был сослан на каторгу за распространение прокламаций), издание все же увидело свет⁵⁶.

Архив книгопродавца В.П. Полякова, который Картавов купил в ноябре 1901 г. у Н.В. Соловьева, содержал, кроме прочего, автографы произведений Н.А. Некрасова, «относящиеся к самому началу его деятельности»⁵⁷. Эта покупка, очевидно, еще больше усилила интерес Картавова к Некрасову. Поэму «Юность Ломоносова», найденную среди бумаг, он опубликовал в «Литературном архиве» вместе со статьей о раннем творчестве Некрасова в свете имевшихся у него рукописей⁵⁸. Личностью самого В.П. Полякова Картавов тоже интересовался и даже написал статью о нем в «Русском биографическом словаре» А.А. Половцова⁵⁹.

Илл. 4. Письмо И.А. Бунина в редакцию газеты «Курьер». 1901 г. (ОР РНБ. Ф. 341. Д. 393)

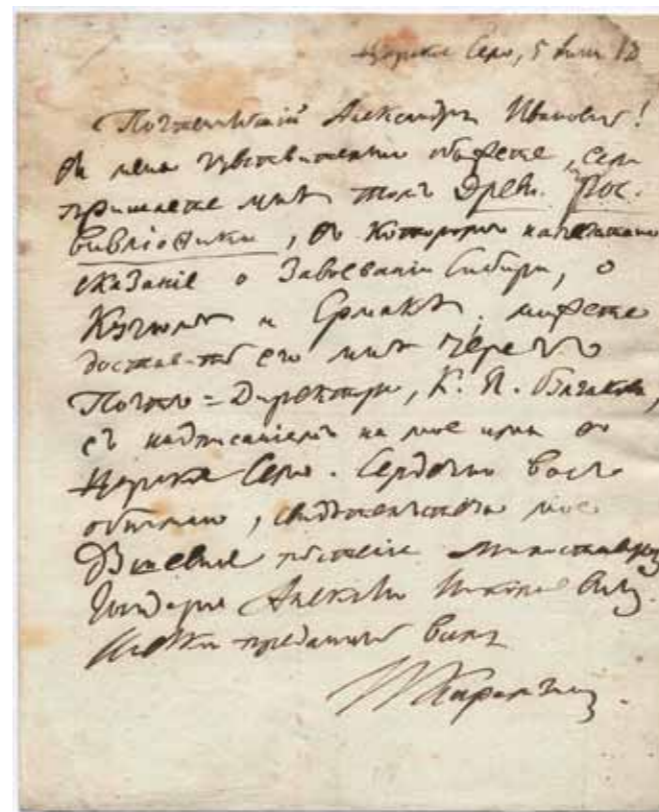
В том же 1902 г. П.А. Картавов активно участвовал в проведении Некрасовской юбилейной выставки, устроенной в Ярославле к 25-летию со дня смерти поэта. Сохранилась его обширная переписка с председателем юбилейной комиссии С.А. Мусиным-Пушкиным⁶⁰. Множество экспонатов, выставленных тогда, прислал Картавов.

Всю жизнь он собирал материалы о Некрасове, планируя издать на их основе «Некрасовский сборник», объемные подготовительные материалы к которому сохранились⁶¹. Сборник так и не вышел в свет, но материалы, собранные Картавовым, много раз использовались исследователями, а в 1921 г. стали основой «Некрасовского альбома»⁶², выпущенного к столетию со дня рождения поэта под редакцией В.Е. Евгеньева-Максимова. Они же легли в основу художественно-иллюстративного отдела Некрасовского музея, основанного в том же, 1921 г.: «Однако, рукописный отдел музея не является единственным: наряду с ним в музее организован художественно-иллюстративный отдел. В него, прежде всего, входит большое собрание портретов Некрасова, его родственников, его современников, карикатур на него и т. д. Это собрание было приобретено музеем у известного библиофила П.А. Картавова (издателя «Литературного архива»), который, будучи земляком Некрасова и большим почитателем его таланта, в течение многих лет неутомимо собирал каждую фотографию, каждую гравюру, относящуюся к Некрасову и его эпохе»⁶³.

Вторым итогом работы Картавова (после «Библиографических известий») над книгами и рукописями стал уже упомянутый «Литературный архив», издаваемый П.А. Картавовым, вышедший в свет в октябре 1902 г. В предисловии к этой книге он писал: «"Литературный архив" – издание новое, предназначающееся для сохранения и соединения всех донныне неизданных произведений русских авторов и переводчиков, материалов для истории русской литературы, журналистики, цензуры, иллюстрации и книжной торговли»⁶⁴. Такая задумка интересна тем, что, по сути, предполагает выпуск «Литературного архива» как историко-литературного альманаха, однако ни сведений о его периодичности, ни номера выпуска в нем нет⁶⁵.

В единственном вышедшем выпуске «Литературного архива» опубликованы разнородные по своей тематике материалы, объединенные, с одной стороны, их «неизданностью» или библиографической редкостью изданий, а с другой – предпочтениями и возможностями самого П.А. Картавова.

Очевидно, большого коммерческого успеха «Литературный архив» не имел. Объяснить это можно тем, что

Илл. 5. Письмо Н.М. Карамзина А.И. Ермолаеву, переданное П.А. Картавовым в ИПБ в 1904 г. 1820 г. (ОР РНБ. Ф. 336. Д. 8. Л. 1)

к таким изданиям массовый читатель тогда не привык. Фактически, это был именно архив разнородных материалов, опубликованных под одной обложкой. «Литературный архив» нес на себе слишком ясный отпечаток всего спектра увлечений и занятий его издателя.

Следующим важным объектом собирательства П.А. Картавова были документы ведомственного происхождения. В их числе документы таких ведомств, как Департамент горных и соляных дел⁶⁶, Главное управление по делам печати⁶⁷, Комитет великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий⁶⁸, Санкт-Петербургский врачебно-полицейский комитет⁶⁹, газета «Курьер»⁷⁰.

Но первое место среди материалов этой группы и по объему, и по значению занимает, бесспорно, архив Соляной конторы за XVIII–начало XIX вв. Картавов купил этот архив «у макулатурщиков»⁷¹, по-видимому, в середине 1890-х гг. и разбирал его в течение многих лет. Можно с уверенностью сказать, что эта покупка стала поворотным моментом в его деятельности. Разбор такого количества бумаг XVIII в. требовал высокого уровня профессиональной подготовки. По-видимому, именно с этого момента в значительной мере окрепло увлечение Картавовым историей монетного, почтового, бумажного дела в России. Достаточно сказать, что документы архива легли в основу коллекций гербовой и штемпельной бумаги, филиграней, документов по монетному делу, составленных Картавовым. Архив и сам по себе содержал очень интересные документы. Соляная контора (с 1754 г. – Главная соляная контора) ведала добычей, хранением и продажей соли, являвшимися государственной монополией. Местными органами главной конторы были подчиненные ей конторы и комиссарства. Эта система была реорганизована в начале XIX в., что было закреплено Соляным уставом

1818 г.⁷² В архиве Конторы были самые разнообразные документы, в том числе связанные с расходами двора, на которые шла часть прибыли за соль.

Следующим направлением собирательства Картавова были филигранны, штемпели, гербовая бумага, монеты, боны, почтовые марки.

Что касается филиграней, штемпелей и гербовой бумаги, то основной массив материала для составления коллекций Картавов получил, как уже было сказано, вместе с архивом Соляной конторы. Эти коллекции составлялись Картавовым до самой смерти, но его интерес к истории русской бумажной промышленности был высоким уже в 1890-х гг. По-видимому, он планировал написать подробную историю писчебумажного дела в России на основе, с одной стороны, собранного материала, а с другой, – широкого круга источников. Сохранилось собрание карандашных выписок Картавова из разных источников о бумажных фабриках и их владельцах, которое по своей полноте уникально⁷³. В перспективе на их основе планируется издание сборника документов по истории писчебумажного дела в России.

Сама коллекция сейчас распределена между Отделами рукописей РНБ и БАН. В ОР РНБ хранится малая часть коллекции филиграней, большая часть коллекции гербовой бумаги и коллекция штемпельной. В БАН хранится основная часть коллекции филиграней, переданная туда в 1946 г. родственниками П.А. Картавова. На ее основе М.В. Кукушкина опубликовала статью о филигранях русской бумаги XVIII–XIX вв.⁷⁴

Последнее десятилетие XIX в. ознаменовалось выходом в свет капитальных трудов Н.П. Лихачева «Бумага и бумажные мельницы в Московском государстве» (СПб., 1891) и «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (СПб., 1899). По свидетельству самого Картавова, «усиленно» собирать бумагу с водяными знаками он начал с 1891 г., очевидно, сразу после выхода в свет первой книги Н.П. Лихачева⁷⁵. Картавов, хорошо знавший Лихачева, написал небольшую заметку с дополнениями к его первой книге. Сохранилась она в оттисках, которые были напечатаны «в количестве 25 экземпляров не для продажи»⁷⁶, причем экземпляр, хранящийся в ОР РНБ содержит существенную правку автора.

П.А. Картавову принадлежит приоритет в изучении гербовой бумаги в России. В 1899–1900 гг. он написал и издал небольшую книгу «Исторические сведения о гербовой бумаге в России»⁷⁷. Основным источником для нее явились материалы его личного собрания. Тираж ее был очень мал, а цена очень высока. По словам самого автора, «эта книга обратила на себя внимание цензуры, ввиду напечатанного в ней на с. 7–9 проекта "прибыли государства, казне и людям", как несоответствовавшего видам правительства, и едва разрешили выпустить неоконченной, в количестве 100 экземпляров по 5 р. экземпляр»⁷⁸. Сейчас трудно судить, насколько это соответствует действительности. Никаких документов, связанных с цензурными препонами по этому изданию, в архиве П.А. Картавова нет. Во всяком случае, в книге нет ничего, что могло бы встретить резкое противодействие со стороны цензуры.

В Основном фонде РНБ хранится первый экземпляр этой книги с дарственной надписью Картавова собирателю Н.Ф. Романченко, датированной 29 июня 1899 г.⁷⁹ (илл. 6).

Интересно отметить, что в корректурных экземплярах этой книги есть проспект будущих изданий, в которых предполагалось опубликовать государственные кредитные билеты, почтовые марки, визитные карточки и образцы почерков XVIII–XIX вв., однако в окончательном варианте издания это объявление отсутствует.

Этот труд Картавова долгое время оставался единственным по данной теме.

Что же касается штемпельной бумаги, то уникальная коллекция, насчитывающая 600 листов⁸⁰, только теперь вводится в научный оборот, и П.А. Картавов был первым, кто в нашей стране занялся исследованием штемпельной бумаги.

Важно отметить, что несомненной заслугой Картавова является осознание им исторической и источниковедческой ценности собираемого материала, стремление сохранить его для будущих поколений исследователей.

Наконец, необходимо отметить, что большое внимание П.А. Картавов уделял собиранию изобразительного материала, прежде всего гравюр, причем не только собственно оттисков, но и клише. В «Литературном архиве» он пишет: «По возможности, статьи будут иллюстрироваться редкими и интересными портретами, карикатурами, автографами, снимками с заглавных листов и т. п.; между прочим подлинными клише сороковых годов, приобретенных мною после В.П. Полякова и И.Т. Лисенкова»⁸¹.

Также П.А. Картавов владел клише к так называемым «бекетовским портретам», награвированным для «Собрания портретов россиян знаменитых» и «Пантеона российских авторов», издававшихся в 1820-х–1840-х гг. известным русским собирателем П.П. Бекетовым. У Картавова были клише тех портретов, которые тогда так и не были изданы.

Уже упоминалось собрание изобразительных материалов, связанных с Некрасовым, полнота которых была исчерпывающей.

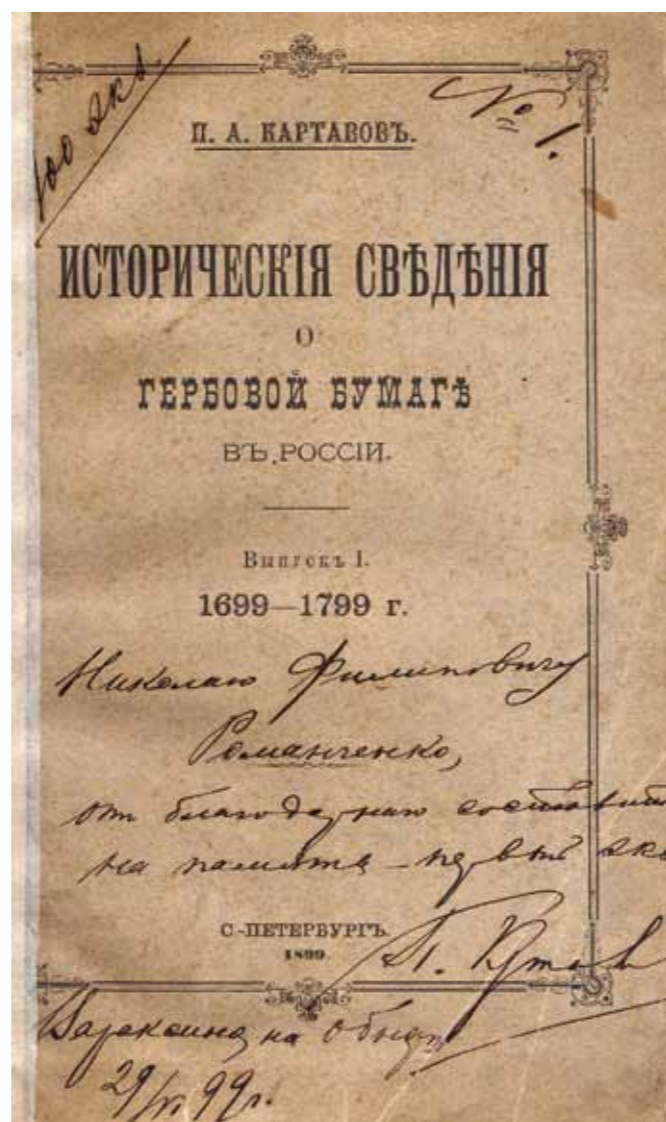
К изобразительным материалам можно также отнести книжные обложки, которые Картавов собирал уже позднее, в 1920-х–30-х гг.

На 1900-е гг. – приходится пик издательских предприятий П.А. Картавова. Бесспорно, самое интересное из них – это издание «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева.

Вплоть до первой русской революции все попытки переиздания этой книги наталкивались на неизменное противодействие со стороны цензуры, и ни одного издания, предназначенного для массового читателя, не было.

В 1888 и 1899 г. попытки издания «Путешествия...» предпринимались, соответственно, А.С. Сувориным и А.Е. Бурцевым. Однако они были разрешены с условием очень ограниченного тиража и высокой цены книг, что должно было препятствовать распространению их в народе. Так, «суворинское» издание⁸² было напечатано тиражом всего в 100 экземпляров.

П.А. Картавов решил выпустить в свет полное собрание сочинений А.Н. Радищева в 1902 г., приурочив издание к столетию со дня смерти писателя. В октябре 1902 г. он подал прошение в Главное управление по делам печати, но Управление признало его «не подлежащим удовлетворению»⁸³. Тогда Картавов решил издать только «Путешествие...», поскольку официально запрет на его издание был снят еще в 1867 г. повелением Александра II⁸⁴. Книга была напечатана тиражом в 2900 экземпляров⁸⁵. В ней были вынужденные пропуски текста, но количество их было невелико⁸⁶. Однако, как писал Н.П. Смирнов-Сокольский, «Картавов не учел, что цензура великолепно понимала разницу между изданиями, напечатанными в количестве ста экземпляров и предназначенными для узкого круга и изданием, рассчитанным на массового читателя, которого царское правительство в 1903 г., в самый канун первой русской революции 1905 года, особенно оберегало от взрывного действия сочинений Радищева»⁸⁷. Сначала на издание Картавова был наложен арест, а

Илл. 6. Первый экземпляр книги П.А. Картавова «Исторические сведения о гербовой бумаге в России» с дарственной надписью автора Н.Ф. Романченко. 1899 г. (Основной фонд РНБ)

в итоге 8 июля 1903 г. весь тираж «был перемолот в бумажную массу в типографии петербургского градоначальника»⁸⁸. Только сорок экземпляров было отправлено в Цензурный комитет и таким образом избежало уничтожения.

Сейчас «картавовский Радищев» является едва ли не большей библиографической редкостью, чем даже первое издание книги (СПб., 1790). Интересно отметить, что существует, как минимум, два варианта этого издания: на экземпляре, принадлежавшем Н.П. Смирнову-Сокольскому, на титульном листе имя издателя и выходные данные указаны, а на двух экземплярах, хранящихся в РНБ, – нет⁸⁹.

После ареста и уничтожения книги Картавов пытался переиздать «Путешествие...» на тех же условиях, на которых издавали его А.С. Суворин и А.Е. Бурцев, прося Главное управление по делам печати «еще раз не отказать выпустить по предыдущим примерам 100 экз. без всяких пропусков»⁹⁰, однако просьба не была удовлетворена. Она преследовала, кроме прочих, и цель покрыть убытки, связанные с уничтожением тиража. Прощение, поданное на имя министра внутренних дел В.К. Плеве, также не было удовлетворено⁹¹.

Таким образом, все попытки П.А. Картавова выпустить в свет сочинения А.Н. Радищева потерпели неудачу. Первое общедоступное издание «Путешествия...» было осуществлено Н.П. Павловым-Сильванским и П.Е. Щеголевым в 1905 г.⁹², а полного собрания сочинений писателя – только в 1907 г.⁹³

В 1904 г. П.А. Картавов издал сборник «ростопчинских афиш» – «летучих листков» 1812 г. на основе материалов своего собрания. Книга была напечатана на бумаге очень высокого качества, и тираж ее был всего 300 экземпляров⁹⁴. Издание он предварил шуточным «Разговором с читателем», в котором подробно объяснил его необходимость неполнотой и неточностями предыдущего издания А.С. Суворина⁹⁵. Здесь же он упоминает, что в его собрании 57 (sic!) «афиш», и анонсирует следующее их издание, на этот раз фототипическое⁹⁶. П.А. Картавов включил в свое издание не только листки, написанные самим Ф.В. Ростопчиным, но и другими лицами.

Следующие издания П.А. Картавова относятся ко времени первой русской революции.

Летом 1905 г. на волне революционных событий он задумал издавать журнал политической сатиры. К этой задумке он привлек известного писателя и издателя эпохи Великих реформ Н.Л. Пушкарёва. Уже в июне 1905 г. был составлен проект воссоздания журнала «Свет и тень», издававшегося и редактировавшегося Н.Л. Пушкарёвым в 1878–1883 гг. и закрытого по политическим соображениям⁹⁷. Проект этот в течение второй половины 1905 г. обсуждался, причем предполагаемое издание несколько раз меняло название – сначала на «Свисток», затем на «Свободное слово»⁹⁸. Кроме того, П.А. Картавов и Н.Л. Пушкарёв заключили договор, по которому последний предоставлял Картавову право издания своих сочинений⁹⁹. В итоге, в начале 1906 г. вышел первый номер журнала «Бомбы». Разрешение на издание было выписано 16 января 1906 г.¹⁰⁰

Редактором-издателем журнала являлся П.А. Картавов, а Н.Л. Пушкарёв написал для него несколько статей¹⁰¹, хотя первоначально предполагалось, что они будут соредакторами¹⁰². В начале 1906 г. между ними произошла ссора, связанная, по всей видимости, с денежными затруднениями Картавова¹⁰³, а в конце 1906 г. Пушкарёв скончался.

Журнал предполагалось издавать еженедельно; заявленная программа была насыщена, но по своей сути это был сатирический журнал с материалами «на злобу дня». Девизом журнала стали слова Н.А. Некрасова:

«Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!»¹⁰⁴.

«Бомбы» были наполнены острой злободневной политической сатирой и богато иллюстрированы карикатурами.

Объем журнала был небольшим – всего 8 страниц в каждом номере. В нем были напечатаны стихотворение и заметка П.А. Картавова под псевдонимами «Некрасов» и «Молодые новобранцы»¹⁰⁵ (о них упоминал П.Н. Мартынов; кроме того, они раскрыты в «Словаре псевдонимов» И.Ф. Масанова со ссылкой на самого Картавова)¹⁰⁶. Возможно, что за подписями под некоторыми статьями «П. К.» и «С. П. К.» тоже скрывается он.

Вот пример заметки, напечатанной в журнале:

«Современное
– Дома г. Фальковский?
– Никак нет, их дома нет.
– Он не сказал, когда придет?
– Они ничего не успели сказать, так как их арестовали,

и где они теперь, неизвестно.

Иду дальше.
– Дома Сергей Юльевич?
– Пожалуйте, дома.
– Удивительно»¹⁰⁷.

Неудивительно, что автор заметки, направленной про- тив С. Ю. Витте, скрыл свое имя под псевдонимом «Я. – ».

Всего вышло два номера «Бомб». Набор третьего был остановлен полицией¹⁰⁸. Как вспоминал впоследствии П.Н. Мартынов, журнал «сразу же по выходе в свет конфисковывали, а потом и совсем закрыли»¹⁰⁹.

Следующий журнал, который издавал П.А. Картавов, назывался «Весельчак». Разрешение на издание было вы- писано 5 апреля 1907 г.¹¹⁰

Формально редактором значился некий А.П. Шаши- лов¹¹¹, а П.А. Картавов числился только издателем. Однако фактически журнал редактировал Картавов – сохрани- лись объемные редакционные материалы с его правкой¹¹².

В рекламной рассылке журнала П.А. Картавов зна- чился как директор «международного издательства книг и журналов», расположенного в Санкт-Петербурге, Берлине, Лейпциге, Париже, Познани, Кракове, Варшаве, Стокгольме и Гельсингфорсе¹¹³. Очевидно, это было не- обходимо для придания «значительности» изданию и привлечения подписчиков.

Формально вышло семь номеров «Весельчака», но фактически – только шесть, так как шестой номер был конфискован полицией¹¹⁴. В отличие от «Бомб», это было обыкновенное бульварное издание, без какой бы то ни было политической окраски. Оно было чисто коммерче- ским, – очевидно, таким способом Картавов пытался хоть как-то поправить свои дела. Издание позиционировалось как журнал

«Любви и наслаждений,
Пикантных приключений,
Красы и развлечений,
Веселых походов»¹¹⁵.

Несмотря на то, что в программе «Весельчака» были заявлены, среди прочего, распоряжения правительства, шахматы и репертуары театров¹¹⁶, ничего этого в номерах журнала нет. Полиция изъяла шестой номер журнала не по политическим, а по нравственным соображениям. В седьмом номере, последнем перед окончательным за- крытием журнала, было даже напечатано «объяснение» о том, что шестой номер был «конфискован полицией вследствие наложенного цензурным комитетом ареста, с привлечением редактора к ответственности по 1001-й статье Уложения о наказаниях»¹¹⁷.

В сентябре 1907 г., после неудачи с «Весельчаком», П.А. Картавов получил разрешение на издание следую- щего журнала – «Веселая неделя», программа которого была схожа с программой «Весельчака»¹¹⁸. В его архиве хранится два экземпляра разрешения – один для изда- теля, другой – для типографии. Таким образом, можно утверждать, что до издания дело не дошло. Причина тому, скорее всего, недостаток средств.

Итог издания «Весельчака» для Картавова выразился в том, что «на этом он порядочно потерял и на некоторое время излучился от издательской мании»¹¹⁹, что не поме- шало ему, однако, уже через год совершить путешествие за границу, вероятно, на средства родителей жены, вла- девших тремя домами¹²⁰.

Осенью 1908 г. Картавов с семьей переехал в Ниццу, очевидно, два поправления здоровья жены. Сохранилось письмо Картавова к историку К.А. Военскому, датирован- ное 29 октября 1908 г. Вот фрагмент из этого письма: «Мы занимаем здесь отдельную виллу с роскошным садом,

в котором растут апельсины, лимоны, мандарины, гранаты, груши, виноград и масса земляники, которая, как говорят, поспеет в феврале. А цветов-то Вы бы посмотрели, сколько; каждый день все распускаются новые. Погода дивная, часов в 11 утра бывает 35–36° тепла, а ночью 12–13°. Днем и вечером 20–22° тепла. За месяц было три дождика. Я сижу весь день в ночной рубашке и в соломенной шляпе. В девятом часу утра выходим на балкон и пьем утренний чай, затем в продолжение целого дня едим фрукты; завтракаем в 12, обедаем в 5, затем вечерний чай в 7 часов и в девятом уже спим. Все было бы хорошо, только вот жена нездорова, а ребятишки целый день в саду. Няню привезли из России, горничную наняли здесь – итальянку, а кухарка – француженка, стряпает ничего себе, только пирогов и блинов не знает приготовить»¹²¹. Климат не спас Марию Андреевну – она скончалась от чахотки в том же 1908 г.¹²², и Картавов с детьми вернулся в Петербург.

Последнее по времени издательское начинание П.А. Картавова относится к 1911 г., когда вышли три номера «Журнала редкостей». В этом журнале, как в зеркале, отразился его издатель, поэтому на этом издании следует остановиться подробнее, несмотря на то, что после выхода третьего номера оно прекратило свое существование.

В первом номере во вступительной статье П.А. Картавов писал: «Мы ставим целью журнала способствовать возможно большему сохранению предметов нашей старины как необходимого материала для истории русской жизни. Отсутствие журнала, который был бы посредником между историками и коллекционерами, с одной стороны – и владельцами различного "старья", с другой, служило к тому, что последние, получая в наследство, допустим, старые письма, конверты, старые дела бросали их в камин или, в лучшем случае, в ящики разных благотворительных обществ»¹²³. *De facto* журнал преследовал несколько целей: с одной стороны, это – посредничество, о котором говорилось в цитате, приведенной выше, с другой, – публикация «редкостей», принадлежащих Картавову, и издание статей. И, наконец, – объявление о покупке и продаже «редкостей» самим Картавовым.

«Редкости» понимались в самом широком смысле этого слова. В журнале, согласно объявлению о подписке, помещались следующие отделы:

«Русские книжные редкости – в котором читатели найдут точное воспроизведение с заглавных листов редких ныне книг, гравюр, портретов, могущих оказаться в частных библиотеках, где даже не знают о их ценности в настоящее время.

Русские монеты, медали, ассигнации. Между прочим, будут напечатаны воспроизведения с проектов монет, предполагавшихся к выпуску, указы о монетах (со снимками с подлинных гравюр), ассигнации и т. д.

Русские почтовые, земские и налоговые марки, в точном воспроизведении с оригиналов, с указанием стоимости их в настоящее время.

Русская гербовая и вексельная бумага, с 1699 года до наших дней; исторический очерк с многочисленными иллюстрациями с редких подлинников.

Автографы, неизданные произведения и портреты русских литераторов и знаменитых лиц»¹²⁴.

Можно провести параллель с изданным за девять лет до этого «Литературным архивом», однако, помимо явных сходств, есть и различия: во-первых, теперь речь уже шла не о литературных «редкостях», и о «редкостях вообще», что отразило эволюцию в собирательской и исследовательской работе П.А. Картавова. А во-вторых, издание было уже изначально заявлено как периодическое.

Илл. 7. Образцы библиотечных штампов, собранные П.А. Картавовым. (ОР РНБ. Ф. 341. Д. 897. Л. 13, 68, 91, 129)

«Журнал редкостей» – это, в какой-то степени, итог жизни и деятельности П.А. Картавова до революции.

Что касается состава трех вышедших номеров журнала, то он полностью отвечает заявленной программе. Интересна публикация фотоснимков филигранных портретов государственных деятелей, сопровождаемая заметкой Картавова «О водяных знаках, видимых в бумаге»¹²⁵. В журнале – списки уже упомянутых «бекетовских портретов», факсимиле автографов, письма, заметки и статья П.А. Картавова о штемпельных конвертах¹²⁵. Кроме всего прочего, здесь же помещена статья друга Картавова, Н.Ф. Романченко, «Русские жемчужные серьги моего собрания»¹²⁶.

К сожалению, это интересное во многих отношениях издание прекратило свое существование в том же 1911 г. Причину этого определить трудно. По-видимому, ею были финансовые затруднения Картавова. Корректуры части статей, которые предполагалось поместить в четвертом номере, сохранились в его архиве¹²⁸.

После 1911 г. он не прекращал собирательскую и исследовательскую работу, однако больше уже ничего не публиковал и не издавал, занимаясь разбором и преумножением коллекций. В 1914 г. основал Комитет трудовой помощи и столовую для жен и детей запасных и солдат, взятых на войну¹²⁹.

В 1917 г. наступил новый период в истории страны, и эти перемены не могли не отразиться на жизни П.А. Картавова и его семьи.

Февральскую революцию Картавов принял, успев даже стать основателем и секретарем Новодеревенского продовольственного комитета (продовольственной управы)¹³⁰.

Октябрьскую революцию он принял скептически. Как писал об отце в автобиографии сын П.А. Картавова, Николай Петрович, «в партии он не состоит в силу своего социального положения и личных взглядов, кои во многом расходятся [с] политикой советской власти»¹³¹.

В 1917 г. три дома из четырех, принадлежащих Картавовым в Новой деревне, сгорели, и в уцелевшем Картавову оставили небольшую квартиру¹³². Предоставим опять слово Николаю Петровичу: «У остальных тоже все отняли, деда»¹³³

разбил паралич. Старший брат ушел добровольцем в Красную армию – а нас трех малышей с пустыми руками, спасая от голода, послал в деревню<...>»¹³⁴. В Красную армию пошел добровольцем старший сын Александр, которому в 1918 г. было 16 лет. Остальные дети – дочь Елена 15 лет, сыновья Андрей и Николай 11 и 10 лет остались при отце¹³⁵.

В конце 1918 г. П.А. Картавов, пытаясь хоть как-то преодолеть нужду, тоже уехал из Петрограда на родину, в деревню Варакино, где через некоторое время стал председателем Варакинской молочной артели¹³⁶; кроме того, он занимался закупкой лекарств «для нужд граждан Варакинского районного совета»¹³⁷. При этом, Картавов периодически приезжал в Петроград, куда окончательно вернулся, по-видимому, около 1922 г.

В 1920-х гг. он женился вторично на М.П. Минаевой. Нужда заставила Картавова продать большую часть своей библиотеки и коллекции гравюр¹³⁸. Как писал Ф.Г. Шилов, «большая часть библиотеки была продана им одному лицу в начале революции, а в 1923 г. остатки проданы ходячим книжникам, которые в свою очередь продавали все почти на вес»¹³⁹.

Как уже говорилось, собрание материалов по Некрасову он передал Некрасовскому музею.

Переживания революционных лет отразились на его здоровье. В 1927 г. он писал своему другу, известному собирателю и ученому Н.П. Лихачеву: «Благодаря переживаниям последнего Х-летия у меня образовалось сужение финансов и расширение сердца и печени»¹⁴⁰.

Между тем, революция и связанные с ней потери не могли не изменить особенностей собирательской и исследовательской работы Картавова.

С начала 1920-х гг. все большее место среди собираемого им материала начинают занимать боны и марки, которые не требовали больших вложений. 1920-е годы, вообще, характеризуются высоким уровнем развития бонистики и филателии в нашей стране. Это было обусловлено, прежде всего, огромным количеством бон, марок, денежных суррогатов, порожденных гражданской войной, которые сразу стали предметом коллекционирования. Известно, что в 1925 г. у П.А. Картавова была коллекция бон в 800 знаков¹⁴¹. В ОР РНБ¹⁴² хранится ничтожная часть этой коллекции, так как основная часть была в 1945–1946 гг. возвращена родственникам.

К сожалению, о нумизматической коллекции П.А. Картавова известно мало. В 1920-х гг. изучение русской нумизматики, в отличие от бонистики, находилось в упадке, что дало повод П.И. Буткевичу говорить даже о «нумизматической спячке»¹⁴³. Однако в 1924 г. на Всесоюзной выставке по филателии, бонистике и нумизматике в Москве П.А. Картавов «демонстрировал <...> одну витрину с 635 русскими медными монетами императорского периода с Петра I до Николая II (1705–1916), представлял рисунки проектировавшихся монет 1856–1862 гг. и получил почетный диплом за старинные указы о монетах»¹⁴⁴. «Старинные указы» были выбраны Картавовым из архива Соляной конторы, и их коллекция, хранящаяся в ОР РНБ, уникальна. Несомненную ценность представляют и проектные рисунки платиновых монет, относящиеся к предпоследней по времени попытке введения в России платиновой монеты¹⁴⁵.

К 1920-м гг. относится также неопубликованная работа П.А. Картавова «Краткий исторический очерк российских бумажных денежных знаков»¹⁴⁶. В это же время он вел обширную переписку по вопросам коллекционирования марок и бон¹⁴⁷.

В этот период П.А. Картавов активно собирал экслибрисы, коллекция которых в 1926 г. насчитывала

1756 русских книжных знаков¹⁴⁸, а впоследствии была существенно увеличена.

Однако Картавов продолжал и собирание книг. Как вспоминал впоследствии П.Н. Мартынов, «постоянно посещал букинистические магазины Петр Алексеевич Картавов, его всегда в эти годы¹⁴⁹ можно было видеть в магазинах с пачками купленных книг. Человек он был юркий, суетливый, но мог часами говорить с букинистами на книжные темы»¹⁵⁰.

В это же время он продолжил разбор своих коллекций, готовил материалы по Вольтеру и истории бумажного дела в России.

К концу 1920-х–началу 1930-х гг. относится новый виток деятельности Картавова.

В это время он – активный деятель Ленинградского общества библиофилов (ЛОБ) и экслибристов (ЛОЭ).

Ленинградское общество библиофилов было основано по инициативе Э.Ф. Голлербаха еще в 1923 г. Его деятельность – это целая эпоха в истории библиофильства в нашей стране. Членами общества были Э.Л. Радлов, О.Э. Вольценбург, М.Н. Куфаев, С.В. Чехонин, А.С. Молчанов, Ф. Г. Шилов и многие другие. На регулярных заседаниях общества читались доклады по самым разным вопросам книговедения. Общество издавало небольшими тиражами (как правило, 100 экземпляров) памятки-отчеты о заседаниях. Кроме этого, оно организовывало выставки и заседания, посвященные знаменательным датам в истории русской литературы¹⁵¹. В 1929 г. общество издало знаменитый «Альманах библиофила»; в 1931 г. – «Хронику ЛОБ»¹⁵². Как самостоятельное учреждение, Общество перестало существовать в сентябре 1931 г., успев провести 135 заседаний. Оно стало секцией библиофилов и экслибристов Северо-западного отдела Всесоюзного общества филателистов, а с 1933 г. – Ленинградского общества коллекционеров (ЛОК)¹⁵³.

П.А. Картавов вступил в общество в 1927 г.¹⁵⁴, и на рубеже 1920-х–30-х гг. активно участвовал в жизни общества, являясь членом бюро¹⁵⁵. Вот «зарисовка с натуры», сделанная П.Н. Берковым и относящаяся к этому времени: «Из других членов ЛОБ следует упомянуть Павла Александровича¹⁵⁶ Картавова (1873–1941), удивительно интересного человека. О нем довольно подробно рассказал в своих "Записках старого книжника" Ф.Г. Шилов. Добавим немного из личных воспоминаний. Внешность Картавова была несколько забавна: невысокого роста, рыжеватый, с как бы вечно непричесанными волосами и хохолком, торчавшим посередине головы, с смешным, трескучим голоском, очень похожим на голос, которым говорили в "Комедии о Петрушке" дореволюционные бродячие кукольники, постоянно находившийся в движении, непоседливый, экспансивный, П.А. был на редкость симпатичным и милым человеком. Как библиофил он обладал огромными знаниями, завидной памятью и, несмотря на свою несобранность, ценной способностью сжато и отчетливо излагать материал. Он интересовался русской "Вольтерианой" XVIII в. и сделал несколько докладов, иллюстрируя их материалами из своих неисчерпаемо богатых коллекций»¹⁵⁷.

Наиболее интересен с точки зрения реконструкции биографии П.А. Картавова его доклад «Труженики книжного прилавка: русские букинисты с 1883 года до наших дней», прочитанный 20 мая 1930 г. Сохранился черновик начала доклада¹⁵⁸.

Во-первых, в нем Картавов рассказывает о начале своего собирательства, о чем уже упоминалось выше. Во-вторых, уже первые строки доклада показывают состояние и взгляды Картавова этого времени: «Дорогие

товарищи! Позвольте мне так назвать Вас, как называли прежде друг друга студенты доброго старого времени, воодушевленные энтузиазмом к борьбе за великое дело просвещения русского крестьянства.

Как студенты собирались прежде по землячествам, так и мы собрались здесь, в своем землячестве как принадлежащие к славной Книжной губернии Библиофильского уезда деревни ЛОБ, т. е. (Ленингр[адского] Общ[ества] Библиоф[илов])»¹⁵⁹. Здесь чувствуется отношение к библиофильскому сообществу как к островку старого, книжного дореволюционного мира, к которому Картавов всецело принадлежал. Впечатление это усиливается, если обратиться к характеристике, данной в сентябре 1928 г. Н.М. Дружининым в дневнике: «Утром поехал в Новую деревню к П.А. Картавову – узнать о происхождении проданных им муравьевских документов. Прорезав Петроградскую сторону и острова, очутился на окраине города, среди деревянных домов и пустырей. Картавов оказался старым петербургским коллекционером, любителем рукописей, обложенным старыми изданиями XVIII века и огромными кожаными папками, хранящими в себе наглядную историю писчебумажной промышленности. Но, старый, с подслеповатыми глазами, полный воспоминаний и сокрушений о прошлом, разбитый потерей своей прекрасной библиотеки, он казался осколком старого мира в своем маленьком кабинете, заваленном рукописями-книгами»¹⁶⁰.

Доклад содержал проект «Словаря русских букинистов»: «мое желание только помянуть букинистов добрым словом и составить нечто вроде "Словаря русских букинистов", включая сюда не только владельцев магазинов, но и их служащих и учеников, которые теперь занимают видные места»¹⁶¹. Такая постановка вопроса могла привести к созданию ценного справочника, тем более, что многих букинистов Картавов знал лично. Наряду с проектом, обоснованием концепции словаря, Картавов занимался и его составлением. Сохранились подготовительные материалы к словарю, составленные в форме карточек, насчитывающих более 600 листов¹⁶², и дающие полное представление о книготорговцах второй половины XIX–первой трети XX вв., вплоть до указания их адресов.

Из других докладов следует упомянуть доклад «Вольтер в России», прочитанный на заседании ЛОБ 20 февраля 1929 г. В это время Картавов продолжает собирать материалы о Вольтере и составляет библиографию о нем, которая также сохранилась¹⁶³.

Любопытно шуточное «послание» Картавова Обществу, написанное в честь выхода в свет «Альманаха библиофилов»:

«Петр Алексеевич Картавов от искреннего сердца, поздравляет коллективно потрудившихся родителей над зачатием воспринимаемого ныне от типографского станка долгожданного первенца нареченного "Альманахом библиофилов".

Твердо убежден, что за доставленное коллекторам-родителям некротковременное удовольствие, мамаше-типографии не придется взыскивать алименты с родителей, так как быстро растущий новорожденный сам постоит за себя, на радость всем родным и знакомым. Итак – пью литр кипяченного жирного молока за успех новорожденного! Ура! Ура! Вперед за дружное коллективное зачатие здоровых, умных, жизнерадостных братьев и сестриц дорогого новорожденного! Про которого было следующее предсказание, напечатанное в 1644 году, в так называемой Кирилловой Книге: "Воистину подобна сия предобная книга кораблю великому, обремененному великим богатством!" (см. рис.)¹⁶⁴

А от себя скажу: радуйтесь и веселитесь, товарищи! Да здравствует любовь и дружба среди библиофилов!

С библиофильским приветом писал нынче летом среди островов Пьер Картавов. 8 июня 1929 г.»¹⁶⁵

П.А. Картавов также был членом Ленинградского общества экслибристов (ЛОЭ), структура которого во многом походила на структуру ЛОБ. Основано оно было несколько раньше, еще в 1922 г. Общество устраивало регулярные заседания с докладами, издавало «Труды», имело свою библиотеку и музей. Бессменным председателем его был В.С. Савонько. В 1930 г. оно перестало существовать самостоятельно, сделавшись секцией экслибристов при Ленинградском обществе библиофилов¹⁶⁶.

В 1933 г. на 10-летию секции (т. е. бывшего ЛОБ как секции ЛОК) П.А. Картавов написал «От всей души желаю нашей секции собираться в данном составе еще несколько раз, дабы праздновать каждое десятилетие»¹⁶⁷. К сожалению, этому не суждено было сбыться – празднование следующего десятилетия пришлось на суровые годы войны, когда многих членов его, в том числе и его самого, уже не было в живых.

Кроме участия в общественной жизни, в эти годы П.А. Картавов поступает и на государственную службу. Как вспоминал Ф. Г. Шилов, «под конец жизни Картавов поступил в Книжный фонд для того только, чтобы иметь возможность рыгтьса каждый день в огромном количестве макулатуры. Там же он собрал единственную в СССР коллекцию обложек и громадное количество книжных ярлыков и экслибрисов»¹⁶⁸. Однако службе Картавова в начале 1930-х гг. в Книжном фонде предшествовала и другая.

В 1930 г. он работал в Музее связи, занимаясь реорганизацией отделов письменности, мировых сношений и почтового, а также разбором фотоматериалов из библиотеки музея¹⁶⁹.

Именно отсюда он в том же году¹⁷⁰ переходит в Государственный книжный фонд СССР (Книжную палату), где занимается комплектованием библиотеки Уральского института марксизма-ленинизма в Свердловске и Хабаровской библиотеки¹⁷¹. «Роясь» в макулатуре, он фактически спасал от уничтожения то, что можно было спасти – титульные листы с автографами (в т. ч., например, с автографом Ц.А. Кюи)¹⁷², экслибрисы, обложки, образцы бумаги (*илл. 7*).

Некоторое время (1933–1934) он работал в Центральной библиотеке Ленинграда (ныне Центральная городская публичная библиотека имени В.В. Маяковского), занимаясь комплектованием библиотек, пока не был отсюда уволен «по сокращению штатов»¹⁷³.

После этого он уже нигде не работал «ввиду сильно пошатнувшегося здоровья»¹⁷⁴.

В 1920-х–30-х гг. П.А. Картавов постепенно продавал свои собрания, при этом его собирательский пыл отнюдь не уменьшился. Среди учреждений, куда он передавал коллекции, были: Государственная Публичная библиотека, Государственный исторический музей, Институт Маркса и Энгельса, Институт Ленина, Музеи революции в Москве и Ленинграде¹⁷⁵.

В предвоенные годы Картавов вел переговоры с Государственным Литературным музеем о передаче туда всей своей огромной коллекции бумаги с водяными знаками. Сохранилась его переписка с директорами музея В.Д. Бонч-Бруевичем и Н.В. Боевым.

Переговоры о передаче коллекции бумаги и обложек велись с осени 1939 до зимы 1940/41 гг.¹⁷⁶, но в итоге закончились ничем: Наркомпрос не разрешил Литературному музею приобретение коллекции, и Картавову было предложено передать ее в Государственный исторический

музей. Уведомление об этом было выписано 14 февраля 1941 г.¹⁷⁷ Интересно отметить, что для осмотра коллекции летом 1940 г. к Картавову приезжал в Ленинград от Литературного музея будущий известный историк бумаги С.А. Клепиков¹⁷⁸.

Коллекция к этому времени была систематизирована, аннотирована, и материал в ней был расположен «по фабрикам в хронологическом порядке производства»¹⁷⁹.

Как писал сам П.А. Картавов, «я ценю это собрание как единственное в Европе и подбору и с такою любовною точностью составленное»¹⁸⁰.

Очевидно, до начала войны Картавов так и не успел договориться с ГИМ о передаче коллекции, а во время войны речь об этом уже идти не могла. К тому времени Картавов был уже очень большим человеком и с трудом писал.

В сентябре 1941 г. Ленинград был взят в кольцо блокады. По свидетельству второй жены Картавова, М.П. Миной, «еще в 1941 г., когда началась бомбежка, осенью, Картавов П.А., чтобы спасти ценные книги, три раза отвозил пачки книг в Публ[ичную] Библ[иотеку], и сдал на хранение, и так и умер, ничего за них не получивши»¹⁸¹.

П.А. Картавов не пережил самой тяжелой блокадной зимы 1941/42 гг. и умер 19 декабря 1941 г. Похоронен он был в одной из братских могил Серафимовского кладбища, расположенного недалеко от Новой деревни, где он прожил всю жизнь¹⁸².

«После смерти П.А. Картавова остались в его квартире и сарае в Новой деревне десятки пудов различных бумаг XVII–XVIII столетий, образцы обоев и писчей бумаги разных эпох. Некоторая часть этих материалов попала в Библиотеку Академии наук СССР, а большая часть рассеялась куда попало»¹⁸³. Это свидетельство П.Н. Мартынова не совсем верно, так как совершенно не учитывает материалы, хранящиеся в ОР РНБ. Между тем, архив и большая часть собрания П.А. Картавова хранится именно там, а история поступления и первых лет хранения этих материалов в ГПБ весьма интересна.

В августе 1942 г. в черновой тетради учета выморочных библиотек ГПБ появилась первая запись о П.А. Картаове: «Картавов (есть наследница)¹⁸⁴» и далее краткая характеристика материалов¹⁸⁵. Наследницей была дочь П.А. Картавова Елена Петровна, жившая на Ижорской улице и направленная на спецработы в район Ладожского озера. Старый деревянный дом Картавова в Новой деревне был предназначен к сносу (на дрова), и материалы нужно было срочно спасти от уничтожения. В конце сентября 1942 г. архив был перевезен в ГПБ. В «Информации о работе Отдела комплектования ГПБ на 1 октября 1942 г.» сказано следующее: «Работа тяжелая и грязная в буквальном смысле этого слова, и не всегда нервы и силы выдерживают ее (некоторые <...> юноши не выдерживают ее – Болдырев). Квартиры погибших ленинградцев – тяжелое зрелище. Везде следы дистрофии – грязь, вши, разбитые стены, книги в копоги, отсыревшие рукописи, гибнущие ценности. Но работа исключительно интересная (развалины квартиры Выгодского, разрушенная библиотека французского консула, где исторические документы 18–19 века были загажены; вывоз библиотеки бельгийского посла, вывоз библиотеки Картавова из Новой деревни, когда после погрузки 4-х тонн рукописного материала рухнул дом, обреченный на слом – все это материал для очерка)»¹⁸⁶. Вот в таких условиях спасали ценнейшие собрания рукописей и книг. Многие из архивов, хранящихся сейчас в ОР РНБ, поступили в блокаду, в частности – архивы П.В. и З.И. Быковых (Ф. 118), А.Г. Биснека (Ф. 76), Е.П. Казанович (Ф. 325), поступившие примерно в одно время с архивом Картавова.

22 декабря 1942 г. экспертно-закупочная комиссия ГПБ постановила приобрести библиотеку¹⁸⁷ и архив П.А. Картавова (уже привезенные к тому моменту в библиотеку) за 3000 руб., что и было сделано. Безусловно, такая оценка была заниженной. Это объяснялось, во-первых, обстоятельствами военного времени, а во-вторых, договоренностью с Е.П. Картавовай. Уже тогда было ясно значение архива и особенно собрания Картавова. 23 декабря 1942 г. библиотечарь Отдела рукописей Е.Э. Гранстрем составила первый обзор документов архива, в котором предложила разделить архив на «материалы, представляющие несомненную ценность и подлежащие немедленному разбору», и «материалы меньшей ценности»¹⁸⁸.

Первое заявление сына П.А. Картавова, Александра Петровича, вернувшегося с войны и предъявившего свои претензии к библиотеке, датировано 27 февраля 1945 г. Согласно его заявлению, в связи с тем, что приемка фонда происходила в его отсутствие, приняты были также материалы, принадлежащие лично ему – «книги, журналы, письма, собрание обложек книг, коллекций марок, бон, экслибрисы и документы»¹⁸⁹. Действительно ли А.П. Картавов был продолжателем дела своего отца, или нет – сказать трудно. Краеугольным вопросом в переписке между библиотекой и Картавовыми, которая велась на протяжении 1945 г., был вопрос о том, в чем состояла договоренность между библиотекой и Е.П. Картавовай при сдаче фонда. Сотрудники библиотеки утверждали, что «владелица ради сохранения собрания согласна передать его частично в дар»¹⁹⁰, Е.П. и А.П. Картавовы настаивали, что материалы после окончания войны должны были быть возвращены им.

По-видимому, обстановка октября 1942 г., когда вопрос о спасении материалов стоял ребром, не позволяла оговорить условия более четко.

Тяжба длилась весь 1945 г., причем была привлечена и Прокуратура Ленинграда¹⁹¹. Для нас важно то, что в итоге в 1945–1946 гг. часть материалов была А.П. Картавову возвращена. Это был семейный архив (очевидно, личная переписка П.А. Картавова, поскольку деловая осталась в фонде, и материалы его сыновей), а также основная часть коллекции бумажных водяных знаков. Последняя была передана как не представляющая интереса для Отдела рукописей¹⁹². Распоряжение о передаче материалов было сделано заведующим Отделом комплектования 14 ноября 1945 г., и с 16 ноября 1945 г. по 22 мая 1946 г. А.П. Картавову были переданы 72 пачки бумаги с водяными знаками и 9 пачек документов семейного архива¹⁹³. Именно эта, основная, часть коллекции филиграней, будучи проданной А.П. Картавовым Библиотеке Академии наук СССР в 1946 г., стала материалом для статьи М.В. Кукушкиной о филигранях русской бумаги XVIII–XIX вв.¹⁹⁴. Кроме этого, 22 мая были переданы папки с собранием «узорчатой бумаги» (очевидно, переплетной «мраморной»), бонами, марками, экслибрисами, материалами по почтовому делу¹⁹⁵. Часть коллекции экслибрисов была приобретена у родственников известного собирателя Е.А. Розенблатом и впоследствии, в составе его коллекции, насчитывающей около 23000 экслибрисов, поступила в БАН¹⁹⁶. В ГПБ осталась незначительная часть коллекции филиграней, коллекции гербовой и штемпельной бумаги, бон и экслибрисов, причем последние были переданы в Кабинет библиотекведения¹⁹⁷. Семейный архив, который мог бы пролить свет на многие лакуны в истории жизни и деятельности П.А. Картавова, по всей видимости, пропал бесследно.

Кроме этого, А.П. Картавову были переданы книги из резервного фонда в счет компенсации¹⁹⁸. Вплоть до августа 1946 г. от А.П. Картавова поступали заявления с требованием компенсации¹⁹⁹. А в ноябре 1946 г. он передал в библиотеку копии заявления П.А. Картавова на имя В.К. Плева об издании книги Радищева²⁰⁰.

9 декабря 1946 г. вдовой Картавова, М.П. Минаевой, было подано заявление с просьбой о передаче ей книг из резервного фонда в качестве компенсации. Незадолго до этого она вернулась из эвакуации²⁰¹. Просьба была удовлетворена²⁰², однако у М.П. Минаевой возникли трудности с реализацией книг, и она обратилась с просьбой о денежной компенсации, т. к. книги со штампами продать было трудно. Это был 1947 г., голодное послевоенное время, и ее просьбы вполне понятны: «<...>мне книг не нужно, т. к. мне некуда их даже ставить, у меня даже угла нет. Я лишилась мужа, вещей и даже угла своего не имею, очень нуждаюсь. Теперь обращаюсь к Вашему доброму сердцу, убедительно прошу не отказать в моей просьбе и помочь мне получить хоть эти крохи. Мне, несчастному и так много пострадавшему один[окому] старому человеку»²⁰³. Просьба была удовлетворена, и на этом все тяжбы, связанные с архивом и собранием П.А. Картавова, закончились.

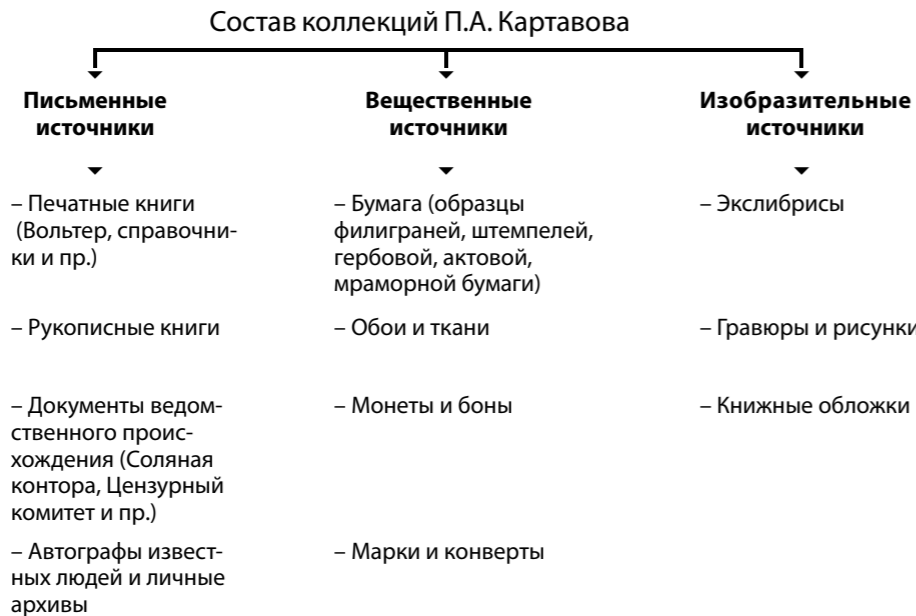
Архив и собрание П.А. Картавова обрабатывались вплоть до 1950 г., когда главным библиотекарем Отдела рукописей Р.Б. Заборовской была составлена опись фонда. При этом часть материалов, оставшихся в ОР РНБ, была передана в Кабинет библиотековедения²⁰⁴; часть – в Отдел реставрации (образцы бумаги с водяными знаками), часть – в другие фонды Отдела рукописей (архивы И.Т. Лисенкова, В.П. Полякова; Собрание актов и грамот, архив редакции журнала «Театральная Россия»). Время, когда остро стояла необходимость хотя бы первичной регистрации архивов, поступивших в ГПБ за годы войны, определило особенности обработки фонда П.А. Карта-

вова. Фонд (по описи 1950 г. – 877 ед. хр., не считая незначительной части, описанной позже) был обработан ускоренным методом, что фактически не позволяет использовать его материалы в полной мере. Во многом, это явилось причиной слабой изученности фонда в настоящее время. Многие материалы должным образом были не разобраны и не описаны, что предполагает возможность обнаружения ценных документов различной тематики и сейчас. Кроме того, поскольку биография Картавова исследователями практически не интересовала, документы его личного архива также использовались мало и как комплекс не были введены в научный оборот.

В целом, архив и собрания П.А. Картавова представляют собой, с одной стороны, интересные тематические группы материалов, использование которых исследователями может дать новые и неожиданные результаты в изучении русской истории и культуры XVIII–начала XX вв. С другой стороны, это комплекс материалов, собранных одним человеком и очень точно характеризующий как самого человека, так и общество, к которому он принадлежал. Картавов – представитель неутомимых собирателей-исследователей, таких, как М.П. Погодин, Н.П. Лихачев, Ф.Г. Шилов, В.И. Ключков, оставивших свой ощутимый след в истории книги в России конца XIX–первой половины XX вв.

Несмотря на то, что собрание «предметов русской старины» было, по сути, главным делом его жизни, только собранием он не ограничивался, сопровождая его серьезным и глубоким изучением материала, которое опиралось на великолепное знание библиографии и приемов работы с источниками российской истории.

Схема 1

¹ ОР РНБ. Ф. 341 (Архив и собрание П. А. Картавова).

² Шилов Ф.Г. Записки старого книжника. М., 1959. С. 77–78; Мартынов П.Н. Полвека в мире книг. М., 1990. С. 322–324; Берков П.Н. История советского библиофильства. М., 1983. С. 152.

³ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 244. Л. 7.

⁴ Там же. Д. 49. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 330. Л. 21 об.

⁸ Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика: Справочник-путеводитель. СПб., 1997. С. 258.

⁹ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 49. Л. 3. В автобиографии Картавов указал, что обучался в земской школе при Стародеревенском волостном правлении (Там же. Д. 1. Л. 1).

¹⁰ См. Тимофеев А.Г. История С.-Петербургского Коммерческого училища. СПб., 1901–1902. Т. 1–2; Хуциева В.В. История С.-Петербургского Коммерческого училища: роль в становлении российского коммерсанта (1772–1920-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 49. Л. 6.

¹² Хроника Ленинградского общества библиофилов. 5 января–20 июня 1930 г. Л., 1931. См. также: ОР РНБ. Ф. 76 (Архив А.Г. Биснека). Д. 69. Л. 78, 79.

¹³ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 49. Л. 5–6.

¹⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵ Там же. Д. 244. Л. 7.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 17.

¹⁸ Санкт-Петербургский учетный и ссудный банк // Энциклопедия С.-Петербурга: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ensspb.ru/article.php?kod=2804001005> (проверено 15.07.2010).

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 304. Л. 82.

²⁰ Шилов Ф.Г. Указ. соч. С. 77.

²¹ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 1. Л. 2.

²² Такую фамилию носил диакон Вараксинской церкви Димитрий Обнорский (ОР РНБ. Ф. 341. Д. 304. Л. 118, 119). Возможно поэтому П.А. Картавов избрал себе этот псевдоним. Кроме того, в конце 70-х–начале 90-х гг. XIX в. в Вологде содержал библиотеку краевед, издатель и драматург Павел Александрович Обнорский, умерший в 1892 г., т. е. за три года до появления первого издания П.А. Картавова.

²³ Список книг, изданных П.А. Картавовым, см.: Богданов А.А. Издательская деятельность П.А. Картавова // Книжное дело в России во второй половине XIX–начале XX века: Сб. науч. тр. СПб., 2012 [в печати].

²⁴ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 1. Л. 1.

²⁵ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Пг., 1915. Т. 1. С. 354; Его же. Источники словаря русских писателей. Пг., 1914. Т. 3. С. 18.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 1. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Памятная книжка Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге. СПб., 1911. С. 44.

²⁹ Там же. С. 15–16.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 328. Л. 1 об., 5; Д. 244. Л. 18.

³¹ Там же. Д. 244. Л. 81.

³² Шилов Ф.Г. Указ. соч. С. 77.

³³ Там же.

³⁴ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 41.

³⁵ Картавов П.А. Библиографические известия о редких книгах. Вып. 1–2. СПб., 1897–1898.

³⁶ Картавов П.А. Библиографические известия о редких книгах. Вып. 1. СПб., 1898. С. 1.

³⁷ Картавов П.А. Библиографические известия о редких книгах. Вып. 1. СПб., 1898.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 874 (Архив С.Н. Шубинского). Оп. 1. Д. 73. Л. 44–44 об.

³⁹ Городецкий Б.М. [Рец. на кн.]: Картавов П.А. Библиографические известия о редких книгах. СПб., 1898. Вып. 1–2 // Исторический вестник. 1899. № 4. С. 302–303.

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 244. Л. 47.

⁴¹ Там же. Л. 53.

⁴² Аукцион книг из собрания Петра Алексеевича Картавова. СПб., 1905–1906. Вып. 1–3.

⁴³ Мартынов П.Н. Указ соч. С. 323.

⁴⁴ Семин А.С. История антикварных книжных аукционов в России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 20.

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 1. Л. 4.

⁴⁶ Там же. Ф. 341. Д. 776.

⁴⁷ Шилов Ф.Г. Указ. соч. С. 77.

⁴⁸ См.: Соболев Г.Л. Конспект неуставленного выступления на митинге 25 апреля 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 3. Л., 1970. С. 17–23; Богданов А.А. История одного автографа (конспект неуставленного выступления В.И. Ленина на митинге в Новой деревне // Состояние и перспективы социально-экономического развития Северо-Запада России: Тезисы докладов 11-й научной межвузовской конференции аспирантов и студентов, посвященной 300-летию взятия Выборга войсками Петра I и 65-летию Победы в Великой Отечественной войне (27–28 апреля 2010 года). Выборг, 2010. С. 169–172.

⁴⁹ Шилов Ф.Г. Указ. соч. С. 78.

⁵⁰ Подробнее см.: Опись фонда № 341 (машинопись) // ОР РНБ; Краткий отчет о новых поступлениях за 1939–1946 гг. / Гос. ордена Трудового Красного Знамени Публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Л., 1951. С. 22–24.

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 122. Л. 1–1 об.

⁵² Там же. Д. 1. Л. 4.

⁵³ ОР РНБ. Ф. 341. Дело фонда. [Л. 4.]; Д. 154. Л. 2.

⁵⁴ Там же. Д. 246.

⁵⁵ Там же. Д. 244. Л. 63–66 об.

⁵⁶ Михайлов М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе. Женщины в университете. Джон Стюарт Милл об эмансипации женщин. Уважение к женщинам; Воспоминания Н.В. и Л.П. Шелгуновых о М.Л. Михайлове. СПб., 1903.

⁵⁷ Литературный архив, издаваемый П.А. Картавовым. СПб., 1902. С. 17.

⁵⁸ Там же. С. 15–42.

⁵⁹ Картавов П.А. Поляков Василий Петрович // Русский биографический словарь. [Т. 14]. Плавильщиков–Примо. СПб., 1905. С. 479–480.

⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 193.

⁶¹ Там же. Д. 37.

⁶² Некрасовский альбом. Пг., 1921.

⁶³ Евгеньев-Максимов В.Е. Некрасовский музей // Красная газета. 1921. 16 декабря. № 338 (1656). Выделение шрифта Максимова. В дневнике К.И. Чуковского за 1926 г. есть, среди прочего, и такие строки: «18 февраля. Максимов-Евгеньев торгуется по поводу некрасовской "Ясносветы". Ему удалось списать эту сказку у Картавова, и теперь он требует за нее 175 рублей – по 20 коп. за строчку, как если бы он был Некрасов.» (Чуковский К.И. Дневник. Т. 1. 1901–1929 // Либрусек: [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/186874/read>, (проверено 15.07.2010).

⁶⁴ Литературный архив... С. 5. Разрядка П.А. Картавова.

⁶⁵ Единственное, что косвенно на это указывает, публикация в альманахе «Литературного месяцеслова» за январь – март, т. е. возможно, Картавов предлагал издавать в год по четыре выпуска.

⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 799, 800.

⁶⁷ Там же. Д. 807.

⁶⁸ Там же. Д. 789.

⁶⁹ Там же. Д. 822.

⁷⁰ Там же. Ф. 408.

Фотография. Изображение. Документ. *Вып. 2 (2)*

- ⁷¹ Шилов Ф. Г. Указ. соч. С. 77.
- ⁷² Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 2008. С. 425.
- ⁷³ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 72–83.
- ⁷⁴ См.: Кукушкина М.В. Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII–начала XIX в. (обзор собрания П.А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2: XIX–XX вв. С. 285–371.
- ⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 167. Л. 5.
- ⁷⁶ Там же. Д. 38 ; *Картавов П.А.* Несколько слов о филигранях писчей бумаги. Б/м., б/г. (РНБ Т70 В–6 /З).
- ⁷⁷ *Картавов П.А.* Исторические сведения о гербовой бумаге в России. СПб., 1900. Вып. 1: 1699–1801. Первый экземпляр этой книги, хранящийся в Основном фонде РНБ (РНБ 20.58.3.33), помечен 1899 г., однако на основной части тиража как год выпуска указан 1900-й.
- ⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 1. Л. 3.
- ⁷⁹ *Картавов П.А.* Исторические сведения о гербовой бумаге в России. СПб., 1899. Вып. 1: 1699–1799.
- ⁸⁰ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 85.
- ⁸¹ Литературный архив... С. 6.
- ⁸² *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1888.
- ⁸³ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 244. Л. 30–31.
- ⁸⁴ Там же. Л. 43.
- ⁸⁵ *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. [СПб., 1903].
- ⁸⁶ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 244. Л. 43 об.
- ⁸⁷ *Смирнов-Сокольский Н.П.* Рассказы о книгах. М., 1959. С. 122.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же ; *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. [СПб., 1903]. (РНБ: ВП-5013; ВП-5014).
- ⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 244. Л. 44.
- ⁹¹ Там же. Д. 128.
- ⁹² *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1905.
- ⁹³ *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. В 2-х т. СПб., 1907.
- ⁹⁴ Ростопчинские афиши / собрал и издал П. А. Картавов. СПб., 1904.
- ⁹⁵ Ростопчинские афиши 1812 года. СПб., 1889.
- ⁹⁶ Ростопчинские афиши / собрал и издал П. А. Картавов. С. III–V.
- ⁹⁷ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 249. Л. 1.
- ⁹⁸ Там же. Д. 249. Л. 1, 3 ; Д. 250. Л. 1.
- ⁹⁹ Там же. Д. 248.
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 54. Л. 1–1 об.
- ¹⁰¹ Бомбы. 1906. № 1. С. 2 ; № 2. С. 2.
- ¹⁰² ОР РНБ. Ф. 341. Д. 55. Л. 1.
- ¹⁰³ Там же. Д. 201. Л. 4–6 об.
- ¹⁰⁴ Бомбы. 1906. № 1. С. 1; ОР РНБ. Ф. 341. Д. 54. Л. 5.
- ¹⁰⁵ Бомбы. 1906. № 1. С. 2 ; № 2. С. 6.
- ¹⁰⁶ *Мартынов П.Н.* Указ. соч. С. 322–323 ; *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов. М., 1960. Т. 4. С. 222.
- ¹⁰⁷ Бомбы. 1906. № 1. С. 7.
- ¹⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 1. Л. 3.
- ¹⁰⁹ *Мартынов П.Н.* Указ. соч. С. 323.
- ¹¹⁰ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 55. Л. 1.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же. Д. 56.
- ¹¹³ Там же. Д. 56. Л. 531.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 532.
- ¹¹⁵ Весельчак. 1907. № 1 С. 3.
- ¹¹⁶ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 55. Л. 1.
- ¹¹⁷ Весельчак. 1907. № 7. С. 3.
- ¹¹⁸ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 251. Л. 1, 2.
- ¹¹⁹ *Шилов Ф.Г.* Указ. соч. С. 77.
- ¹²⁰ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 330. Л. 18 об.
- ¹²¹ ОР РНБ. Ф. 152 (Архив К.А. Военского). Оп. 2. Д. 376. Л. 1–2 об.
- ¹²² Там же. Ф. 341. Д. 330. Л. 11.

- ¹²³ Журнал редкостей. 1911. № 1. С. 2.
- ¹²⁴ Там же. № 3. С. 4. Выделение шрифта Картавова.
- ¹²⁵ Журнал редкостей. 1911. № 1. С. 8, 10 ; № 2. С. 22 ; № 3. С. 44.
- ¹²⁶ Там же. № 1. С. 9–12 ; № 2. С. 31–32 ; № 3. С. 45–48.
- ¹²⁷ Там же. № 2. С. 23–27 ; № 3. С. 36–42.
- ¹²⁸ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 21. Л. 1–3.
- ¹²⁹ Там же. Д. 1. Л. 11.
- ¹³⁰ Там же. Д. 1. Л. 10; Д. 244. Л. 2.
- ¹³¹ Там же. Д. 330. Л. 11.
- ¹³² Там же. Л. 22.
- ¹³³ Т. е. А.А. Петрова – отца первой жены П.А. Картавова.
- ¹³⁴ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 330. Л. 22.
- ¹³⁵ Там же. Д. 244. Л. 81.
- ¹³⁶ Там же. Д. 244. Л. 80, 97 ; Д. 330. Л. 1.
- ¹³⁷ Там же. Д. 244. Л. 91–91 об.
- ¹³⁸ *Богомолов С.И.* Российский книжный знак. 1700–1918. М., 2004. С. 355.
- ¹³⁹ ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 2. Д. 1323. Л. 14.
- ¹⁴⁰ Там же. Ф. 341. Д. 909. Л. 1 об.
- ¹⁴¹ *Иольсон Л.М.* Адресная книжка коллекционеров денежных знаков и бон, выпущенных на территории бывшей Российской империи. М., 1925. С. 19.
- ¹⁴² ОР РНБ. Ф. 341. Д. 92. Л. 55–124.
- ¹⁴³ Цит. по: *Глейзер М.М.* История российской нумизматики: Коллекционеры монет в Петербурге-Петрограде-Ленинграде // НГ-коллекция: [Электронный ресурс]. URL: http://collection.ng.ru/misc/1999-11-20/2_numizma.html (проверено 15.07.2010).
- ¹⁴⁴ Там же. См. также: *Глейзер М.М.* Бонистика в Петрограде-Ленинграде-Санкт-Петербурге. СПб., 1998. С. 44.
- ¹⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 92, 93, 97, 100, 101. См.: *Богданов А.А.* П.А. Картавов и его коллекции по истории отечественного монетного дела в Российской национальной библиотеке // Библиофильство и личные собрания. М., 2011. С. 75–82 ; Его же. Проектные рисунки платиновых монет 1862 года // Нумизматика. 2011. № 2 (29). С. 32–39.
- ¹⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 31.
- ¹⁴⁷ Там же. Д. 219.
- ¹⁴⁸ Там же. Д. 23.
- ¹⁴⁹ Речь идет о 1920-х–1930-х гг.
- ¹⁵⁰ *Мартынов П.Н.* Указ. соч. С. 322.
- ¹⁵¹ *Берков П.Н.* Указ. соч. С. 140–155.
- ¹⁵² Альманах библиофила. Л., 1929 ; Хроника Ленинградского общества библиофилов...
- ¹⁵³ Ленинградское общество библиофилов // Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1981. С. 315.
- ¹⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 244. Л. 2.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 1 об.
- ¹⁵⁶ Ошибка П.Н. Беркова.
- ¹⁵⁷ *Берков П.Н.* Указ.соч. С. 152.
- ¹⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 49.
- ¹⁵⁹ Там же. Л. 1.
- ¹⁶⁰ *Дружинин Н.М.* В Публичной библиотеке. Любезный прием и быстрое разрешение (Из дневника) // Публичная библиотека глазами современников (1917–1929): Хрестоматия. СПб., 2003. С. 331.
- ¹⁶¹ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 49. Л. 6.
- ¹⁶² ОР РНБ. Ф. 341. Д. 64.
- ¹⁶³ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 185; Д. 15. Л. 1–11; Д. 105–114.
- ¹⁶⁴ Это «послание» было написано на бумаге 1798 г. с филигранью с изображением корабля.
- ¹⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 76. Д. 147. Л. 24–24 об.
- ¹⁶⁶ Ленинградское общество экслибристов. С. 315.
- ¹⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 76. Д. 147. Л. 25.
- ¹⁶⁸ *Шилов Ф.Г.* Указ. соч. С. 78.

- ¹⁶⁹ Там же. Д. 244. Л. 115, 119–120.
- ¹⁷⁰ Там же. Д. 1. Л. 10 об.
- ¹⁷¹ Там же. Д. 244. Л. 138, 142.
- ¹⁷² Там же. Д. 65. Л. 13.
- ¹⁷³ Там же. Д. 1. Л. 10 об.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 11.
- ¹⁷⁵ Там же. Д. 1. Л. 10 ; Д. 154, 167.
- ¹⁷⁶ Там же. Д. 154, 167, 175.
- ¹⁷⁷ Там же. Д. 167. Л. 12.
- ¹⁷⁸ Там же. Д. 219. Л. 17, 18 ; Д. 154. Л. 12, 15, 19.
- ¹⁷⁹ Там же. Д. 167. Л. 5 об.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 5. Подчеркнуто П. А. Картавовым.
- ¹⁸¹ Отдел архивных документов РНБ (далее ОАД РНБ). Ф. 2. Оп. 26/4. Д. 16. Л. 48.
- ¹⁸² *Глейзер М.М.* Бонистика в Петрограде. С. 44 ; Блокада, 1941–1944, Ленинград : Книга Памяти. [Т. 13. СПб., 2002]. [Электронный ресурс]. – URL: http://visz.nlr.ru/search/lists/blkd/234_248.html (проверено 15.07.2010). Как время смерти П. А. Картавова указывается также август 1942 г. ([Российская национальная библиотека]. В память ушедших и во славу живущих: Хроника событий. СПб, 1995. С. 173), на основании записи в черновой книге учета выморочных библиотек. Однако неясно, относится ли запись именно к смерти Картавова. Поэтому верной, видимо, следует считать все же дату 19 декабря 1941 г., к тому же, нигде более 1942 г. как год смерти Картавова не фигурирует.
- ¹⁸³ *Мартынов П.Н.* Указ. соч. С. 324.
- ¹⁸⁴ Сверху приписки: «умер от дистрофии» и «август».
- ¹⁸⁵ ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 26/4. Д. 10. Л. 5.
- ¹⁸⁶ Там же. Д. 13. Л. 36. См. также: [Российская национальная библиотека]. В память ушедших и во славу живущих... С. 173.
- ¹⁸⁷ Согласно акту 1944 г. – 2222 ед. хр. (ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 26/4. Д. 16. Л. 16).
- ¹⁸⁸ Там же. Л. 15.
- ¹⁸⁹ Там же. Л. 17.
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 33 об.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 20, 21, 24.
- ¹⁹² Там же. Л. 26.
- ¹⁹³ Там же. Л. 25–25 об.
- ¹⁹⁴ *Кукушкина М.В.* Указ. соч.
- ¹⁹⁵ ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 26/4. Д. 16. Л. 29.
- ¹⁹⁶ *Богомолов С.И.* Указ. соч. С. 355, 707.
- ¹⁹⁷ Там же. Л.30.
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 27–28, 34, 35, 37, 38, 41, 42.
- ¹⁹⁹ Там же. Л. 32.
- ²⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 341. Д. 128 ; ОАД РНБ. Ф.2. Оп. 26/4. Д. 16. Л. 39.
- ²⁰¹ ОАД РНБ. Ф.2. Оп. 26/4. Д. 16. Л. 43.
- ²⁰² Там же. Л. 44, 46.
- ²⁰³ Там же. Л. 48–48 об.
- ²⁰⁴ Там же. Л. 30–30 об.

Е.А. Ляховицкий

КЛАССИФИКАЦИЯ В ФИЛИГРАНОГРАФИИ: УДОБСТВО ПОИСКА ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ?

Современное положение дел в филигранографии характеризуется завершением эпохи печатных альбомов. Количественное приращение опубликованных изображений водяных знаков сейчас идет за счет электронных ресурсов – баз данных. Мы находимся в определенной новой ситуации, которую необходимо осмыслить. Для этого следует вначале охарактеризовать период господства печатных альбомов.

Лицо альбомной филигранографии было определено классическим справочником Ш.М. Брике «Les Filigranes» (1907). Брике вводит дробную систему классификации: внутри сюжета знаки подразделяются на широкие, сменяющие друг друга или сосуществующие типы, связанные с определенным хронологическим периодом и районом производства¹. Эти типы подразделяются далее на группы, выделяющиеся на основании внешней схожести водяных знаков, уже не привязываемые ни к каким историко-географическим реалиям². Цель такой классификации заключалась в облегчении исследователю поиска ближайшей параллели к наблюдаемому им знаку. В работах последователей Брике, среди которых наиболее ярким является Г. Пикар, идея формальной, максимально дробной классификации водяных знаков на основании исключительно внешнего сходства, без связи с историей производства бумаги и ее бытования, уже полностью доминировала.

Взгляд на современные электронные базы данных показывает, что и они основаны на том же принципе классификации (рис. 1). При этом формат базы данных позволяет достичь в рамках той же логики абсолютной свободы поиска, избавиться от ограничений, которые несет собой формат печатного справочника. Например, в общей поисковой системе проекта «Bernstein. The memory of paper»³ предусмотрена возможность поиска как по сюжету, так и по дате, расстоянию между понтузо и т.д. Можно сказать, что современная ситуация в филигранографии характеризуется совершенным воплощением принципов организации филигранографического материала, развивавшихся со времен Брике, так как их действенность уже не ограничивается формальными причинами. В этой связи представляется необходимым рассмотреть вопрос о степени эффективности исследовательского инструментария, основанного на этих принципах.

1. Методика иерархизации признаков

Основной метод, применяемый при построении филигранографических альбомов и баз данных, можно назвать *методом иерархизации признаков*: знаки внутри сюжета разделяются по элементам изображения, дающим наименьшее число вариантов. Например, в случае со знаком «кувшин» со времен Брике выделяются «двуручные» и «одноручные кувшины». Внутри полученных групп, знаки разделяются по элементам, дающим большее количество вариантов, до достижения максимально возможной дробности.

Важное значение для понимания возможностей © Е.А. Ляховицкий

дробной графической классификации имеют примеры ее применения в альбомах, основанных на изучении истории производства, таких, как исследование Чудина, посвященное бумажным мельницам Базеля, Линдта – о бумажном производстве Берна, Лауцявичуса – о польско-литовском производстве и т. д.⁴ Эти альбомы демонстрируют частые противоречия между логикой расположения знаков по внешнему сходству и логикой, исходящей из реалий истории бумажной промышленности того или иного региона. В качестве примера, рассмотрим таблицы 16–17 из альбома Линдта (рис. 2)⁵.

Знаки №№142–143 обозначали продукцию мельницы Zu Thal при Самюэле Кохе, ее владельце в 1650-х–1660-х гг.; №№144–146 маркируют продукцию той же мельницы при сменившем Коха в 1667 г. Матиасе Гюнтисбергере. К тому же периоду работы мельницы относятся знаки №№ 149–151. Знаки №№ 147–148 относятся ко времени Малакриды, сменившего Гюнтисбергера с 1697 г.⁶ Таким образом, представленные таблицами знаки отражают три различных этапа существования мельницы Zu Thal, связанные с деятельностью трех разных владельцев. Очевидно, что исходя из графики, крайне тяжело разделить знаки, относящиеся к этим трем различным периодам. Для целей данной работы более важно другое обстоятельство: мы видим, что логика расположения знаков в соответствии с графическим сходством заставила составителя альбома разделить знаки 144–146 и 148–149, маркирующие один и тот же период работы мельницы.

Так как порядок иерархизации признаков знака избирается без связи с его реальной историей как товарной марки, возникает возможность построения нескольких в одинаковой степени убедительных классификаций. Например, существуют две основные классификационные системы для знака «голова быка». В первой, представленной в классическом альбоме Брике, знаки разделяются на группы, прежде всего, по композиции морды, и на подгруппы – по символам, помещенным внизу или вверху головы⁷. Во второй, представленной, в первую очередь, альбомом Пикара, напротив, группы выделяются преимущественно на основании символов, а подгруппы – по композиции морды⁸. Приведенная ниже таблица 1, составленная на основе данных базы Piccard-online⁹ показывает, что в рамках логики расположения знаков в соответствии с внешним сходством, значительное число вариантов может быть с равным успехом объединено как по одному, так и по другому критериям.

При том, что альтернативные варианты являются в равной степени логичными, любой из них, будучи выбранным, приведет к серьезным противоречиям, так как группы знаков, имеющие существенные общие признаки, будут отнесены к разным классификационным единицам. Насколько болезненными могут быть эти противоречия, показывает таблица 2. В ней в двух правых колонках на базе материалов альбома Г. Пикара представлена клас-

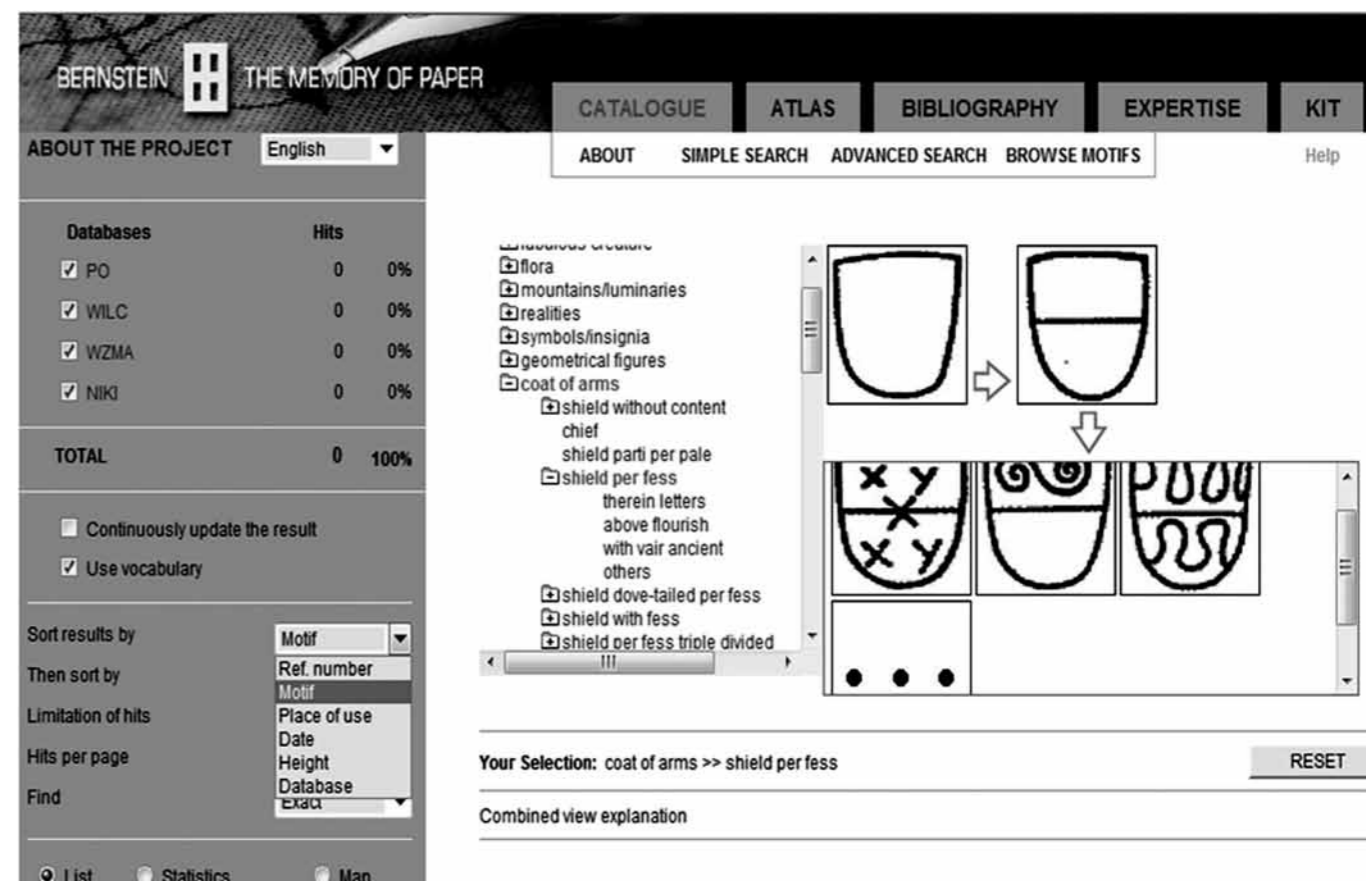

Рис. 1. Поисковая классификационная система проекта Bernstein. The memory of paper

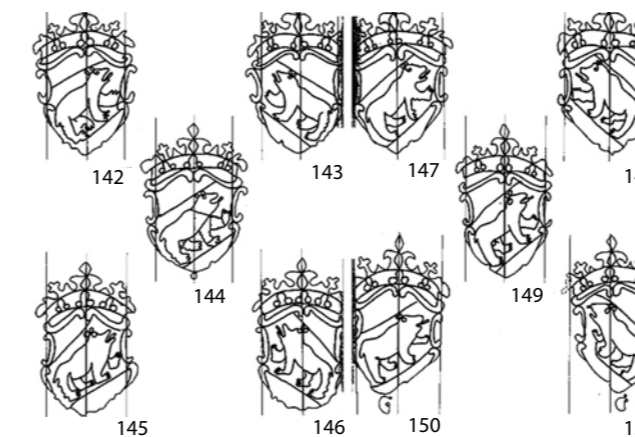

Рис. 2. Таблицы 16–17 из альбома Линдта

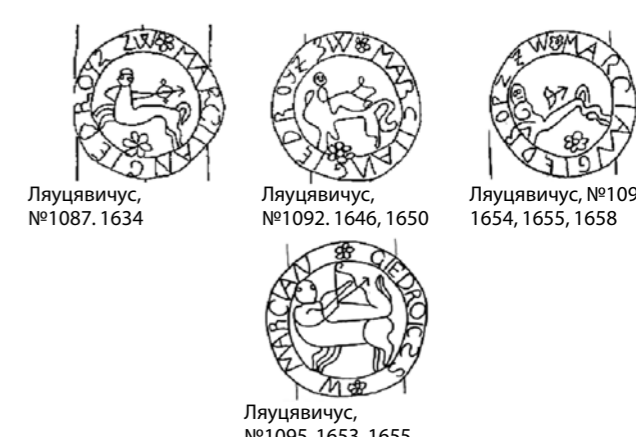

Рис. 3. Водяные знаки мельницы Марциона Гедройца

сификационная система, основанная на символах, расположенных над головой, а в двух левых – на материале базы данных Piccard-online, где материалы Пикара были распределены по схеме Брике. Обе классификационные системы делят сходные варианты «головы быка» (в двух центральных колонках) между разными подгруппами и даже группами, объединяя их с довольно далекими по графике вариантами (в крайних колонках).

Полагаем, этих примеров достаточно, чтобы показать: методика иерархизации признаков, господствующая в

современной филигранографии, имеет существенные недостатки. Позволяя технически максимально облегчить поиск, она, фактически, обесмысливает его, так как не дает возможности осмыслить водяной знак с точки зрения его целевого назначения, т.е. как маркировочного знака. Нам представляется, что группировать водяные знаки следует только на основании установления их действительных, а не условных связей.

Возникает вопрос: как мы можем судить об этих связях? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо от-

Ляцявичус, №4089. 1646, 1647, 1649, 1650, 1629, 1637
Ляцявичус, №4091. 1646, 1647, 1649, 1650, 1651, 1651, 1642, 1643
Ляцявичус, №4092. 1652, 1653, 1654

Рис. 4. Водяные знаки мельницы Яна Тохтермана

Линдт. №11. 1488
Линдт. №18. 1509
Линдт. №19. 1513

Линдт. №21. 1516
Линдт. №29. 1527–1540
Линдт. №32. 1551

Рис. 5. Водяные знаки мельницы Zu Thal в 1480-х–начале 1550-х гг.

Ляцявичус, №205. 1653
Ляцявичус, №210. 1663
Ляцявичус, №2127. 1663, 1664, 1665, 1666

Рис. 6а. Водяные знаки Второй Виленской мельницы в 50-х–середине 60-х гг. XVII в.

Ляцявичус, №213. 1665, 1666
Ляцявичус, №214. 1668, 1669
Ляцявичус, №215. 1670, 1671

Рис. 6б. Водяные знаки Второй Виленской мельницы во второй половине 60-х–начале 70-х гг. XVII в.

талкиваться от того факта, что по своей сути, водяной знак является ничем иным, как товарной маркой. Его основная производственная функция, с одной стороны – отделять продукцию бумажного производства от продукции других производств, с другой – маркировать различные типы выпускаемой продукции. Следовательно, чтобы судить о связях водяных знаков, необходимо выяснить, чем могут быть обусловлены различия и сходства водяных знаков.

2. Графика водяных знаков в рамках работы одного производства

Данные альбомов, основанных на промышленной истории, свидетельствуют о том, что, как правило, в рамках продукции, произведенной бумажной фабрикой при одном собственнике, существенных изменений в композиции водяного знака не происходит.

Так, мельница князя Марциона Гедройца в Вильно около 20 лет (приблизительно между 1634 и 1655 гг.)¹⁰ производила бумагу с практически неизменным изображением его герба. Серьезные графические, но не композиционные отличия от других, имеет только знак из альбома Лауцявичуса №1095 (рис. 3). Стабильным оставался и знак другой виленской мельницы, принадлежавшей Яну Тохтерману (ок. 1629–1655 гг.) (рис. 4)¹¹.

Для маркировки продукции бернской мельницы Zu Thal с 1480-х гг. до перехода мельницы в собственность И. Хальбизена в 1552 г. использовались знаки «медведь» неизменной композиции (рис. 5)¹².

Представляется очевидным, что производитель обычно не испытывал потребности изменить свой товарный знак, а, напротив, был заинтересован в его узнаваемости, в поддержании его стабильности.

Существенные графические изменения в товарной марке, принадлежащей производству, наблюдаются при смене его собственника. Например, водяные знаки Второй Виленской мельницы (по номенклатуре Э. Лау-

Противоречия современной методики классификации водяных знаков

Piccard-online		Пикар	
[II]. С глазами; [1]. Без символов		I. Без стержня; [9]. №№191–197, 656	
	№64431		№64466
	№64425		№64432
	№64432		№64425
II. С глазами; 3. С кругом или сердцем сверху		№656	
	№64505		№64506
	№64510		№64511
	№64511		№64510
II. С глазами; 3. С одноконтурным стержнем сверху; в) С кругом или диском сверху		[I]. Без стержня; [10. №199]	
	№64967		№64689
	№64698		№64967
VI. С глазами и носовым кольцом на морде; 2. Без символов		IV. С одноконтурным стержнем	
	№81429		№81425
	№81425		№212
	№212		№152
VI. С глазами и носовым кольцом на морде; 2. Со звездой наверху		VIII. С одноконтурным стержнем с крестом или звездой, с глазами и ртом; [2. Со звездой] (№№11–192, 201–205)	
	№81436		№81437
	№81437		№192
	№81440		№137
	№137		№158

Таблица 1
Равнодопустимость различных критериев иерархизации признаков в рамках современной методики классификации водяных знаков

Символы	Без символов	С крестом на одноконтурном стержне	Со звездой	С цветком
Морда				
Только глаза	№64292 	№66627 	№67079 	№64725
Глаза и ноздри	№71361 	№73941 	№74365 	№71685
Глаза и нос	№79584 	№79887 	№80010 	№81246

Водяные знаки бернских бумажных фабрикантов 1563–1590 гг.

Таблица 3

Фабрикант	№№ водяных знаков в альбоме				
	33–42	43–48	49–54	55–60	
<i>Jeronimus Halbysen</i> , (1563–1579)					
<i>Hans Jakob Hussler</i> (1579–1590)	89	95	426	432	441

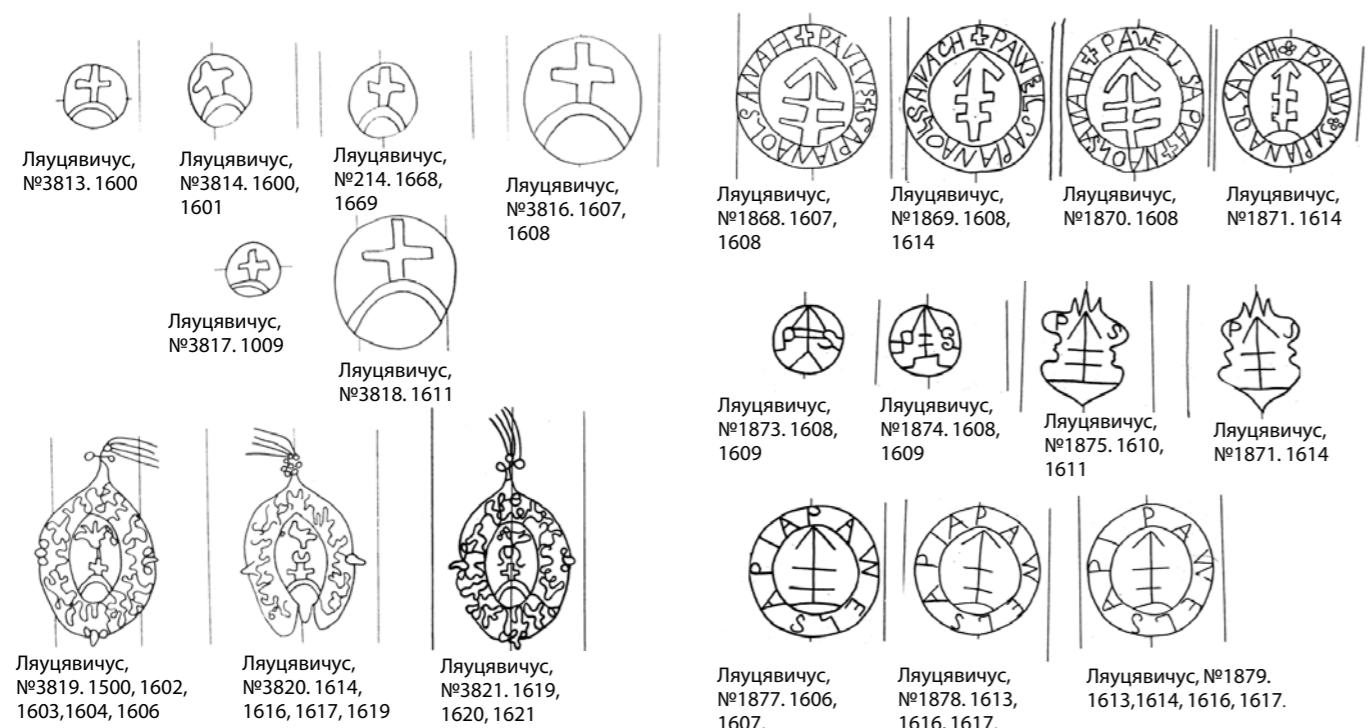

Рис. 7. Водяные знаки Сморгоньской мельницы

Рис. 8. Водяные знаки мельницы в Гольшанах

цявичуса), делятся на две группы, хронологически следующие одна за другой. Первую группу составляют изображения орла со столбами Гедимины на груди, фиксирующиеся в документах 1653–1666 гг. (рис. 6а). Вторую – изображения орла с гербом «Лис», фиксирующиеся в документах 1665–1671 гг. (рис. 6б). Причиной изменения графики водяных знаков послужил переход мельницы из ведения вильнюсского воеводы под юрисдикцию Сапег¹³.

Важно обратить внимание на следующее обстоятельство: такого рода изменения, маркирующие этапы существования производства, происходят не эволюционно, путем постепенного накопления признаков, а революционно. Их важно отличать от незначительных графических вариаций, подобных тем, которые наблюдаются в приведенных выше знаках. На некоторых из них орел

изображен с высунутым языком, с тремя пальцами на одной из лап. Однако эти различия не дают оснований для классификации, так как встречаются независимо друг от друга, внутри обоих типов.

Отметим, что при произошедшем графическом изменении, общая композиция водяного знака не изменилась: задача реализации сюжета «одноглавый орел в короне» исполняется тем же путем.

В рамках существования одного производства вполне возможно одновременное использование композиционно отличающихся знаков одного сюжета. Речь идет о знаках, использовавшихся мельницами для обозначения бумаги разных сортов и форматов. Так, мельница в Сморгони, на территории Великого княжества Литовского, принадлежавшая роду Зеновичей, в начале XVII в. употребляла герб «Деспот» в двух вариантах: полный

Количество производимых типов бумаги

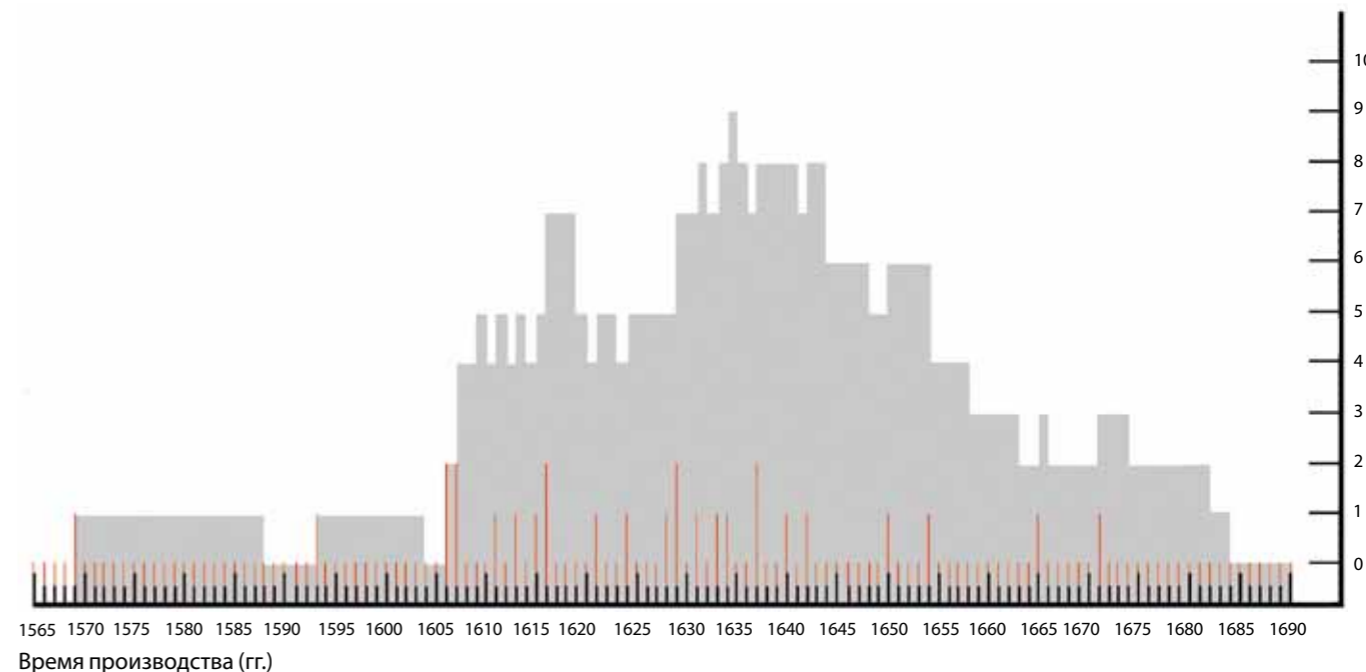

Рис. 10. Динамика использования в композиции водяных знаков польско-литовских мельниц круглого картуша с круговой надписью

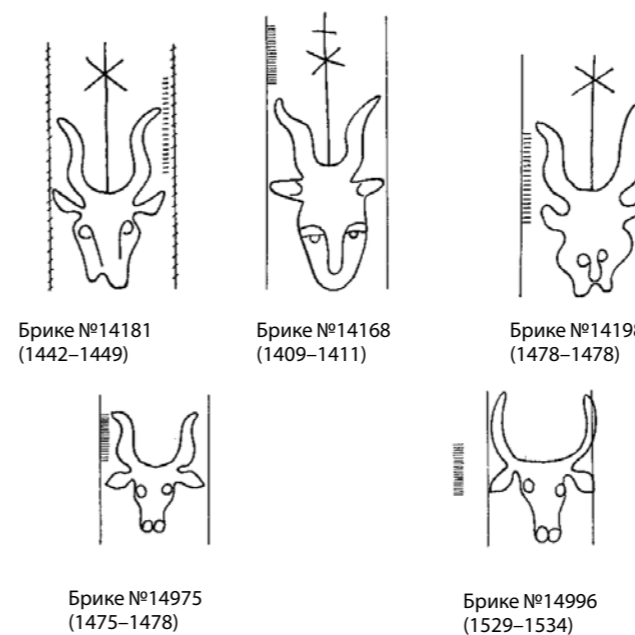

Рис. 9. Примеры сочетаемости различных графических решений элементов водяного знака вне зависимости друг от друга

для бумаги высокого сорта и упрощенный, для низкого сорта¹⁴ (рис. 7).

Другая литовская мельница, располагавшаяся в Гольшанах и принадлежавшая Сапегам, также в начале XVII в. использовала три различных типа знаков для обозначения разных сортов¹⁵ (рис. 8).

Суммируя сказанное ранее о графически различных водяных знаках одного производства, отметим, что революционные изменения, связанные со сменой собственни-

ка мельницы, могут касаться всего спектра употребляемых ею водяных знаков. Так, полностью поменялись водяные знаки бернской мельницы *Zy Thal* после ее перехода в собственность Х.Я. Хасслера в 1579 г.¹⁶ (таб. 3).

3. Сходства водяных знаков различных производств. Выше уже говорилось о характерном для работ Ш. Брике и Н.П. Лихачева выделении в рамках сюжета широких исторических типов. Если попытаться определить, что же объединяет знаки в рамках этих больших групп, то единственным объединяющим моментом окажется сама композиция водяного знака, вернее сказать, принципиальное графическое решение сюжета, популярное на протяжении определенного периода времени в определенных регионах производства.

Для понимания природы широких графических общностей водяных знаков необходимо вновь обратиться к таблице 2 и рассмотреть причины демонстрируемых ею противоречий между классификацией по принципу формальной иерархизации признаков и графической близостью водяных знаков. Возникновение этих противоречий обусловлено тем, что в основании методики формальной иерархизации признаков лежит восприятие изображения сквозь призму сюжета. По своей природе сюжет не является графическим явлением. Сюжет – это вербальная структура, определяющая формальный состав элементов графической структуры – композиции. Очевидно, что в рамках композиции возможно несколько графических решений элемента, «запрограммированного» сюжетом, и, как следствие, одному сюжету могут соответствовать несколько композиций, содержащих различные графические решения. Таблица 2 демонстрирует, насколько серьезно эти композиции могут отличаться одна от другой. Тем не менее, они содержат и сходные графические решения. По всей видимости, наличие одного графического реше-

Водяные знаки польско-литовских мельниц с круглым картушем

Таблица 4

Продолжение таблицы 4

№ знака в альбоме	Сюжет	собственник	Мельница	Первая фиксация	Последняя фиксация	Изображение
1835–1837	Лодзя	Андрей Горка (?)	Мельница в Познани (См.: Лауцявичус Э. Бумага в Литве в XV–XVIII вв. С.113)	1569	1588	
1866–1867	Лис	Л. Мамонич	Мельницы в Вильнюсе (1, 3 и 5) (Там же. С.114)	1588 (?); 1593	1604	
4060–4064	Рыба	Монастырь Marien Paradies	Картхауз (близ Данцига) (Там же. С.145)	1606	1619	
1868–1871	Лис	Павел Сапега	Мельница в Гольшанах (Там же. С.115)	1606	1623	
1877–1880 (1881)				1607	1614	
1882–1885		Томаш Сапега		1624	1644	
1886–1887				1642	1648	
1888				Павел-Ян Сапега	1671	1674
666	Герб Гжимала	?	Мельница в Познани (Там же. С.93)	1607	1612	

821–822	Цветок			1609	1610	
4065–4076	Рыба	Генрих Пробстли	Мельница в Данциге (Там же. С.145)	1611	1684	
4081–4088		Натан Пробстли		1621	1654	
4077–4080	Рыба	Павел Сапега	Мельница в Гольшанах (Там же. С.145)	1613	1621	
3348–3350	Буква Z		Мельница в Циттау (Там же. С.137)	1615	1628	
189–195	Орел Радзивиллов	Князя Радзивиллы	Мельницы имений Радзивиллов в Биржай и Дубингяй (Там же. С.84)	1616	1635	
1832–1833	Тройной крест (Бродич)	В. Жуховской	Пятая Виленская мельница (Там же. С.113)	1616	1620	
2228–2229		Миколай Глебов (?)		1628	1632	

Продолжение таблицы 4

1367				1629	1629	
4089–4092	Рыба	Ян Тохтерман	Девятая Виленская мельница (Там же. С.145)	1629	1654	
1019–1023	Лебедь	Криштоф Завиша	Мельница в Бакштах (Там же. С.98)	1631	1644	
738	Башня			1633	1636	
1087–1095	Герб князей Гедройцев	Марцион Гедройц	Пятая Виленская мельница	1634	1658	
1140–1141			Мельница в Вевисе (Там же. С.101)	1637	1640	
2225–2227	Лелива	Ян Тышкевич	Мельница в Дитве (Там же. С.121)	1637	1641	
3745–3749	Единорог			1640	1682	
1136–1139	Герб «Богория»	Е.К. Воллович	Мельница в Маркучяй (Там же. С.101)	1650	1663	

Продолжение таблицы 4

1085–1086	Герб князей Друцких-Горских	Софья Ходкевич	Мельницы в Маркучяй и Мицкуняй (Там же. С.100)	1654	1655	
2277	Лев		Мельница в Герлице (Там же. С.121)	1665		
3299–3300	Буква S		Мельница в Швейднице (Там же. С.136)	1693	1716	
3544–3545	Всадник	Тирбах	Мельница в Супрасле (Там же. С.140)	1778	1784	

ния в составе композиции, само по себе не влечет за собой наличие или отсутствие других графических решений. Так, например, голова быка при изогнутых s-образных рогах может иметь различную форму (см. рис. 9). Итак, различные графические решения элементов могут объединяться свободно, вне зависимости друг от друга.

Для датировки рукописей по водяным знакам важное значение имеет вопрос, каким образом хронологически обуславливается наличие или отсутствие графического решения в композиции. Рассмотрим водяные знаки польско-литовских бумажных мельниц гербового содержания, в состав композиции которых входит круглый картуш с круговой надписью, содержащей имя владельца мельницы. Эти знаки представлены в таблице 4, составленной на материалах монографии Э. Лауцявичуса⁷.

Динамика распространения этого композиционного решения отражена в составленной на основании таблицы 4 диаграмме (рис. 10), где серым обозначено количество одновременно производимых типов бумаги и красным – количество типов бумаги, впервые зафиксированных справочником Лауцявичуса за данный год производства. Мы видим, что широкий интервал бытования знаков, содержащих данное композиционное решение (1569–1784 гг.), можно разделить на несколько неравноценных этапов. До середины первого десятилетия XVII в. рассматриваемый вид знаков фиксируется только эпизодически. С середины первого десятилетия XVII в. до начала 1640-х гг. он представлен уже очень обильно: всего в этот период альбомом Лауцявичуса фиксируется 21 новый вид, промежуток между фиксациями не превышает 4-х лет. Количество одновременно существующих видов

доходит до 9-ти. До середины 1650-х количество сосуществующих видов остается стабильно высоким – 5-6, но, в основном, за счет того, что продолжает фиксироваться значительная часть видов, впервые отмеченных между 1606 и 1642 гг.: новых видов между 1643 и 1655 гг. фиксируется только 2. Со второй половины 1650-х гг. перестает фиксироваться большинство ранее отмечавшихся видов, новые появляются лишь эпизодически.

Представленную картину можно было бы существенно дополнить материалами других альбомов, содержащих знаки польских и литовских производств, однако приведенных материалов, как представляется, достаточно для принципиальной характеристики явления. Можно констатировать, что динамика использования отдельного графического элемента в композициях товарных знаков является волнообразной, то есть имеет периоды роста и спада. Это явление с некоторой долей модернизации и условности может быть названо «модой» в промышленном дизайне. Если возможно наблюдать периоды роста и спада, то широкий интервал бытования водяных знаков, в композиции которых было использовано определенное графическое решение, следует разделить на периоды большей и меньшей вероятности использования этого решения. В данном случае, для польско-литовского производственного региона наиболее вероятной нижней хронологической границей водяного знака с круглым картушем будет период в приблизительных границах 1605–1640 гг.

Изложенное выше приводит нас к выводу, что любую композицию водяного знака следует рассматривать как пересечение нескольких графических тенденций. Путем анализа каждой из этих тенденций становится возможным получение обоснованного интервала наиболее

вероятного бытования данного водяного знака, даже в тех случаях, когда отсутствуют альбомные параллели, совпадающие с исследуемым знаком по своей композиции. Препятствием для такого рода исследований является необходимость привлечения значительных массивов изображений водяных знаков. Это препятствие может быть преодолено путем создания специального программного обеспечения, которое в данный момент разрабатывается в Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа Отдела рукописей РНБ.

В настоящей работе мы предприняли попытку кратко охарактеризовать закономерности, связывающие жизнь бумажных производств и целых производственных регионов с водяными знаками. Эти закономерности могут стать основанием для создания классификационных систем, являющихся полноценными инструментами анализа водяного знака. Создание таких систем – первоочередная задача развития филигранологии.

¹ См.: *Briquet Ch.M.* Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. Geneve, 1907. Vol. IV. P. 624–625, 716, 730 и др. О таких общностях водяных знаков писал и Н.П. Лихачев (см.: *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч.1. Исследование и описание филиграней. СПб., 1899. С. LII–LV).

² См., например: *Briquet Ch.M.* Op.cit. P. 716–717 и др.

³ Bernstein – The Memory of Paper: [Электронный ресурс]. URL: http://www.memoryofpaper.eu:8080/BernsteinPortal/app_start_disp (дата обновления 20.06.2011).

⁴ *Tschudin W.F.* Paper Mills of Basle. Hilversum, 1958; *Lindt J.* The Paper-Mills of Berne and their Watermarks. 1465–1859. Hilversum, 1964; *Laucevičius E.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. T. I–II. Vilnius, 1967.

⁵ *Lindt J.* Op.cit. Plates XVI–XVII.

⁶ *Ibid.* P. 13–20.

⁷ *Briquet Ch.M.* Op. cit. P. 715–779.

⁸ *Piccard G.* Die Osenkopf-Wasserzeichen. Stuttgart, 1966. Teil 1. P.38–39; Teil 2. Pp. 253, 285, 293, 299, 311, 373, 407, 453, 471, 495; Teil 3. P. 527, 567, 701, 715, 743.

⁹ Wasserzeichensammlung Piccard: [База данных] // Hauptstaatsarchiv Stuttgart [официальный сайт]. URL: <http://piccard-online.de> (дата обращения 04.05.2011).

¹⁰ *Лауцявичус Э.* Бумага в Литве в XV–XVIII веках. Вильнюс, 1979. С. 100.

¹¹ Там же. С. 71.

¹² *Lindt J.* Op. cit. Plates 1–2.

¹³ *Лауцявичус Э.* Указ. соч. С. 85.

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ Там же. С. 43, 75, 115.

¹⁶ *Lindt J.* Op. cit. P. 11.

¹⁷ *Laucevičius E.* Op. cit. T. 2. Atlasas. Необходимо отметить, что знаки подобной композиции использовались не только на польских и литовских мельницах. См., например, знаки в альбоме Лауцявичуса №№ 811–813, принадлежавшие мельнице в Вольденберге в Пруссии (*Лауцявичус Э.* Указ. соч. С. 95). Таким образом, мы рассматриваем данный тип знаков на примере одного региона производства.

Е.С. Быстрова

СКОРОПИСЬ В РУССКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ

Палеография долгое время понималась как вспомогательная дисциплина, целью которой является определение времени и места написания рукописи. Хотя в литературе уже давно поднимался вопрос о полноценной науке о письме¹, теоретические проблемы в русской палеографии на сегодняшний день практически не разработаны. Первым шагом на пути к становлению палеографии как науки должно стать определение собственно палеографической терминологии, которая, в отличие от почерковедческой терминологии, служила бы для обозначения не индивидуальных, а общих явлений письма, рассматриваемых в исторической перспективе.

Настоящая работа посвящена анализу функционирования термина «скоропись», который, наряду с терминами «устав» и «полуустав», является основным термином, используемым в отечественной палеографии для характеристики письма. Непосредственным предметом рассмотрения станут те, весьма отличающиеся друг от друга понятия, которые обозначаются термином «скоропись» в учебниках, специальных исследованиях, в основных толковых и энциклопедических словарях XVIII–XXI вв.²

История изучения скорописи. Несмотря на широкое распространение термина, явление, которое им обозначается, практически не подвергалось специальному исследованию. Содержание термина разрабатывалось, главным образом, в учебниках палеографии. Их авторы не могли обойти молчанием проблемы возникновения скорописи и ее дальнейшего развития (вплоть до конца XVII–начала XVIII вв.), хотя и не ставили перед собой задачи показать ее характерные особенности и отличия от устава и полуустава. Наиболее значимыми являются учебники И.П. Сахарова³, И.И. Срезневского⁴, А.И. Соболевского⁵, В.Н. Щепкина⁶, Е.Ф. Карского⁷ и Л.В. Черепнина⁸, где отражены авторские концепции скорописи (о них удобнее будет поговорить ниже). В учебнике Н.С. Тихонравова о скорописи сказано очень мало⁹, а курсы Р.Ф. Бранта, И.А. Шляпкина, М.Д. Приселкова не вносят в проблему скорописи ничего нового по сравнению с предшественниками¹⁰. Начиная со второй половины XX в., учебники палеографии в вопросе о скорописи утрачивают самостоятельность и повторяют (часто упрощенно) традиционные концепции В.Н. Щепкина и Л.В. Черепнина или разработки современных палеографов¹¹.

Поскольку скоропись зачастую чрезвычайно сложна для чтения, с 70-х гг. XIX в. начинают выходить в свет специальные пособия, направленные на формирование этого навыка¹². Такие пособия неравноценны по качеству и полноте материала. Например, книга Г. Есипова представляет собой альбом без каких-либо теоретических обобщений, а И.С. Беляев предваряет таблицы начертаний палеографическим очерком, где излагает авторскую концепцию скорописи. Как бы то ни было, основной целью всех таких пособий является воспроизведение наиболее трудночитаемых образцов скорописи. Поэтому они содержат обширный иллюстративный материал, организованный по степени сложности для прочтения.

Специальных исследований, посвященных скорописи, очень немного, и в большей части работ рассматриваются лишь частные вопросы, связанные с ней. Первым исследованием скорописи является «Палеографический Изборник» И.М. Каманина (1899), состоящий из альбома

© *Е.С. Быстрова*

снимков южно-русского делового письма и вступительной статьи. Хотя работа И.М. Каманина посвящена киевской скорописи, в ней содержится ряд замечаний относительно московской, и она интересна как единственная попытка отобразить, систематизировать и проанализировать образцы скорописного письма¹³.

Следующая работа, которая была опубликована через сорок лет после первой, принадлежит И.Ф. Колесникову. Несмотря на то, что в ней приводится авторская таблица скорописных начертаний, статья полностью основана на концепции В.Н. Щепкина и представляет собой скорее палеографический очерк, целью которого, по всей видимости, было привлечь внимание исследователей к проблеме актовой письменности позднейшего периода как наименее изученной¹⁴. Продолжателями направления, заданного И.Ф. Колесниковым, можно считать авторов нескольких статей, анализирующих элементы графики московской скорописи XVI–XVIII вв. на основании памятников делопроизводственной письменности¹⁵. Скоропись этого периода рассматривается исключительно с точки зрения взаимоотношения графики и языка.

С 60-х гг. XX в. начинают появляться статьи, посвященные проблемам публикации и описания текстов, написанных скорописью¹⁶, их пунктуации¹⁷ и орфографии¹⁸, значению выносных букв и обозначению границы слова¹⁹.

В поле зрения авторов статей, предметом которых является поздняя скоропись деловых документов, естественно, не попадает проблема возникновения скорописи, а ее отличие от устава и полуустава не вызывает затруднений. Возможно поэтому, единственная статья, посвященная этим вопросам, принадлежит Н.Н. Розову, в центре научных интересов которого стояло изучение рукописной книги. Н.Н. Розов впервые предпринимает попытку проанализировать содержание термина «скоропись» и высказывает свою точку зрения на то, что следует им обозначать²⁰.

С распространением предмета палеографии на письмо Нового и Новейшего времени²¹ был поставлен вопрос о взаимоотношении древней скорописи и современного письма. Эта проблема затрагивалась в работах историка шрифта А.Г. Шицгала²², предложившего свою оригинальную концепцию скорописи, и стала темой статьи П.Н. Беркова²³ и диссертации Е.А. Белоконов²⁴, которые впервые обратились к изучению гравированных прописей XVIII в.

В настоящее время единственным специалистом по скорописи является Э.В. Шульгина. Ей принадлежат две работы, посвященные «книжной» скорописи – статья, где исследуется письмо так называемых Милютинских миней первой половины XVII в. (ОР ГИМ, Син. 797–808), и монография, в которой на материалах ОР ГИМ рассматривается скоропись XV в.²⁵

Вопросы, связанные со скорописью, затрагивались и в работах исследователей, не занимавшихся непосредственно разработкой этой темы²⁶, но можно сказать, что приведенным выше обзором изучение скорописи в русской палеографии исчерпывается. Представления о скорописи складываются из ряда аспектов, которые будут рассмотрены ниже.

Исследование графики скорописи. Основопологающий для изучения письма аспект – составление таблиц различных начертаний букв – как это ни парадок-

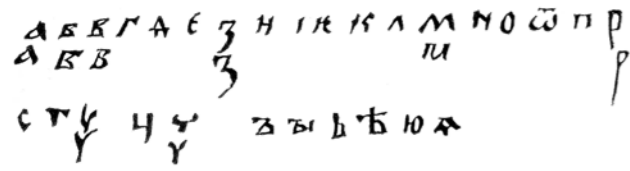

Рис. 1.1. И.И. Срезневский. Примеры скорописных начертаний из грамоты Кейстута и Любарта Торунскому гражданству (после 1341 г.)

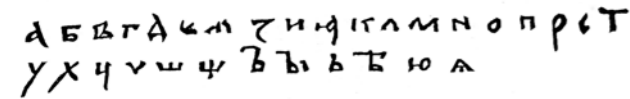

Рис. 1.2. И.И. Срезневский. Примеры скорописных начертаний из закладной Двинского владельца Власия Степановича Чюхенецкому монастырю. 1349 г.

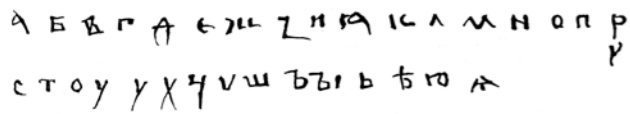

Рис. 1.3. И.И. Срезневский. Примеры скорописных начертаний из духовной грамоты Дмитрия Донского (до 1389 г.)

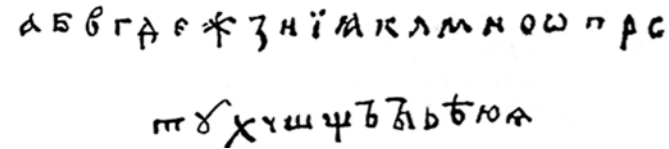

Рис. 1.4. И.И. Срезневский. Примеры скорописных начертаний из Лествицы (1387 г.)

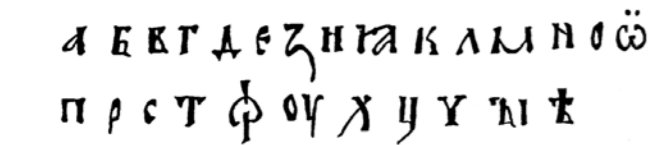
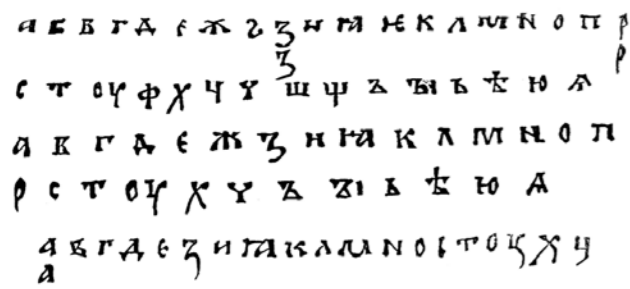

Рис. 1.5. И.И. Срезневский. Примеры уставных начертаний из Синодального списка Новгородской первой летописи

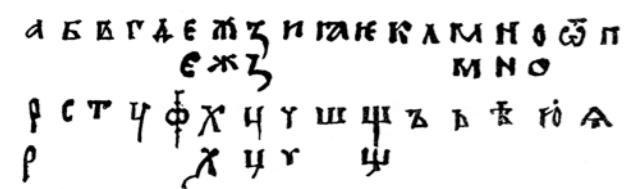

Рис. 1.6. И.И. Срезневский. Примеры уставных начертаний из Лаврентьевской летописи (1377 г.)

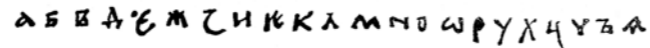

Рис. 1.7. И.И. Срезневский. Примеры полууставных начертаний из Лаврентьевской летописи (1377 г.)

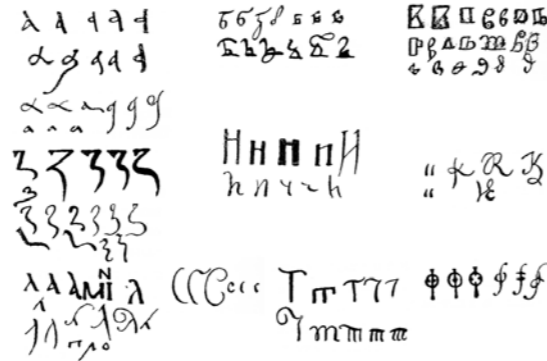

Рис. 2.1. Е.Ф. Карский. Примеры палеографических таблиц

устав	а а а а а
полуустав	а а а
полуустав, переходящий в скоропись	а а
скоропись московская	а а а а а
скоропись киевская	а а а
полуустав	б б б б б в в в г г г
скоропись московская	б в г д е ж з и к л м н о п р с т ф о у х ц ч ш щ ъ ы ь ѣ ю ѧ
скоропись киевская	б в г д е ж з и к л м н о п р с т ф о у х ц ч ш щ ъ ы ь ѣ ю ѧ

Рис. 2.2. Примеры уставных, полууставных и скорописных начертаний из таблиц Е.Ф. Карского

сально, разработан наименее успешно. Палеографические таблицы, которые приводятся в учебниках, пособиях для обучения чтению и специальных работах, не свободны от ряда несовершенств, делающих их использование крайне затруднительным. Во всех таблицах приводятся воспроизведения или прорисовки конкретных начертаний, отобранных исследователем из рукописи. Это ведет к смешению индивидуальных особенностей письма использованной рукописи и общих графических признаков, не позволяет выделить типичные для скорописи черты²⁷. Единственная попытка упорядочить начертания – объединение их в «графические варианты» (например, Э.В. Шульгина предлагает обозначать этим термином «начертания

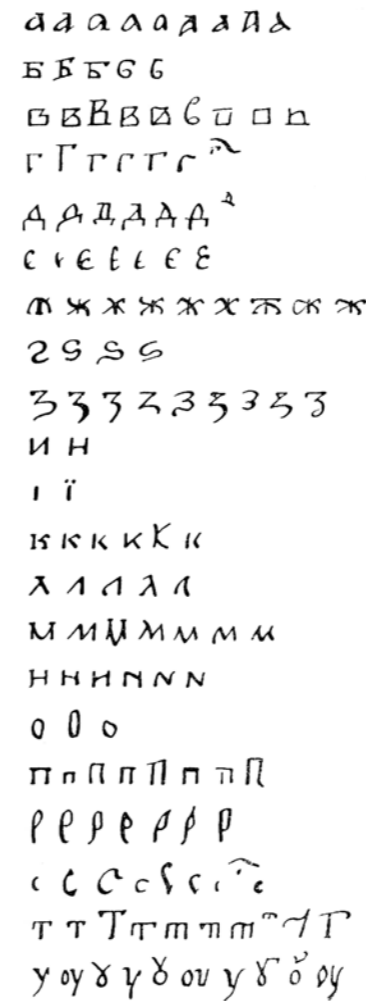

Рис. 3.1. Л.В. Черепнин. Таблица полуустава XV в.

одной и той же буквы, имеющие общий рисунок, независимо от приемов начертания, размера и положения буквы по отношению к строке») – не получила ни последовательно воплощения на практике, ни дальнейшей разработки²⁸. Таблицы составлены без каких-либо четко выраженных принципов и включают в себя случайные начертания – как наиболее употребительные, так и редкие – по той или иной причине привлеченные внимание автора²⁹.

Более того, поскольку главной целью палеографии всегда считалась датировка рукописей, таблицы нацелены на выявление характерных признаков письма определенного времени, а не особенностей скорописи, отличающих ее от устава и полуустава. На основании существующих палеографических таблиц часто нельзя с уверенностью сказать, что их составители понимали под скорописью. Так, по мнению И.И. Срезневского, отличие устава от скорописи является «рисунок букв»³⁰, но сравнение начертаний рукописей XIV в., отнесенных им к уставу, полууставу и скорописи, не позволяет однозначно ответить на вопрос, чем именно они различаются. (Рис. 1.1–1.7).

В таблицах Е.Ф. Карского, несмотря на подробный комментарий почти к каждому начертанию, приведенному в них, и попытку проследить его эволюцию, не всегда можно понять, относит ли автор ту или иную форму буквенных начертаний к уставу, полууставу или скорописи. Скорописные формы не всегда четко противопоставлены

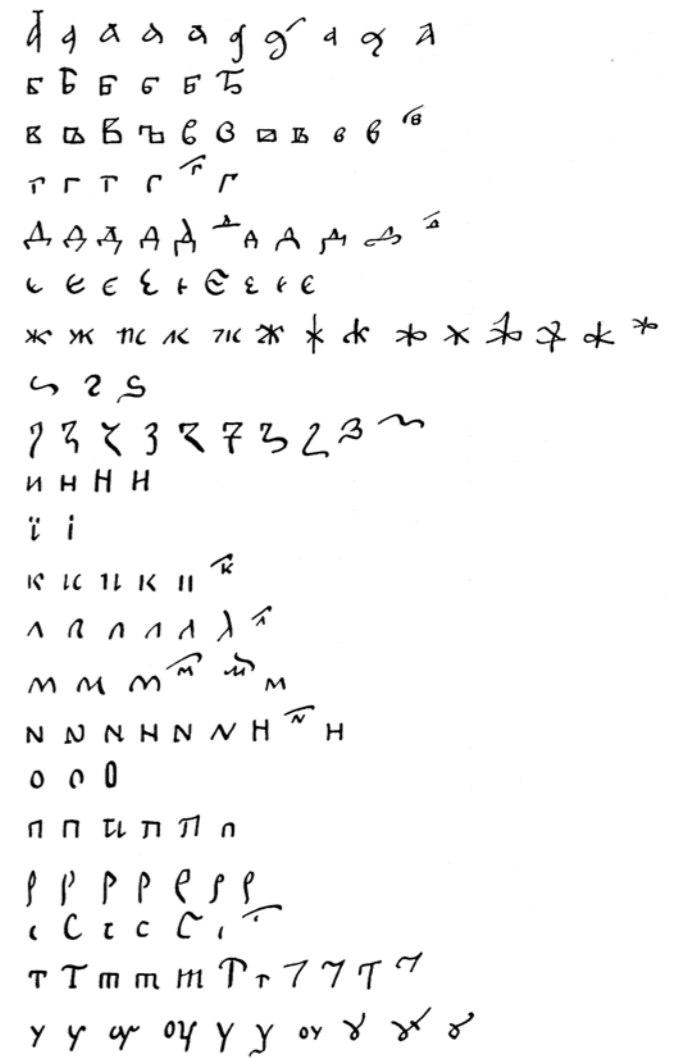

Рис. 3.2. Л.В. Черепнин. Таблица скорописи XV в.

Полуустав	Скоропись
а	а
б	б
в	в

Рис. 3.3. Совпадающие начертания полуустава и скорописи из таблиц Л.В. Черепнина

полууставным: например, о «закругленном виде» полууставного *в*, прослеживаемом с XIV в., исследователь говорит, что он со временем становится господствующим в скорописи³¹, в ряде случаев скорописные начертания характеризуются как «сходные с полууставными» (для буквы *л*)³² (Рис. 2.1–2.2).

Таблицы Л.В. Черепнина еще более показательны: сравнивая его примеры полууставных и скорописных начертаний за XV в., можно заметить, что многие скорописные и полууставные формы совпадают (Рис. 3.1–3.3).

В таблицах, сопровождающих пособия Г. Есипова и И.С. Беляева, в статьях И.Ф. Колесникова и А.К. Панфиловой, Н.Г. Королевой представлены только те начертания,

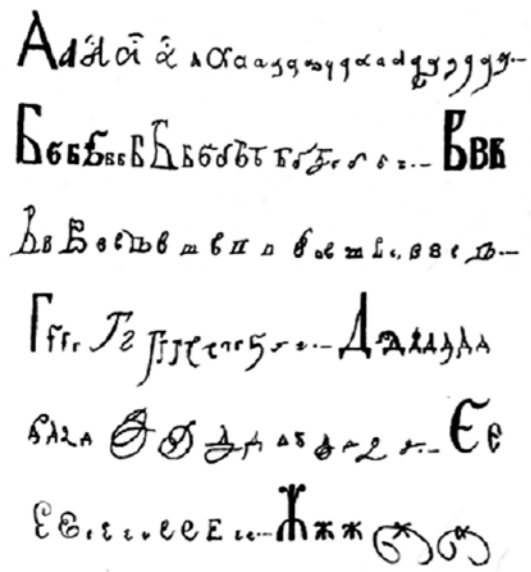

Рис. 4. Г. Есипов. Пример палеографической таблицы

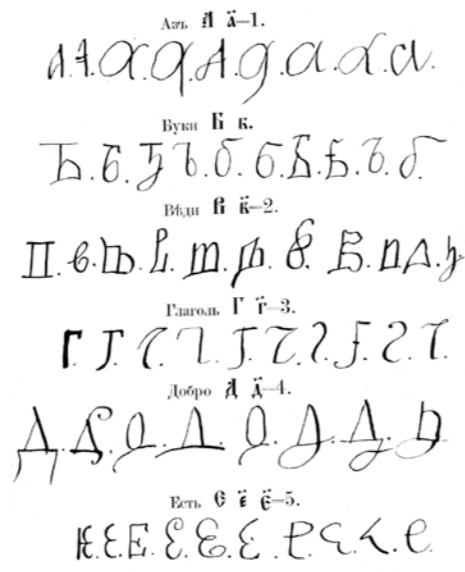

Рис. 5. И.С. Беляев. Пример палеографической таблицы

которые авторы считали скорописными, но основания для их выбора не прописаны (рис. 4, 5, 6).

Более четко представление о типичных для скорописи особенностях отразилось в таблицах А.И. Соболевского, В.Н. Щепкина и Э.В. Шульгиной. А.И. Соболевский приводит строчные скорописные начертания из двух рукописей XVI в. (Житие Бориса и Глеба, 1555; собственноручная книга Гермогена, 1594) и из памятников XVII в. (рис. 7.1–7.5). Таблица В.Н. Щепкина охватывает XV–XVII вв. и в ней представлены: 1) выносные буквы без титл, 2) начертания, выполненные в один или два приема руки, и 3) образцы связей (рис. 8.1–8.2). Э.В. Шульгина на материалах Милютинских миней XVII в. и рукописей XV в. из ОР ГИМ приводит те же группы начертаний, что и В.Н. Щепкин, но в ее таблицах представлено большее количество примеров (рис. 9).

Наличие такого рода начертаний, а также не подкрепленные примерами общие характеристики (например, «крючковатость», «криволинейность элементов», «свобода взмахов и нажимов», «нарушение двухлинейности письма», «больше, чем в уставе и полууставе количество сокращений и выносных букв», «многообразие начертаний одних и тех же букв»), в большинстве работ и составляет определение скорописи³³. Н.В. Сяницына, например, отмечает, что «различие между скорописным и полууставным вариантами одной буквы выражается в том, что первый пишется с помощью меньшего количества движений, пишущий инструмент меньше число раз отрывается от бумаги, рисунок буквы менее сложен, в ней преобладают округлые формы, в отличие от угловатых или прямоугольных полууставных»³⁴.

Отсутствие четкого понимания специфики скорописных начертаний усугубляется тем, что до сих пор нет единого представления о том, сколько таких начертаний должно присутствовать в рукописи для определения ее как скорописной. В литературе нам встретилось только три замечания, касающихся этого количественного критерия. Е.Ф. Карский отмечает, что «появление среди полууставных букв тех или других скорописных знаков – дело довольно обычное», и их наличие еще не позволяет говорить о скорописи³⁵. И.С. Беляев, пытаясь провести границу между полууставом и скорописью, предлагает считать скорописными те рукописи XIV–XV вв., в которых

«верхние выносные буквы В, Д, Т, Х и др.», являющиеся, по мнению исследователя, «характерными признаками скорописи», встречаются «не менее трех-четырех» раз³⁶. Следует упомянуть также замечание А.А. Амосова, что «критерием для выделения самостоятельных типов письма может быть количественное накопление новых образов графем относительно какого-либо исходного»³⁷. Это положение не получило развития и не использовалось при разработке понятия скорописи.

Скоропись в контексте концепций «типов письма». В отечественной палеографии не существует разработанного понятия о том, чем устав, полуустав и скоропись являются по отношению друг к другу. Впервые на эту проблему обратил внимание Н.Н. Розов. Исследователь отмечает, что даже в рамках одной работы устав, полуустав и скоропись могут называться по-разному: «почерками», «типами письма», «видами письма», или вообще никак не обозначаться. Отсутствие единого термина делает проблематичной саму постановку вопроса о разработке определения и критериев, на основании которых следует проводить различия между уставом, полууставом и скорописью. Сам Н.Н. Розов, хотя и призывает исследователей остановиться на термине «тип письма», ограничивается замечанием, что «тип» – родовое понятие, а «почерк» – видовое, то есть «в пределах одного типа письма могут существовать различные почерки»³⁸. То же видим у Э.В. Шульгиной в разделе монографии, посвященном методологическим проблемам изучения скорописи³⁹, поэтому вопрос об определении «типа письма» до сих пор остается открытым.

Как ни удивительно, не все исследователи отождествляют скоропись с наличием в рукописях скорописных начертаний: А.И. Соболевский и В.Н. Щепкин, говоря о возникновении скорописи в XIV в., прослеживают «особые» скорописные начертания, только начиная со второй половины XVI в.⁴⁰ Такая постановка вопроса вызвала критику со стороны Н.Н. Розова, который предложил различать «скорописание», т.е. в буквальном смысле быстрое письмо, и «скоропись» – особый «тип письма»⁴¹. Однако, как нам представляется, исследователи, постулировавшие возникновение скорописи до появления «особых» скорописных начертаний, никогда не рассматривали скоропись раннего периода исключительно как быстрое

	XV в.	XVI в.	XVII в.	XVIII в.
а	а а а а а	а	а а а	а а
б	б б б	б б б	б б б б б	б б
в	в в в	в в	в в в в в в в	в в в в в
г	г г	г	г г г	г г
д	д д д	д д д д д	д д д д д	д д д д д
е	е е е	е е е	е е е	е е е
ж	ж ж ж	ж ж ж	ж ж ж ж ж	ж ж ж ж ж
з	з з з	з з	з з з з з	з з
и	и и	и и	и и и	и и и
к	к к к	к к	к к к	к к
л	л л л	л л	л л л	л л
м	м м м	м м м	м м м м м	м м м м м
н	н н н	н н	н н н	н н н
о	о о о	о о о	о о о	о о
п	п п п	п п	п п п	п п
р	р р р	р р р	р р р р р	р р р р р
с	с с с	с с с	с с с с с	с с с с с
т	т т т	т т т	т т т т т	т т т т т
у	у у у	у у	у у у	у у у
ф	ф ф ф	ф ф	ф ф ф	ф ф ф
х	х х х	х х х	х х х х х	х х х х х

Рис. 6. И.Ф. Колесников. Пример палеографической таблицы

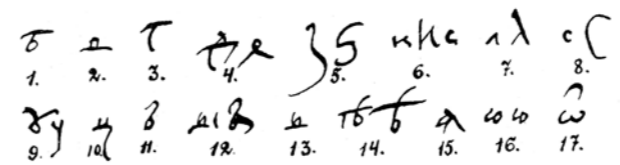

Рис. 7.1. А.И. Соболевский. Примеры скорописных начертаний из Жития Бориса и Глеба. 1555 г.

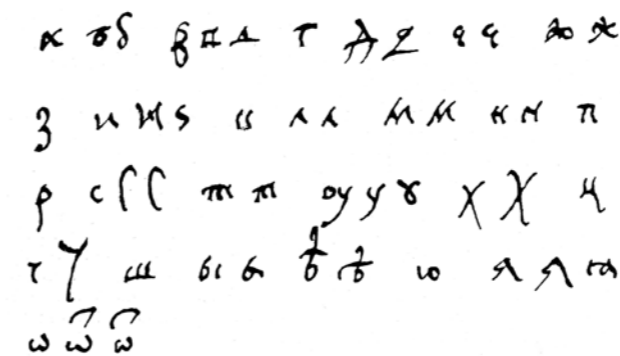

Рис. 7.2. А.И. Соболевский. Примеры скорописных начертаний из собственноручной книги Гермогена. 1594 г.

письмо. Их представления о скорописи, вероятно, в большей степени основываются не на анализе графики, а на общих концепциях «типов письма», которые возникли в отечественной палеографии.

Термины «устав» и «полуустав» и «скоропись» перешли в русскую палеографию из книгописной практики XVI–XVII вв. и каким бы ни было их исконное, «производственное», значение, в работах исследователей они получили новое содержание. Можно выделить две основных тенденции в интерпретации терминов, обозначающих «типы письма». В целом ряде работ устав, полуустав и скоропись рассматриваются как самостоятельные, равноценные графические явления, которые последовательно сменяют друг друга в качестве основного письма. В таком ключе «типы письма» интерпретируются уже в учебнике И.П. Сахарова, а после учебника А.И. Соболевского, по-видимому, этот взгляд получает наиболее широкое распространение⁴². Хотя длительное сосуществование полуустава и скорописи, бесспорно, признавалось всеми исследователями (согласно наиболее распространенной датировке, оно продолжалось с XIV по начало XVIII в., когда скоропись вытеснила полуустав почти из всех сфер письма), факту смены одного «типа письма» другим все же придавалось первостепенное значение. В работах палеографов более позднего времени акцент смещается, и взаимоотношение полуустава и скорописи, пришедших на смену уставу, характеризуется как «мирное существование»⁴³.

Вторая тенденция проявила себя, главным образом, в толковых словарях XVIII–XIX вв.: устав и скоропись опре-

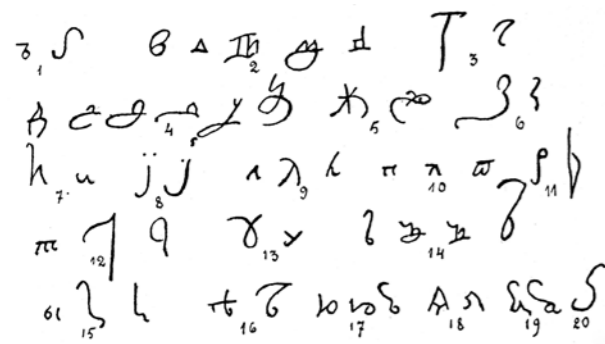

Рис. 7.3. А.И. Соболевский. Примеры начертаний скорописи XVII в.

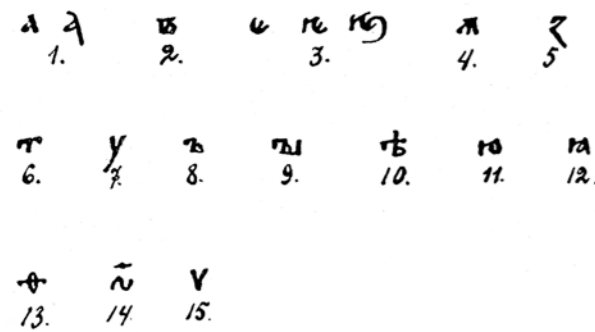

Рис. 7.4. А.И. Соболевский. Примеры полууставных начертаний из Слов Василия Великого. Конец XIV в.

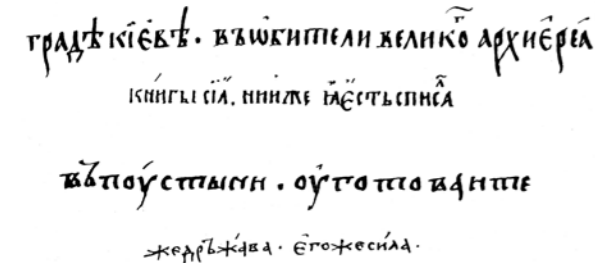

Рис. 7.5. А.И. Соболевский. Примеры полууставных начертаний из Киевского Евангелия (1411 г.), Апостола (1445 г.), Лествицы (1424 г.)

деляются через противопоставление друг другу, а полуустав занимает не вполне определенное, промежуточное положение и обычно истолковывается как «почерк, средний между уставом и скорописью»⁴⁴. «Типы письма» рассматриваются здесь не как сменяющие друг друга эпохи истории письма, а как одновременные явления. Насколько об этом позволяют судить источники XVI–XVII вв., такое представление о «типах письма» близко традиционному⁴⁵. Что касается специальной литературы, то здесь, по-видимому, вторая тенденция, отразилась в трудах И.И. Срезневского: в его палеографическом очерке полуустав не упоминается вообще, согласно же тексту учебника (где отмечается, что полуустав «сравнительно редок до XV в.»), он занимает неопределенное место⁴⁶. Следует также отметить попытку М.В. Кукушкиной «вернуться» к «традиционному» пониманию «типов письма»⁴⁷.

Соотнесение термина «скоропись» с определенным графическим образом в первом и во втором случаях, естественно, не могло быть тождественным. Несмотря на это, отдельные положения, органичные для работ с преобладанием одной из тенденций, неосознанно проникали в концепции «типов письма», относящиеся к

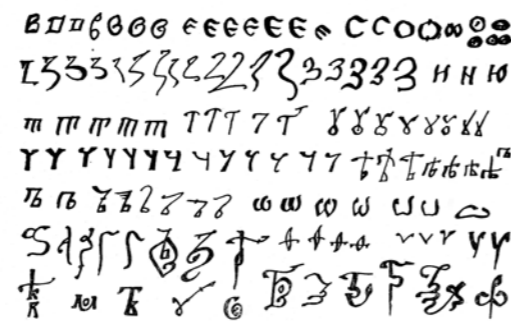

Рис. 8.1. В.Н. Щепкин. Примеры начертаний южнославянского полуустава XV–XVII вв.

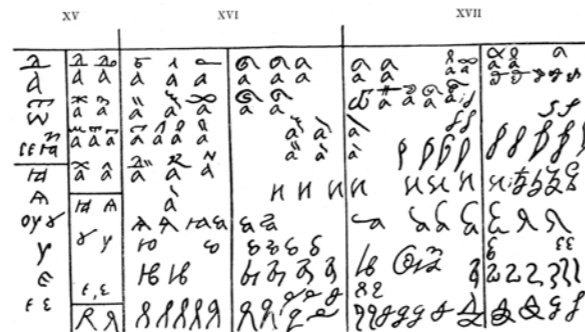

Рис. 8.2. В.Н. Щепкин. Примеры начертаний скорописи XV–XVII вв.

другой, порождая несообразности и противоречия. Прежде всего, это касается вопроса о времени возникновения скорописи.

Начиная с учебника А.И. Соболевского, в работах палеографов, склонных рассматривать «типы письма» как три сменяющих друг друга эпохи, получило распространение положение о появлении скорописи в XIV в. Эта дата, по всей видимости, была заимствована из работ И.И. Срезневского, который именно к этому времени относит отделение скорописи от устава⁴⁸. В концепции А.И. Соболевского положение о возникновении скорописи в это время приводит к наложению эпохи скорописи на эпоху полуустава, появление которого также относится к XIV в.⁴⁹ Вероятно, это объясняется авторитетом И.И. Срезневского, первого палеографа, чьи труды получили широкое распространение (курсы Сахарова и Тихонова были изданы лишь в литографированном виде).

Еще больше противоречий смешение двух тенденций привнесло в исследование графики письма. Для XIV в. исследователи более или менее обоснованно могут выделить только два графических явления. Поскольку система И.И. Срезневского строится на противопоставлении устава и скорописи, а полууставу отводится подчиненное положение, именно последний не получает в ней реального содержания. В системе А.И. Соболевского и его последователей, полуустав является следующей, после устава, эпохой в истории письма, скоропись же, как считается, развивается из полуустава, и поэтому ее соотнесение с графикой вызывает затруднение. Чтобы разрешить это противоречие, А.И. Соболевскому и приходится ввести понятие «ранняя скоропись», «которая еще, в сущности, полуустав», и которая, как было показано выше, появляется до возникновения «особых» скорописных начертаний⁵⁰. Фактически же, то, что И.И. Срезневский понимал под скорописью, для остальных исследователей

	Графические начертания букв	Кол-во графических вариантов
А		4
Б		6
В		6
Г		1
Д		8
Е		6
Ж		6

Рис. 9. Э.В. Шульгина. Сводная таблица строчных скорописных букв первой половины XV в

являлось полууставом. Несмотря на это, наблюдения И.И. Срезневского широко использовались и обсуждались исследователями в рамках первого направления. Показательна попытка Е.Ф. Карского спорить «тип письма» двух рукописей, которые И.И. Срезневский обозначает как скорописные, на основании того, что большинство начертаний в них являются полууставными⁵¹.

Взаимоотношение терминов «скоропись» и «деловое письмо». На хронологическое разграничение «типов письма» накладывается функциональное разделение на книжное и деловое письмо. В русской палеографии противопоставление устава/полуустава скорописи не вполне соответствует противопоставлению книжного письма деловому. Хотя исследователи единодушно признают, что скоропись зарождается в делопроизводственной среде⁵², никто не отрицает, с одной стороны, существования большого количества скорописных книг, а с другой – использования в актах устава и полуустава. Можно выделить две точки зрения на сферу скорописи: 1) применение скорописи никак функционально не ограничено; 2) скоропись считается преимущественно деловым, актовым письмом.

Первая точка зрения отразилась в работах И.П. Сахарова, Н.Н. Розова и Э.В. Шульгиной. Если первые два исследователя говорят лишь о том, что скоропись получила широкое распространение не только в актах, но и в книгах⁵³, Э.В. Шульгина выделяет особый вид скорописи, так называемую «книжную скоропись». В статье, посвященной Милотинским минеям, Э.В. Шульгина приводит отличие «книжной скорописи» от «актовой скорописи»: «книжная скоропись», по мнению исследовательницы, на одну треть состоит из полууставных начертаний⁵⁴. Других определений «книжной скорописи» в монографии Э.В. Шульгиной мы не находим.

Вторая точка зрения нашла отражение в работах А.И. Соболевского, В.Н. Щепкина, Л.В. Черепнина.

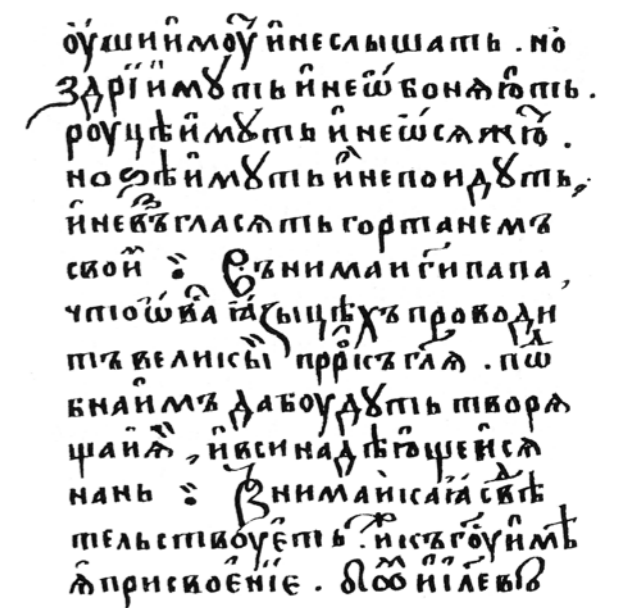

Рис. 10. Э.В. Шульгина. Пример книжной скорописи (Син. 419. 4°. Л. 153 об.–154)

А.И. Соболевский характеризует скоропись как «письмо грамот» «по преимуществу». Появление скорописи в книгах рассматривается как отклонение от нормы, поскольку полуустав, имевший «большее значение сравнительно со скорописью», считался «наиболее приличным письмом для книг»⁵⁵.

Если А.И. Соболевский только ограничивает сферу применения скорописи делопроизводством, В.Н. Щепкин отождествляет скоропись с деловым письмом. По мнению исследователя, возникновение «типов письма» отражает разную степень освоения письма обществом: устав употреблялся, когда письмо выполняло исключительно сакральную функцию, т.е. использовалось только для переписывания богослужебных книг; полуустав появился в связи с распространением письма на памятники литературы; появление же скорописи было свидетельством проникновения письма в хозяйственную и административную сферы. Появление скорописи в XIV в. означало, по В.Н. Щепкину, что до этого времени делового письма практически не существовало⁵⁶.

Л.В. Черепнин не может согласиться с этим положением В.Н. Щепкина, ссылаясь на существование грамот и деловых записей и в более ранний период. Такая позиция заставляет его искать элементы скорописи (и полуустава) в берестяных грамотах и пометах на полях рукописей, начиная с XI в. Поскольку выделить скорописные начертания в рукописях раннего периода оказалась проблематичным, Л.В. Черепнин предложил определять «тип письма», в том числе, и по «содержанию текста» рукописи. При этом Л.В. Черепнин не отказывается от традиционной точки зрения на возникновение скорописи в XIV в.⁵⁷ Получается, что термином «скоропись», Л.В. Черепнин обозначает два явления: письмо актов вообще и скоропись как «тип письма».

Сторонником второй точки зрения, по-видимому, следует считать А.Г. Шигала, который, хотя и занимался специальным исследованием письма конца XVII–начала XVIII в., затрагивал проблемы скорописи предшествующего периода. А.Г. Шигал, в целом соглашаясь с мнением Л.В. Черепнина, предлагает разрешить противоречие в терминологии, от которого не свободна и его концепция,

Словарь русского языка / ред. А.П. Евгеньева. М., 1984. Т. IV	Почерк древних греческих и славянорусских рукописей, написанных кириллицей, отличающийся прямым, четким и тщательным начертанием каждой буквы ¹⁹	Одна из графических разновидностей письма в греческих и славянских рукописях, возникшая как упрощение устава и обеспечивавшая большую скорость начертания ²⁰	Беглое слитное рукописное письмо в средневековых рукописях, возникшее для ускорения процесса письма и сменившее древний устав и полуустав. Быстрое письмо вообще ²¹
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1975; 1981	Крупный почерк древних латинских, греческих и славяно-русских рукописей, отличающийся тщательно выведенными буквами ²²	Почерк в древних греческих и славянских рукописях, средний между уставом и скорописью ²³	Беглое письмо, преимущ. в древних рукописях ²⁴
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992	Вид письма: крупный почерк древних латинских, греческих и славяно-русских рукописей, отличающийся тщательно выведенными буквами геометрического рисунка ²⁵	Вид письма, почерк в древних греческих и славянских рукописях, средний между уставом и скорописью ²⁶	Вид письма – беглый почерк, преимущ. старинных рукописей ²⁷
Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007	То же ²⁸	То же ²⁹	1. Вид буквенного письма (преимущ. в деловых старинных рукописях): беглый, с непрерывным движением пера почерк (<i>слец.</i>). 2. Беглый и частый почерк ³⁰
Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998	Тип написания древних греческих и славянских рукописей, выполненных кириллицей, отличающийся прямым, четким и тщательным начертанием каждой буквы ³¹	Одна из графических разновидностей письма в греческих и славянских рукописях, возникшая как упрощение устава и обеспечивавшая большую скорость начертания ³²	Беглое слитное рукописное письмо в средневековых рукописях, возникшее для ускорения процесса письма и сменившее древний устав и полуустав ³³

¹ Поликарпов-Орлов Ф. П. Лексикон трехязычный. [М], 1704. Л. 96.

² Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. V. Стб. 834.

³ Там же.

⁴ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. VI. Стб. 1031.

⁵ Там же. Ч. IV. Стб. 1457.

⁶ Там же. Ч. VI. Стб. 183.

⁷ Словарь церковно-славянского и русского языка / 2-е изд. СПб., 1868. Т. IV. Стб. 765.

⁸ Там же. СПб., 1867. Т. III. Стб. 680.

⁹ Там же. СПб., 1868. Т. IV. Стб. 285.

¹⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1866. Ч. 4. С. 469.

¹¹ Там же. С. 469.

¹² Там же. С. 187.

¹³ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 1940. Т. 4. Стб. 998.

¹⁴ Там же. М., 1939. Т. 3. Стб. 550.

¹⁵ Там же. М., 1940. Т. 4. Стб. 232.

¹⁶ Словарь современного русского литературного языка / АН СССР, Ин-т русского языка. М.; Л., 1964. Т. 16. С. 947.

¹⁷ Там же. М.; Л., 1960. Т. 10. С. 1118.

¹⁸ Там же. М.; Л., 1962. Т. 13. С. 1023.

¹⁹ Словарь русского языка / ред. А.П. Евгеньева; 2-е изд. доп. и испр. М., 1984. Т. IV. С. 523.

²⁰ Там же. М., 1983. Т. III. С. 275.

²¹ Там же. Т. IV. С. 117.

²² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1975. С. 772; М., 1981. С. 747.

²³ Там же. М., 1975. С. 512; М., 1981. С. 494.

²⁴ Там же. М., 1975. С. 666; М., 1981. С. 644.

²⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 870.

²⁶ Там же. С. 574.

²⁷ Там же. С. 749.

²⁸ Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2007. С. 1036.

²⁹ Там же. С. 691.

³⁰ Там же. С. 890.

³¹ Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 1401.

³² Там же. С. 911.

³³ Там же. С. 1200.

А.В. Сиренов

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ИВАНА ГРОЗНОГО ВЛАДИМИРСКОМУ УСПЕНСКОМУ СОБОРУ 1550 г.: ФАЛЬСИФИКАЦИЯ И ЕЕ ВЫЯВЛЕНИЕ ОПТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

«Исследующая фотография» на заре своего существования предназначалась для выявления слабочитаемых записей, а также для исследования древних рукописей на предмет обнаружения подделок¹. За прошедшее с тех пор столетие возможности и сфера применения фотоанализа, как стали называть «исследующую фотографию», существенно расширилась. Все же и сейчас первоначальная задача оптических методов исследования сохраняет свою актуальность.

В 1915 г. в Отдел рукописей Императорской Публичной библиотеки от частного лица поступило собрание грамот, формирование которого связывается с именем известного собирателя древнерусских рукописей графа Ф.А. Толстого². Самый древний памятник собрания – жалованная грамота 7058 (1549/1550) г. царя Ивана IV (Грозного) клиру Успенского собора г. Владимира (*илл.1*). Судя по написанному на оборотной стороне документа номерам, в первой половине XIX в. грамота действительно находилась в собрании Толстого. К коллекционеру она могла попасть непосредственно из Владимира, где в 1833 г. побывал П.М. Строев, приобретавший для Толстого рукописи³. После поступления собрания в Публичную библиотеку грамота была присоединена к Основному собранию актов и грамот⁴, введена в научный оборот и неоднократно описана⁵. Приведем ее краткую характеристику еще раз.

Текст грамоты написан на листе пергамента (51×31 см) скорописью XVI в. Сохранились остатки вислой печати красного воска на шелковом шнуре. Грамота скреплена подписями дьяка Ивана Михайлова (Висковатова) и дворцового дьяка Василия Мелентьева⁶. На обороте запись: «Приказ боярина и дворецкого Данила Романовича», а также следы от стертых записей, вероятно, царского титула и подписи дьяка⁷.

Обратим внимание на одну особенность в формуляре грамоты. Как правило, в древнерусской грамоте основное содержание получает отражение в нескольких статьях формуляра, и таким образом обстоятельства дела упоминаются в тексте несколько раз⁸. В настоящей грамоте это также присутствует. В ней речь идет о пожаловании права собирать «подынное», то есть о возвращении источника дохода, который издавна принадлежал клиру Успенского собора и был ликвидирован в предшествующее царствование. Данное положение проходит через несколько статей формуляра грамоты и составляет ее основное содержание. Однако в конце документа помещена еще одна статья, почти не связанная с предыдущим текстом: «А велел есми давати по князе Андрее из Боголюбова монастыря протопопу Мартыну з братиею по два рубли денег, хлеба ржи и овса по двенадети четъ». Суть статьи сводится к тому, что оплачивать поминание Андрея Боголюбского должен Боголюбский монастырь. Данное положение не согласуется с предшествующим текстом документа. Отметим и еще одну особенность этого фрагмента: при упоминании имени протопопа в тексте грамоты везде следует: «<...>или по нем иный протопоп<...> будет<...>», и только в последней статье это уточнение отсутствует. Приведенная фраза имеет вполне конкретное юридическое наполнение, и пропуск ее едва ли можно объяснить случайной ошибкой.

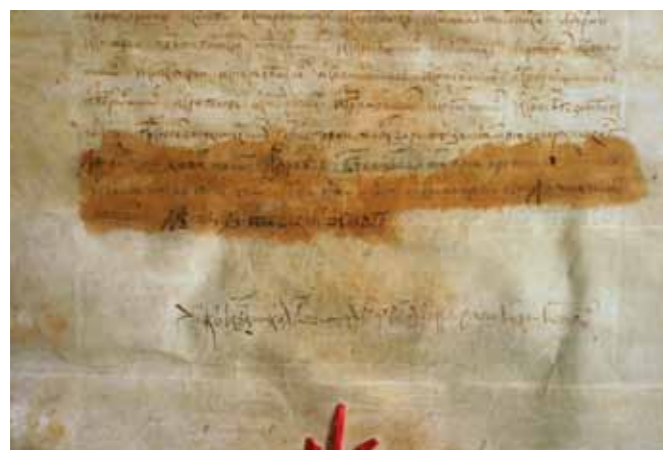
© А.В. Сиренов

Теперь обратимся к самому оригиналу. При последнем описании грамоты Г.П. Енин отметил, что текст на обороте – титул царя и подпись дьяка – замазан маслянистым веществом⁹. Прибавим, что подобные пятна покрывают на обороте запись: «Приказ боярина и дворецкого Данила Романовича», а на лицевой стороне – последнюю, заключительную часть грамоты, содержащую текст о поминании Андрея Боголюбского и выходные данные документа. По всей видимости, перед нами следы использования тонина, при помощи которого в XIX в. пытались сделать слабочитаемые записи более различимыми. Интересно другое: под текстом на лицевой стороне грамоты видны следы уничтоженного текста. В частности, на месте слова «Андрее» можно рассмотреть едва читаемые остатки какой-то буквы¹⁰. Очевидно, существующий текст был написан поверх уничтоженного чернилами другого оттенка.

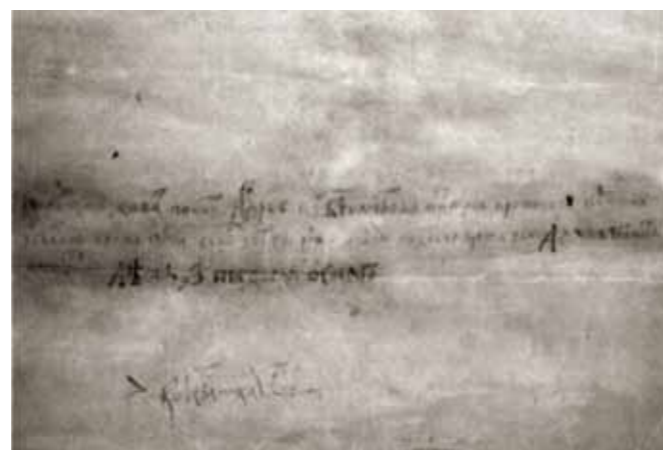
Можно было бы предположить, что перед нами факт исправления текста грамоты самим писцом, который пытался устранить допущенную при составлении документа ошибку. Однако в этом случае и вторичная запись должна быть выполнена авторским почерком. Заметим, что почерк интересующего нас фрагмента грамоты действительно очень похож на основной почерк грамоты. Единственное отличие, которое бросается в глаза при беглом осмотре, – это меньшая выработанность почерка вторичной записи. Иными словами, почерк записи не такой ровный, как авторский. При более внимательном изучении оказалось, что при близости почти всех буквенных начертаний, в некоторых случаях употреблены начертания, отсутствующие в почерке основного текста грамоты. Из этого можно сделать вывод, что вторичная запись выполнена неавторским почерком. Неровность почерка, явное сходство в начертании большинства букв, а также тот факт, что ряд начертаний оригинален, позволяя предположить, что перед нами позднейшая переделка первоначального текста грамоты. Особенно наглядно поздний характер рассматриваемой записи демонстрирует фотография документа в инфракрасном излучении (*илл.2*). Основной текст грамоты оказался пронизываемым для инфракрасных лучей, и на снимке он не виден. Заключительная же статья, напротив, выглядит так же, как и на снимке в видимой области спектра. Это неопровержимо свидетельствует о том, что заключительная статья написана чернилами иного состава, чем основной текст грамоты.

Итак, грамота Ивана Грозного Владимирскому Успенскому собору в какой-то момент своего существования была подвергнута переделке¹¹. Каким-то образом, возможно, путем вытравливания чернил химическим способом, был уничтожен текст окончания грамоты – последние две с половиной строки. На место уничтоженного был вписан новый текст, причем его исполнитель старался подражать основному почерку грамоты. Он вписал статью о плате за поминание Андрея Боголюбского.

По стилю и терминологии этот текст намеренно приближен к авторскому. Наряду с деньгами плата должна осуществляться и хлебом – рожью и овсом. Это, несомненно, заимствование из того места в тексте грамоты, где шла речь о хлебной руге – «ржи и овса». Само наи-

Илл. 1. Жалованная грамота Ивана Грозного Владимирскому Успенскому собору 1550 г.

Илл. 2. Жалованная грамота Ивана Грозного Владимирскому Успенскому собору 1550 г. Съемка в инфракрасной области спектра

менованние клира – «протопоп Мартын з братиею» – также заимствовано из авторского текста грамоты, однако в этом заимствовании допущена ошибка. Опущена значимая фраза «или по нем иный протопоп у Пречистые будет», которой неизменно завершалось наименование клира в авторском тексте.

После статьи о поминании Андрея Боголюбского в грамоту были вписаны ее выходные данные: «А дана грамота на Москве лета 7000 пядесят осмаго». По-видимому, эта обязательная для акта концовка присутствовала в тексте грамоты изначально, но затем была вытравлена и вписана снова, завершив собой текст документа.

Как видим, единственной причиной всех этих сложных операций явилась необходимость сделать приписку о поминании Андрея Боголюбского, которое должен оплачивать Боголюбский монастырь.

Боголюбский монастырь, находящийся в 10 км от Владимира, расположен в постройках бывшей резиденции Андрея Боголюбского¹², где 29 июня 1174 г. князь был убит своими приближенными в результате дворцового заговора. Похоронили Андрея Боголюбского в построенном им Успенском соборе г. Владимира¹³. 15 октября 1702 г. мощи князя открыли, перенесли из алтаря в Знаменский придел собора, после чего было установлено местное церковное почитание Андрея Боголюбского 5 июля¹⁴.

Представляется наиболее вероятным, что подделка грамоты относится к XVIII в. и связана с церковным почитанием святого. Каковы могли быть мотивы фальсификации? Возможно, грамота была призвана свидетельствовать о первенствующей роли Успенского собора в почитании Андрея Боголюбского. В службе Андрею Боголюбскому, составленной в XVIII в., упоминаются два храма, находящиеся под покровительством святого. На первом месте там стоит Рождественская церковь Боголюбского монастыря, а на втором — Успенский собор¹⁵. Возможно, имело место своеобразное соперничество этих обителей за право считать Андрея Боголюбского «своим» святым. В подобном споре эффективным аргументом могла стать пергаменная грамота, выданная Иваном Грозным.

¹ Цыпкин Д.О. Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898–1963 гг. (концепции, учреждения, ученые): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 29.

² См.: Краткий отчет рукописного отдела за 1914–1938 гг. со вступительным историческим очерком / под. ред. Т.К. Ухмыловой и В.Г. Геймана. Л., 1940. С. 134.

³ См.: Барсуков Н. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб, 1878. С. 258.

⁴ Современный шифр: РНБ. Ф. 532 (Основное собрание актов и грамот). Оп. 1. Ед. хр. 134.

⁵ Андреев А.И. Краткая опись грамот, хранящихся в рукописном отделе Российской Публичной библиотеки. Вып. 1 // Летопись занятий Археологической комиссии. Пг, 1923. Т. 33. С. 18; Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археологический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 132; Каталог древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Выпуск I и II. 1269–1612 гг. 2-е изд., испр. и доп. СПб, 1992. С. 61; Антонов А.В. Вотчинные архивы владимирских монастырей и соборов XIV – начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. № 246.

⁶ См. о нем: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 327.

⁷ Каталог древнерусских грамот... С. 61.
⁸ О структуре условного формуляра см., например: Каштанов С.М. Русская дипломатика: Уч. пособие. М., 1988. С. 170–171 и др.

⁹ Каталог древнерусских грамот... С. 61.
¹⁰ За это наблюдение благодарю Д.О. Цыпкина.

¹¹ Вероятно, здесь мы встречаемся с так называемой «подпиской», т.е. уголовным преступлением, упоминание о котором впервые встречается в Судебнике 1550 г.: за «подписку» там полагается смертная казнь. См.: Судебник XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 159; Семенченко Г.В. Митрополичья кафедра в борьбе за землю: об одной подделке 1460–1480-х гг. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 166.

¹² О Боголюбском монастыре см.: Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб, 1890. Ч. 1. № 47.

¹³ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 1. Стб. 367–370.
¹⁴ См.: Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви / ОИДР; 2-е изд., испр. и доп. М., 1903. С. 134.

¹⁵ Служба святому благоверному великому князю Андрею Боголюбскому, владимирскому чудотворцу. М.: Синод. тип., 1914. Л. 4–4 об.

М.В. Торопова

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ РЕКВИЗИТОВ ДОКУМЕНТОВ

Эксперты, занимающиеся технико-криминалистическим исследованием документов, уделяют большое внимание совершенствованию имеющихся и разработке новых методов решения различных криминалистических задач. Это связано с тем, что по мере развития науки и техники, изменяются как сами объекты исследования, так и технические возможности их исследования.

Задача установления относительной давности, т.е. последовательности выполнения реквизитов документов, относится к числу наиболее актуальных, часто ставящихся перед экспертами. Решение этой задачи позволяет устанавливать, какая из записей выполнялась первой, в случае внесения изменений в содержание документа путем дописки или нанесения одних штрихов поверх других, а также выявлять факты монтажа – изготовления документов путем использования отдельных реквизитов или фрагментов, не принадлежащих этим документам. Определение последовательности выполнения штрихов обводки по отношению к штрихам подписи в документе позволяет отличить предварительную техническую подготовку от ее имитации.

Еще Е.Ф. Буринский, основоположник экспертизы документов в России, указывал на важность задачи определения времени написания документа, отмечая случаи, когда «подпись была поставлена на незаполненной текстом бумаге, предназначавшейся для написания какого-нибудь незначительного прошения, заявления и т.п., но вместо того, получивший такой чистый лист с подписью вписал текст обязательства, без ведома и согласия учинившего подпись»¹. При этом особое внимание Е.Ф. Буринский обращал на умение эксперта установить не только признаки фальсификации документа, но и правильно оценить эти признаки, чтобы не принять за фальсификацию имитацию подделки.

Задача установления последовательности выполнения реквизитов в документах является сложной, так как возможности ее решения зависят от свойств штрихов этих реквизитов (цвета, морфологии, способности поглощать или отражать световое излучение, люминесценции, растворимости, компонентного состава). В зависимости от свойств изучаемых реквизитов, в каждом конкретном исследовании применяются различные методы. Кроме того, с учетом изменений, происходящих на рынке средств письма, а также рецептур материалов письма, необходимо постоянно совершенствовать имеющиеся и создавать новые методы решения этой задачи.

В 1960-е и 70-е гг. основной вклад в разработку и совершенствование методов установления последовательности выполнения реквизитов в документах внесли Л.Н. Викторова, Я.А. Терский, Г.В. Балашова, Т.И. Сафроненко, М.З. Гатов и другие эксперты, создавшие ряд частных методик определения последовательности выполнения пересекающихся штрихов различных реквизитов. В частности, ими были разработаны методики установления последовательности выполнения: 1) штрихов графитных карандашей, пересекающихся со штрихами чернил или копировальной бумаги; 2) штрихов текстов, выполненных на пишущих машинах, пересекаю-

© М.В. Торопова

щихся с рукописными штрихами чернил, паст для шариковых ручек, штемпельных красок в оттисках печатей; 3) пересекающихся чернильных штрихов и др.²

В 1980–90-е гг. экспертами В.И. Фурлетовым, В.Б. Даниловичем и А.А. Онищенко была предпринята попытка системного подхода к решению указанной задачи. Для исследования пересекающихся реквизитов, выполненными различными средствами письма ими было предложено использовать адсорбционно-люминесцентный метод, основанный на изучении под микроскопом при увеличении до 50х люминесценции оттисков участков пересечения, полученных путем влажного копирования на адсорбенте (мембранных фильтрах Millipor (США)) специально подобранными растворителями (или системами растворителей)³.

В качестве источника для возбуждения люминесценции использовался луч лазера. В Российском федеральном центре судебной экспертизы при Минюсте России (далее – РФЦСЭ) для этих целей применяли ионный аргоновый лазер (ILA-120-1) мощностью излучения до 700 мВт, излучающий когерентный сине-зеленый свет с длиной волны 488 нм⁴.

Предложенная авторами методика, однако, не получила широкого распространения в экспертной практике ни в России, ни за рубежом, в первую очередь из-за сложности ее практической реализации. При проведении каждого исследования требовалось экспериментальным путем подбирать условия копирования – систему растворителей и время контакта. Для этого необходимо было провести моделирование на бумаге того же вида, что и бумага исследуемого документа, аналогичными материалами выполнить экспериментальные участки пересечения в разной последовательности и отработать на них условия копирования. Для проведения такого исследования требовалось наличие у эксперта достаточно сложного оборудования и обширной натурной коллекции различных материалов письма. Кроме того, само исследование было длительным и трудоемким, а результативность его (процент данных в категорической форме выводов) невысока. Очевидно, что для небольших экспертных лабораторий, занимающихся так называемыми «рутинными исследованиями» в больших объемах, такая методика не подходила.

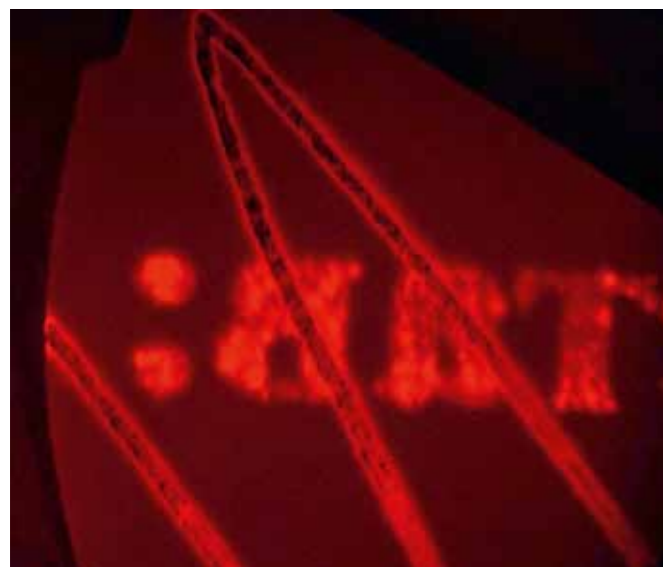
Более того, как показала практика, при использовании адсорбционно-люминесцентного метода немалое значение имеет еще и так называемый субъективный фактор, поскольку от того, насколько методически грамотно эксперт выполнит копирование участка пересечения, зависит картина люминесценции, наблюдаемая на оттиске.

Для минимизации возможности экспертных ошибок при проведении исследования по установлению последовательности выполнения пересекающихся штрихов требовалось, насколько возможно, стандартизировать и упростить процесс его проведения. Однако эта задача решена не была.

В 2000-е гг. на рынке появился новый источник освещения – мощные светодиоды (до 3 Вт), излучающие свет различных длин волн и близкие по характеристикам

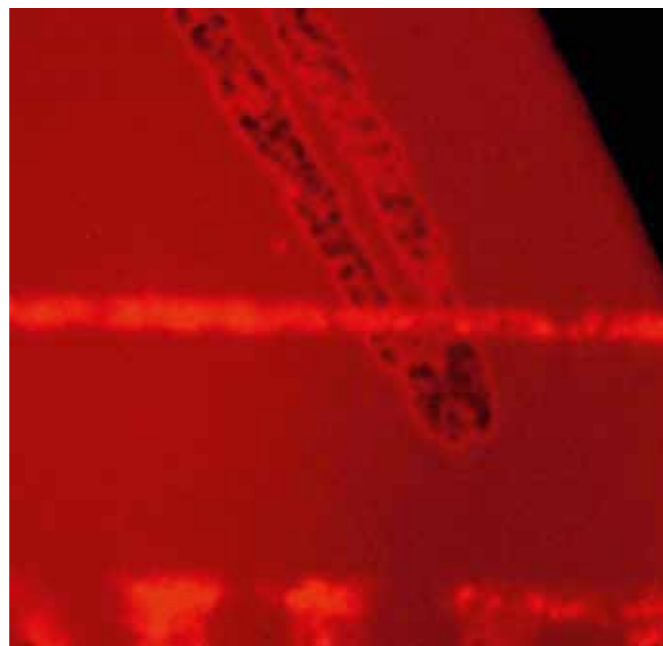
Илл. 1. Устройство для освещения документов. В центре корпуса выполнено конусообразное отверстие для наблюдения люминесценции, на которое устанавливается заградительный светофильтр. На блоке питания (слева) предусмотрена возможность попарного переключения светодиодов, излучающих свет длиной волны 470 нм, 520 нм и 585 нм, а также регулировки интенсивности светового излучения

Илл. 2. Скопированный на мембранный фильтр «Миллипор» участок пересечения штриха, отпечатанного на цветном МФУ Canon MP550, и штриха пасты. Штрих пасты выполнен сверху

к когерентным источникам света. Характеристики излучения таких светодиодов позволяют получать интенсивное равномерное облучение поверхности исследуемого объекта. Кроме того, размеры светодиодов достаточно малы.

В 2008 г. экспертами Лаборатории судебно-технической экспертизы документов (ЛСТЭД) РФЦСЭ было разработано новое устройство для освещения, в котором в качестве источника света используются шесть светодиодов мощностью 3 Вт (типа HPL), излучением 80 люменов и углом расхождения 20°, которые размещены в малогабаритном металлическом корпусе и направлены в одну точку в центре основания корпуса⁵. При их

Илл. 3. Скопированный на мембранный фильтр «Миллипор» участок пересечения штриха, отпечатанного на цветном принтере HP Photosmart 7660, и штриха пасты. Штрих печатного текста выполнен сверху

расположении на расстоянии ~ 25 мм от поверхности объекта исследования диаметр светового пятна составляет ~ 10 мм. Отраженный от поверхности документа свет проходит через светофильтр, установленный в верхней части корпуса устройства, который отсекает возбуждающий люминесценцию свет. В устройстве установлены три пары светодиодов, излучающих свет с длиной волны 470 нм (сине-зеленый), 520 нм (зеленый), 585 нм (оранжевый), предусмотрена возможность их попарного переключения и регулировка интенсивности излучения света (илл. 1). Освещенность исследуемого участка при использовании разработанного устройства сопоставима с освещенностью, создаваемой лазером. Так, при использовании устройства с 6-ю зелеными светодиодами H77GG1Co максимальная мощность излучения света составляет ~800 мВт, что превышает мощность излучения полупроводниковых лазеров типа LCM-T-111 и LCS-DTL-318 (до 200 мВт).

Малые габариты устройства позволяют размещать его на предметном столе и изучать картину люминесценции через окуляр микроскопа при увеличении до 20 крат. Для регистрации картины люминесценции необходима цифровая фотокамера чувствительная в ИК-области, которая позволяет снимать через окуляр или специальный фотовыход микроскопа (например, Leica DFC-420 или другие).

Устройство можно также использовать в качестве внешнего осветителя в видеоспектральном компараторе (в частности, в РФЦСЭ применяется VSC-2000H/R фирмы Foster&Frimman Ltd.). При этом удается получать излучение в более узком диапазоне длин волн по сравнению с фильтрованным светом видеоспектрального компаратора, а картину люминесценции удобно наблюдать на экране монитора видеоспектрального компаратора и регистрировать.

В РФЦСЭ в 2008–2009 гг. проводилась работа по модернизации адсорбционно-люминесцентного метода для определения последовательности выполнения пересекающихся реквизитов с использованием нового устройства для освещения.

Основным направлением работы был поиск возможностей универсализации методики проведения экспертных исследований адсорбционно-люминесцентным методом. С этой целью исследовались участки взаимного пересечения рукописных штрихов паст для шариковых ручек друг с другом и со штрихами гелевых чернил.

Другим, не менее важным направлением работы, являлось изучение возможности применения адсорбционно-люминесцентного метода для установления последовательности выполнения рукописных штрихов паст для шариковых ручек или гелевых чернил синего, фиолетового цветов и штрихов текстов, отпечатанных на цветных струйных печатающих устройствах (смесью чернил желтого, малинового, голубого, черного цветов), которые ранее этим методом не исследовались⁶.

Для выполнения экспериментальных пересечений были взяты:

- гелевые ручки с чернилами синего цвета фирм-производителей Erich Krause (Германия), Crown (Корея), Mitsubishi (Япония), Zebra (Япония), Pentel (Япония), Stabilo (Германия), ОНТО (Япония), Morris (Корея), BIC Crystal Gel (США), Mon Ami (Корея), Unix (Корея); штрихи выполнялись водорастворимыми, спирторастворимыми и практически нерастворимыми в воде и этиловом спирте чернилами;

- пасты для шариковых ручек синего, фиолетового цветов фирм-производителей Mitsubishi (Япония), Reynolds (Франция), Paper Mate (Япония), Pilot (Япония), HI-TEXT (Корея), ERGA (Германия), ОНТО (Япония);

- цветной струйный принтер Hewlett Packard (HP) Photosmart 7660 и многофункциональное устройство струйного типа Canon MP550.

Было выполнено 68 экспериментальных пересечений рукописных штрихов и штрихов струйного печатающего устройства. Для каждой пары материалов письма пересечения выполнялись в 2-х обратных последовательностях. Также было выполнено большое количество экспериментальных пересечений рукописных штрихов друг с другом.

В результате проведенных экспериментальных исследований были определены следующие необходимые условия, соблюдение которых дает хорошие результаты при использовании адсорбционно-люминесцентного метода для установления последовательности выполнения реквизитов в документе:

- 1) оба скопированных штриха пересекающихся реквизитов должны люминесцировать в определенной зоне спектра;

- 2) интенсивность люминесценции скопированных штрихов в выбранной зоне спектра должна быть сопоставима (недопустимо, чтобы один из штрихов имел очень яркую, а другой едва заметную люминесценцию);

- 3) время контакта при копировании должно быть минимальным (не более 2 сек, чтобы не произошло взаимное проникновение штрихов друг в друга при действии растворителями);

- 4) растворитель (система растворителей) подбирается таким образом, чтобы копируемые штрихи в выбранной системе не расплывались при переносе адсорбента и имели четкие границы.

В качестве растворителя использовали 96%-ный этиловый спирт или систему «этиловый спирт – вода» (4:1, 3:2, 1:1, 2:3, 1:4). Такой выбор был сделан для того, чтобы избежать трудоемкого процесса подбора системы растворителей, изложенного в работе В.И. Фурлетова и О.Г. Носова⁷.

Проведенные экспериментальные исследования показали, что адсорбционно-люминесцентный метод

в модификации с новым устройством можно с успехом использовать для решения экспертной задачи по установлению последовательности выполнения различных реквизитов при соблюдении вышеперечисленных условий.

Чернила, используемые для цветной струйной печати, хорошо копируются на водно-спиртовые смеси и имеют достаточно высокий выход люминесценции⁸. Задача установления последовательности выполнения печатных текстов на струйных принтерах и рукописных записей пастами для шариковых ручек или гелевыми чернилами на участках пересечения адсорбционно-люминесцентным методом была решена экспертом правильно во всех случаях, когда рукописный штрих при копировании обладал люминесцентными свойствами (см. илл. 2, 3).

Результаты проведенной работы показали, что предложенное осветительное устройство при установлении последовательности выполнения реквизитов в документах может быть равноценной заменой лазеру. Устройство является компактным (не требует специально выделенного помещения или пространства) и недорого, что делает его доступным для любой, даже небольшой экспертной лаборатории. Его можно использовать с любым стереомикроскопом, оборудованным цифровой фотокамерой для регистрации.

Кроме того, автору статьи удалось упростить методику проведения экспертных исследований адсорбционно-люминесцентным методом, что позволяет отказаться при проведении большинства исследований от предлагаемой ранее трудоемкой и длительной процедуры отработки условий копирования.

¹ Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. СПб, 1903.

² Исследование пересекающихся штрихов: Материалы научно-практической семинара / под ред. А.А. Гусева, ВНИИСЭ. М. 1971.

³ См.: Судебно-техническая экспертиза документов. Особенная часть. Вып. 3. Гл. 3. Установление относительной давности выполнения записей / РФЦСЭ. М., 1993; Данилович В.Б., Онищенко А.А. Исследование пересекающихся штрихов. Ч.1. Общая схема, методы и частные методики исследования / РФЦСЭ. М., 2003.

⁴ Фурлетов В.И., Носов О.Г. Лазерная техника и оптико-электронные приборы при оперативном исследовании объектов СТЭД // Актуальные вопросы судебно-технической экспертизы документов: Сб. научных трудов ВНИИСЭ. М., 1985.

⁵ На устройство получен патент на полезную модель № 77442 «Устройство для освещения документов» (авторы: О.Ю. Миловидова, Г.Н. Сабаев, М.В. Торопова).

⁶ Возможности определения последовательности выполнения текстов, выполненных способом струйной печати чернилами черного цвета, и рукописных записей (подписей), сделанных пастами для шариковых ручек или гелевыми чернилами, рассмотрены ранее в работе: Торопова М.В. Новый подход к решению задачи по установлению последовательности выполнения реквизитов в документах // Теория и практика судебной экспертизы. Вып. 3. М., 2008.

⁷ Фурлетов В.И., Носов О.Г. Лазерная техника и оптико-электронные приборы при оперативном исследовании объектов СТЭД // Актуальные вопросы судебно-технической экспертизы документов: Сб. научных трудов ВНИИСЭ. М., 1985.

⁸ Люминесцентные свойства штрихов текстов изучали путем копирования на мембранные фильтры, смоченные в этиловом спирте. Для этой цели копировали штрихи, отпечатанные на цветных струйных принтерах фирм HP, Epson, Canon и имеющиеся в коллекции ЛСТЭД.

МОЛЕКУЛЯРНАЯ СПЕКТРОСКОПИЯ КАК ОСНОВА ЭКСПЕРТНОЙ СИСТЕМЫ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ БУМАГИ

Среди многообразных форм культурного и интеллектуального наследия человечества, особое место занимают исторические документы, имеющие бумажную основу.

Бумага представляет собой сложный по составу и структуре композиционный материал. Это обуславливает специфику решения широкого круга задач, стоящих перед исследователями при изучении объектов, имеющих бумажную основу: идентификация бумаги, анализ и оценка ее состава и структуры, выбор оптимальных условий хранения и наиболее мягких режимов при выполнении реставрационных работ.

Учет этой специфики находит свое отражение в развитии различных физико-химических методов исследования этих материалов. Одним из таких методов является метод инфракрасной Фурье-спектроскопии, который широко используется для оценки химического состава и структуры объектов различного происхождения и назначения.

Основой для широкого распространения инфракрасной спектроскопии как физического метода исследования явился факт избирательного ИК-поглощения химическими группами. ИК-спектры связаны с фундаментальными колебаниями молекул, составляющих вещество. Спектры ИК-поглощения в области ниже 1500 см^{-1} весьма чувствительны к структурным различиям в молекулах сходного химического строения, поэтому спектры в данном диапазоне иногда сравнивают с «отпечатками пальцев» молекул. Современные ИК-Фурье спектрометры позволяют записывать спектры с высоким разрешением и отношением сигнал-шум 1000/1 за несколько минут. Колебательные спектры могут записываться в виде пропускания, когда электромагнитное излучение проходит через образец и часть электромагнитных волн с определенными частотами, соответствующими частотам фундаментальных колебаний вещества, поглощается образцом (рис. 1(1)). Для такого анализа необходимо незначительное количество материала, поэтому образцы делают в виде таблеток, путем прямого прессования волокон или мелко измельченных опилок весом 2-4 мг. Существует возможность получать спектр поглощения материала без предварительной подготовки образца, измеряя спектры диффузного отражения света. При таком способе происходит отражение света от поверхности бумаги под разными углами (рис. 1(2)). Спектры диффузного отражения в большей степени содержат информацию о поверхности образца по сравнению со спектрами пропускания. Таким образом, эти два метода дополняют друг друга.

Применительно к исследованию исторических объектов этот метод имеет несомненное преимущество, благодаря прямому и неразрушающему характеру измерения, возможности проведения количественного анализа основных компонентов бумаги без их выделения – определения содержания в образце целлюлозы, лигнина, гемицеллюлоз, функциональных групп, адсорбированной и связанной воды, различных добавок. Кроме данных о количестве каждого компонента, спектр каждого вещества содержит информацию о структуре компонента, что позволяет оценивать структуру целлюлозы, лигнина и всех остальных компонентов.

В настоящей работе представлены примеры использования инфракрасной Фурье-спектроскопии поглощения

и диффузного отражения в средней инфракрасной области для исследования различных типов бумаг.

Оценка надмолекулярной структуры целлюлозы

Как известно, многие практически важные свойства бумаги определяются структурой целлюлозных волокон. В лаборатории на основе анализа ИК-спектров целлюлозных волокон различного происхождения были выделены характеристические полосы, по которым оценивались параметры надмолекулярной структуры целлюлозы.

Для природных волокон, которые не подвергались специальным обработкам, надмолекулярная структура описывается тремя параметрами: долей упорядоченных и неупорядоченных областей, образованных макромолекулами природной конформации *ЦП* и долей полностью аморфной целлюлозы, образованной более дефектными макромолекулами поверхностных областей кристаллитов².

В таблице 1 приведены рассчитанные из ИК-спектров поглощения структурные параметры целлюлоз различного происхождения – параметры *ЦПуп* и *ЦПнеуп*, описывающие относительное содержание упорядоченных и неупорядоченных областей природной целлюлозы, и параметр *ЦПнеуп*, оценивающий относительное содержание поверхностно расположенных неупорядоченных областей целлюлозных макромолекул, конформация которых отличается от конформации макромолекул природной целлюлозы.

Из таблицы 1 можно видеть пределы изменения значений структурных параметров в волокнах разного происхождения. Так, например, содержание упорядоченных областей (параметр *ЦПуп*) в образцах может составлять 10-85%. Для хлопковых волокон относительное содержание упорядоченных областей природной целлюлозы лежит в пределах 55-70%, в древесных целлюлозах упорядоченных областей не больше 35%. Содержание аморфных областей целлюлозы (параметр *ЦПнеуп*) в волокнах, выделенных из древесины, высоко и составляет более 45%. Таким образом, данные таблицы показывают, что структурные параметры целлюлозы зависят от происхождения целлюлозного волокна и от способа обработки волокон, поэтому значения этих параметров могут быть использованы для определения типа целлюлозного волокна и способа его обработки.

Описание структурных изменений.

Корреляции со свойствами

Исследования показали, что параметры надмолекулярной структуры целлюлозы позволяют на количественном уровне описывать структурные изменения целлюлозных образцов при различных химических и физических воздействиях: делигнификации, отбелке, старении, размоле, гидролизе, воздействии плазмы, взрывном автогидролизе и при других процессах.

Проведенная совместно с сотрудниками Государственного Эрмитажа работа по исследованию структурных изменений в образцах бумаги, подвергнутых отбелке и ускоренному старению³, показала, что эти процессы снижают степень упорядоченности природной целлюлозы и увеличивают долю аморфных областей.

В таблице 2 даны показатели свойств хроматографической бумаги, не подвергавшейся и подвергавшейся отбелке и ускоренному старению. Структурные параметры целлюлозы показали количественно, что в результате

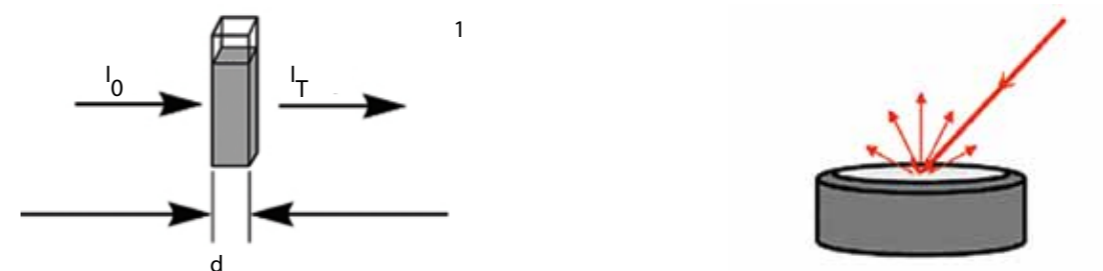

Рис. 1. Инфракрасные спектры пропускания (1) и диффузного отражения (2)

Структурные параметры различных целлюлозных образцов

Образец	Целлюлоза $ЦП_{уп}$ %	Целлюлоза $ЦП_{неуп}$ %	Целлюлоза $ЦП_{неуп}$ %
Микрокристаллическая целлюлоза (фирма Whatman)	82	10	8
Хлопковая целлюлоза	66	17	17
Льняная целлюлоза	52	8	40
Сульфатная целлюлоза	34	22	44
Сульфитная целлюлоза	27	23	50
Порошковая целлюлоза (фирмы Sigma)	22	26	52

Таблица 1

Показатели свойств хроматографической бумаги, не подвергавшейся и подвергавшейся отбелке и ускоренному старению

Показатель свойства	Вид обработки и ускоренного старения								
	Без отбелки			Хлорамин Б			Перекись водорода		
	*н/с	102°C	УФЛ	*н/с	102°C	УФЛ	*н/с	102°C	УФЛ
		12 суток	100 часов		12 суток	100 часов		12 суток	100 часов
Белизна, %	79.7	78.1	77.1	78.7	77.1	78.5	78.4	75.2	76.8
Целлюлоза $ЦП_{уп}$ %	65.6	62.5	62.2	63.7	61.5	60.4	62.8	63.5	60.6
Целлюлоза $ЦП_{неуп}$ %	12.9	14.9	12.4	16.1	15.0	14.9	14.5	14.2	13.3
Целлюлоза $ЦП_{неуп}$ %	21.5	25.4	22.6	20.2	23.5	24.7	22.7	23.2	25.2

Таблица 2

*н/с – без ускоренного старения

обоих способов отбелки деструкция волокон не сопровождается разрушением водородных связей, однако процессы ускоренного теплового и светового старения вызвали частичный модификационный переход областей природной целлюлозы в неупорядоченные области *ЦПнеуп* как

у отбеленных, так и у неотбеленных образцов. Сравнение параметров модели надмолекулярной структуры с традиционными характеристиками, оцениваемыми при отбеливании бумаги, показало, что параметр «доля упорядоченности целлюлозы» исследованных образцов кор-

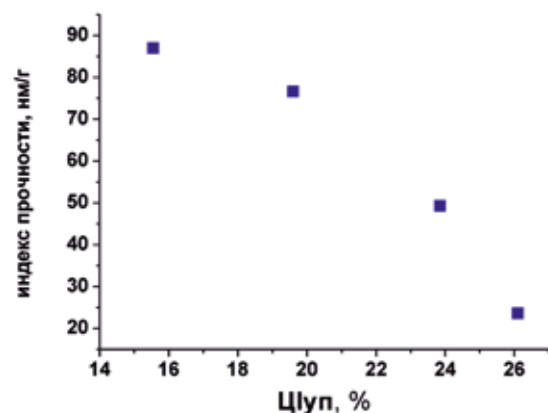

Рис. 2. Влияние изменения доли упорядоченной природной целлюлозы на значения параметра «индекс прочности»

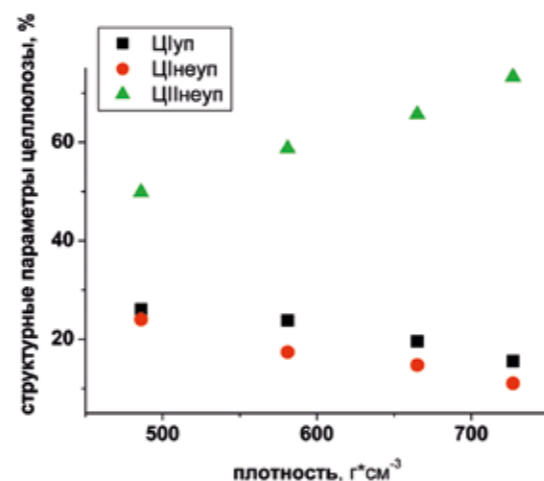

Рис. 3. Изменение плотности целлюлозы при изменении структурных параметров во время процесса размола

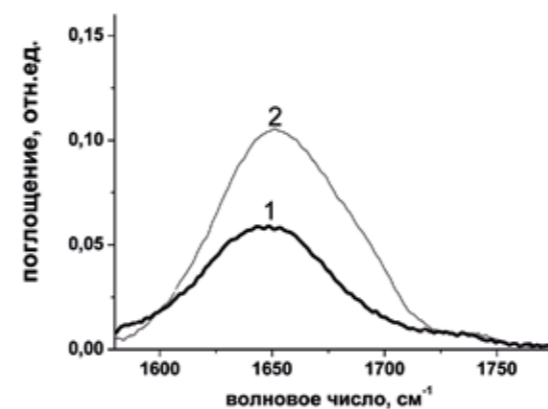

Рис. 6. ИК-спектры поглощения в диапазоне 1580-1800 см⁻¹ исходного образца хлопковой бумаги (кривая 1) и после искусственного светового старения (кривая 2)

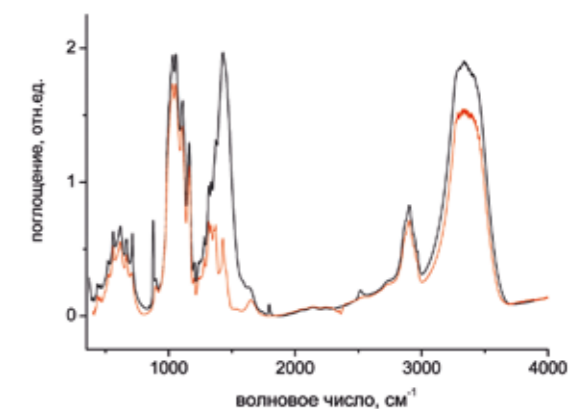

Рис. 7. ИК-спектры бумаги из 100% белых хлопковых волокон без мела (красная кривая) и с содержанием мела 40% (черная кривая)

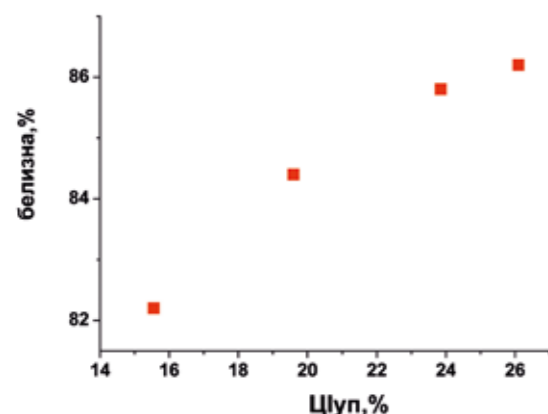

Рис. 4. Уменьшение белизны и доли упорядоченной природной целлюлозы при увеличении времени размола

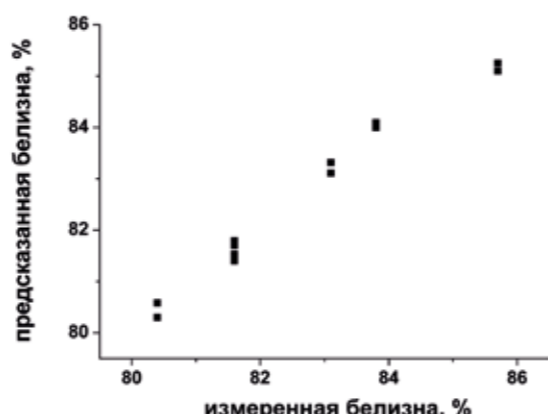

Рис. 5. Корреляция между рассчитанными по ИК-спектрам поглощения и экспериментальными значениями белизны бумаги для необработанной и обработанной хлопковой бумаги

релирует с данными по средней степени полимеризации. Анализ характеристик исследованных образцов позволил выявить существование линейных зависимостей между параметрами «белизна бумаги», «сопротивление излому» и структурными параметрами – Цлуп и Цлнеуп.

Более выраженные изменения структуры целлюлозы наблюдались при механическом воздействии на волокна. Для примера рассмотрим процесс размола белой сульфатной хвойной целлюлозы. С помощью ИК-спектроскопии было выявлено, что существенные структурные изменения происходят при механическом размоле волокон. ИК-спектры показали, что помимо аморфизации структуры, происходит направленное изменение конформации целлюлозных цепей. Увеличение времени механического воздействия приводит к увеличению деструкции целлюлозы, что проявляется в уменьшении содержания природной целлюлозы ЦИ и увеличении содержания аморфных областей целлюлозы. На рисунке 2 представлено изменение параметра индекс прочности при размоле волокон при изменении доли упорядоченной целлюлозы. При увеличении времени размола наблюдается направленное уменьшение доли упорядоченной природной целлюлозы, что приводит к увеличению индекса прочности и положительно сказывается на бумагообразующих свойствах. Рисунок 3 иллю-

стрирует изменение плотности целлюлозы с изменением параметров надмолекулярной структуры целлюлозы при изменении времени размола.

На рисунке 4 можно видеть симбатное поведение значения белизны и степени упорядоченности целлюлозы. То есть при размоле за счет уменьшения размеров кристаллитов и образования функциональных групп идет падение показателя белизны на 4%.

Были обнаружены хорошие корреляции структурных параметров целлюлозы с основными свойствами бумаги (например, плотность или пухлость, разрушающее усилие, прочность при растяжении, индекс прочности, относительное удлинение, энергия разрыва, индекс энергии, сопротивление раздиранью, жесткость, белизна, прочность на разрыв, водоудержание, число двойных перегибов и другие), что позволяет предсказывать эти свойства, используя найденные калибровочные зависимости.

Функциональные группы

Наряду со структурными параметрами целлюлозы, важной характеристикой является также содержание различных функциональных групп, которые включают несопряженные и сопряженные C=O и C=C связи. Известно, что сопряженные структуры поглощают видимый свет и, следовательно, отрицательно влияют на белизну бумаги. Содержание функцио-

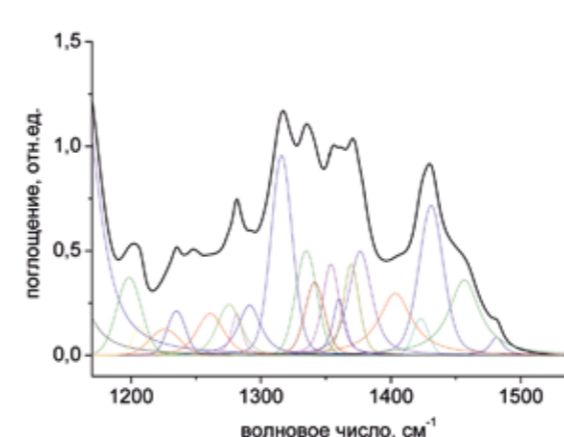

Рис. 8. ИК-спектр микрокристаллической целлюлозы (верхняя огибающая кривая) и набор полос спектральной модели микрокристаллической целлюлозы в спектральном диапазоне 1150-1550 см⁻¹

нальных групп для бумаги из белой целлюлозы зависит от происхождения волокон и степени деструкции целлюлозы. Поэтому данные по полосам поглощения этих групп являются важными характеристиками при определении происхождения и деструкции или возраста бумаги.

Рисунок 5 показывает ИК-спектры поглощения исходного образца хлопковой бумаги (кривая 1) и состаренного светом (кривая 2) в диапазоне характеристичного поглощения функциональных групп 1580-1800 см⁻¹. Можно видеть заметное изменение интенсивности сложной полосы поглощения, связанное с увеличением содержания различных функциональных групп⁵ в процессе старения.

Анализ спектральных данных показал, что белизна бумаги зависит от интенсивностей полос поглощения в диапазоне частот 1580-1800 см⁻¹. При исследовании ИК-спектров бумаги из хлопковой целлюлозы, подвергнутой различным обработкам (промывке, световой отбелке в водной среде, световому старению⁶), был применен один из математических методов анализа – метод регрессии на главные компоненты (РГК) для анализа спектральных кривых и выявления корреляции между полосами поглощения в данном спектральном диапазоне и белизны бумаги. Была построена модель для предсказания белизны бумаги по ее

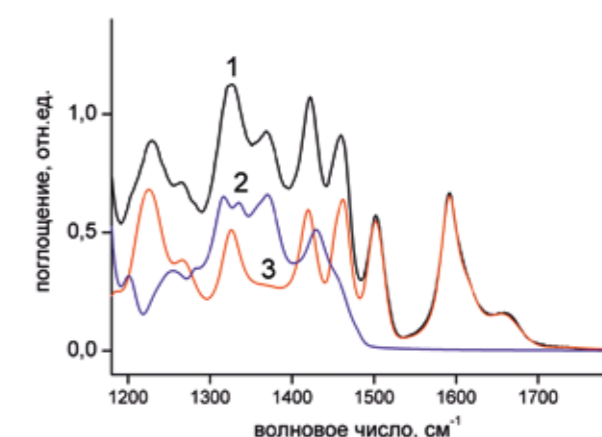

Рис. 9. Экспериментальный спектр (1) небеленого сульфатного образца с содержанием остаточного лигнина 21% и моделированные спектральные кривые углеводного (2) и лигнинного (3) компонентов в диапазоне частот 1200-1800 см⁻¹

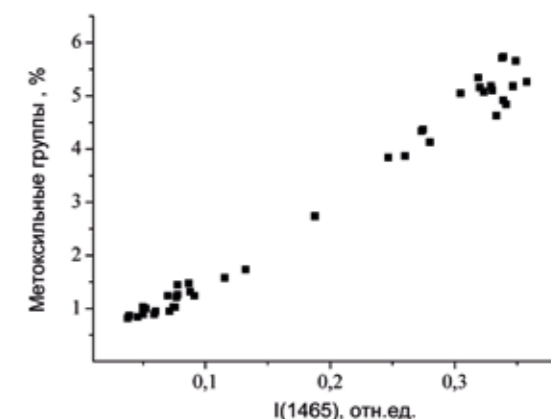

Рис. 10. Корреляционная зависимость между содержанием метоксильных групп и интенсивностью полосы при 1465 см⁻¹ спектральной модели лигнина для образцов древесины березы, прошедших различные стадии сульфатной делигнификации

Рис. 11. Состав системы SpectralView

молекулярным спектрам⁷. Хорошая корреляционная зависимость с коэффициентом корреляции 0.95 между экспериментальными и рассчитанными по спектрам значениями белизны показана на *рисунке 6*.

Исследование многокомпонентного материала

Так как бумага является многокомпонентным материалом, то ее инфракрасный спектр представляет собой сумму спектров отдельных компонентов. При этом важно найти способ корректного выделения спектров индивидуальных компонентов из общего экспериментального спектра.

Так, для примера, на *рисунке 7* представлен инфракрасный спектр образца хлопковой бумаги в среднем ИК-диапазоне, где лежат полосы основных колебаний макромолекулы целлюлозы. На этом же рисунке представлен спектр хлопковой бумаги с наполнителем – мелом. Видно, что мел имеет полосы поглощения, которые сильно перекрываются с полосами поглощения целлюлозы, особенно в области 1200–1500 см⁻¹. Для того, чтобы можно было анализировать структуру целлюлозы в таком образце, в лаборатории было разработано специальное математическое обеспечение для компьютерной обработки спектральных кривых, которое позволяет корректно выделять полосы основных составляющих образца. В данном случае необходимо было разделить спектры целлюлозы и мела. Для решения задачи разделения спектров отдельных компонентов в лаборатории были построены спектральные модели «чистых веществ». В приведенном примере при анализе колебательных спектров бумаги с мелом были использованы спектральные модели целлюлозы и мела.

Спектральная модель представляет собой набор элементарных полос Гауссовой/Лоренцевой формы, при этом каждая полоса характеризуется четырьмя параметрами: положением максимума полосы, полушириной, формой (долей Лоренцева или Гауссова контура) и интенсивностью. Спектральная модель для каждого вещества является уникальной, так как каждое вещество обладает своим уникальным спектром поглощения, характерным только для данного вещества. Компьютерное суммирование полос поглощения спектральной модели дает суммарную спектральную кривую данного вещества, наблюдаемую на опыте. Пример спектральной модели микрокристаллической

целлюлозы ЦП в спектральном диапазоне 1150–1550 см⁻¹ показан на *рисунке 8*.

В ходе специального анализа большого количества спектров «чистых» целлюлозных образцов, мягковыделенных и технических лигнинов, полученных из различных пород древесины, спектров выделенных гемицеллюлоз и различных добавок – наполнителей и проклеивающих – были созданы спектральные модели для каждого компонента⁸.

Такой подход дает возможность получать информацию об основных компонентах бумаги без их выделения и выявлять самые незначительные различия в строении разных типов бумаги, позволяет описывать изменения, происходящие в образце при физических и химических воздействиях.

Применение спектральных моделей

Пример применения спектральных моделей показан на спектре небеленого целлюлозного волокна, полученного с помощью сульфатной варки древесины березы.

На *рисунке 9* приведен экспериментальный спектр данного волокна и его разложение на спектры углеводного и лигнинного компонентов, полученных с использованием их спектральных моделей. Такой подход позволил проанализировать спектры серии образцов, полученных при делигнификации древесины березы в течение различного времени варки, в результате чего мы имели набор волокон с разным содержанием лигнина. Построение спектральных моделей для каждого из 42 исследованных образцов разного уровня делигнификации позволило найти корреляции между рядом параметров, определяемых химическим способом, и параметрами спектральной модели лигнина и углеводов.

Например, была получена корреляция (коэффициент корреляции 0.99) между содержанием метоксильных групп в остаточном лигнине и интенсивностью полосы поглощения деформационных колебаний метоксильных групп в спектральном наборе лигнина около 1465 см⁻¹ (*см. рис. 10*). Найденные корреляции могут использоваться как альтернатива химическим методам исследований образцов для определения в них содержания остаточного лигнина, метоксильных групп, фенольных гидроксильных групп в остаточном лигнине, содержания глюкозы, глюкоуроновых кислот, ксилозы и других веществ непосредственно из спектра образца⁹. Полученные корреляции могут

использоваться для предсказания содержания вышеупомянутых параметров.

Таким образом, построение спектральных моделей отдельных компонентов и применение их при описании спектров многокомпонентных образцов позволяет как получать данные о количестве каждого компонента в образце, так и по параметрам спектральной модели говорить о структуре каждого компонента¹⁰.

Спектральные модели могут быть использованы при исследовании бумаги как во всем среднем ИК-диапазоне от 400 до 4000 см⁻¹, так и в более узкой области спектра.

Содержание и структура компонентов в многокомпонентном образце бумаги определяют физические, химические и механические свойства бумаги. Данные свойства линейно или более сложным образом зависят от содержания и структуры каждого компонента в многокомпонентном образце бумаги. Найденные аналитические зависимости с определенной погрешностью позволяют по спектрам судить о свойствах бумаги и предсказывать эти свойства при различных процессах воздействия на бумагу, например, при старении.

Вышеописанные исследования легли в основу созданной авторами экспертной системы различных типов бумаги.

Программное обеспечение для обработки спектральных данных

Практическое использование разработанной методики анализа молекулярной структуры целлюлозосодержащих образцов реализуется развиваемым в СПбГТУРП в течение ряда лет специальным программным обеспечением – системой SpectralView.

Развиваемая система включает в себя функциональные блоки и компоненты (*см. рис. 11*), автоматизирующие весь цикл исследования образца:

- база данных эталонных спектральных моделей различных типов бумаги
- база данных полученных спектральных моделей исследуемых образцов бумаги
- база данных вычисленных параметров состава, структуры и свойств исследуемых образцов бумаги
- база знаний – набор устойчивых правил и формулировка решений для задач идентификации и оценки текущего состояния бумаги
- функциональный модуль обработки ИК-спектров и построения спектральной модели исследуемого образца
- функциональный модуль определения компонентного состава образца
- функциональный модуль оценки свойств бумаги
- функциональный модуль логической обработки и экспертных заключений

¹ Пейнтер П., Коулмен М., Кениг Дж. Теория колебательной спектроскопии. Приложение к полимерным материалам. М., 1986. С. 15–19.

² Sukhov D.A., Valov P.M., Terentiev O.A., Zhilkin A.N. Cellulose Structure in Relation to Paper Properties // TAPPI Journal. 1991. V.74. № 3. P. 201–204; Sukhov D.A., Derkacheva O.Yu., Privalov V.I. Cellulose Structure Properties Relationships // Cellulosics: Materials for Selective Separations and Other Technologies. Ellis Horwood Ed., 1993. P. 185–194; Сухов Д.А. Анализ взаимосвязи строения и свойств целлюлозных волокон по их колебательным спектрам: Автореф. дисс. ... д-ра хим. наук. СПб., 2002. 34 с.; Герасимова Н.Г., Деркачева О.Ю., Сухов Д.А. Изучение влияния отбели и старения на бумагу с использованием ИК-Фурье спектроскопии // Теория и практика сохранения памятников культуры: Сб. научных трудов / РНБ. СПб., 2003. Вып. 21. С. 73–78.

³ Герасимова Н.Г., Деркачева О.Ю., Сухов Д.А. Указ. соч.

⁴ Sukhov D.A., Derkacheva O.Yu., Fedorov A.V., Koskenhely K., Paltakari J. The Use of FTIR Spectroscopy in Determination of Refining Effects // Proceed. of 8th European Workshop on Lignocellulosics and Pulp (Riga, August 22–25, 2004). Riga, 2004. P. 345–348.

⁵ Salvini P., Gorassini A. FTIR – Deconvolution Spectra of Paper Documents // Restaurator. 2002. № 23. P. 48–66; Garside P., Wyeth P. Polarised ATR-FTIR Characterisation of Cellulosic Fibres in Relation to Historic Artifacts // Restaurator. 2004. № 25. P. 249–259.

⁶ Герасимова Н.Г., Добрушина С.А., Вовк Н.С. Исследование светового отбеливания бумаги в установке «Пультекс» с люминесцентными лампами // Обеспечение сохранности памятников культуры: традиционные подходы – нетрадиционные решения / (Материалы V междунар. конф.) СПб.: РНБ, 2006. С. 151–166. Благодарим авторов статьи за любезно предоставленные нам для анализа образцы бумаги.

⁷ Dynina A.V., Derkacheva O.U. Using Infrared Spectroscopy and Principal Component Regression for Study of the Bleaching and Ageing Influence on Paper Brightness // Proceed. of 7th International Symposium on Chemometrics WSC7 (February 15–19, 2010). P. 79–80.

⁸ Деркачева О.Ю., Сухов Д.А., Федоров А.В. Стабильность спектральных моделей лигнина и углеводного комплекса в лигноцеллюлозных материалах // Материалы международной конференции «Физикохимия лигнина» (АГТУ, 3–6 июля 2005). Архангельск, 2005. С. 177–180.

⁹ Sukhov D.A., Derkacheva O.Yu., Kheyfetz D.M., Gellerstedt G., Josefsson T. Alternative to the Multivariate Characterization of Pulp // Extended Abstracts of the 4th European Workshop on Lignocellulosics and Pulp. Stresa, 1996. P. 400–404.

¹⁰ Sukhov D.A., Derkacheva O.Yu., Kheyfetz D.M., Kazanskiy S.A. The New Prospects of FTIR Spectroscopy for Non-Destructive Testing Paper Artistic and Cultural Objects // 4th International Conference «Non-Destructive Testing of Works of Art». Berlin, 1994. V. 2. P. 795–798; Сухов Д.А., Деркачева О.Ю., Хейфец Д.М., Евстигнеев Э.И., Казанский С.А. Перспективы инфракрасной Фурье-спектроскопии как неразрушающего метода анализа предметов искусства и культуры, сделанных с использованием древесины, растительных волокон, целлюлозы // Теория и практика сохранения памятников культуры: Сб. научных трудов. СПб., 1995. Вып. 17. С. 105–110.

С.В. Сурро

РЕНТГЕНФЛУОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ БУМАГИ В ЭКСПЕРТНОМ ИССЛЕДОВАНИИ РУССКОГО РИСУНКА (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ «ПЕТРОВСКИХ МАЛЫШЕЙ» ИЗ СОБРАНИЯ ГРМ)

Проблема неразрушающего исследования бумаги уже давно стоит перед всеми, кому приходится сталкиваться с задачами ее анализа и идентификации. Появившиеся в последнее время подделки высокого качества заставляют разрабатывать новые методы экспертизы, используя достижения современной науки и техники, такие, как рентгенфлуоресцентный анализ (РФА).

При анализе произведений искусства неразрушающий характер РФА представляет большие преимущества по сравнению с такими (разрушающими) методами, как химический или эмиссионный спектральный анализы. Если в условиях крупных предприятий бумагоделательной промышленности существует возможность экспериментировать с производимыми образцами бумажного полотна, то специфика музейной работы подобной возможности не дает.

Традиционно бумага европейского производства датируется по филиграну, ширине верже и понтюзо, характеру отливки, цвету и характеру органической основы (тряпичная, целлюлозная и т.п.). Сложность точной датировки классическими методами очевидна: филигрань не всегда присутствует, точность датировки многих филиграней не высока.

Такие особенности бумаги, как малая толщина и плотность и, соответственно, малое содержание неорганических примесей, усложняют их обнаружение. Но, как оказалось, именно эти, незначительные по своему количеству, примеси содержат в себе массу полезной информации.

Применение нового типа детекторов позволило существенно расширить область использования РФА в экспертной работе и открыло одну из интереснейших и перспективных страниц в исследованиях предметов графики и живописи на бумажной основе. Благодаря существенно лучшему энергетическому разрешению, прибор X-Art M позволяет получать спектры высокого качества, с помощью которых можно датировать бумажную основу рисунков по наличию в них неорганических микропримесей. С помощью данного анализа можно достоверно установить наличие в бумаге около 15 элементов, самым легким из которых является сера, а самым тяжелым – висмут.

Быстрое развитие науки и техники в XVIII–XX вв. не оставило в стороне и бумагоделательную промышленность. В производстве бумаги нашли применение новые материалы и технологии, передовые достижения в области химии и машиностроения. Менялись материалы, из которых изготавливали сетки для отлива бумажного полотна; появились новые отбеливатели и наполнители, усилился контроль над качеством исходного сырья и используемой воды. Благодаря этому, удалось выделить несколько хронологических периодов в бумажном производстве последних четырех столетий.

В ходе работы было исследовано более 1500 образцов датированных бумаг, выпущенных в XVII–XX вв., как в России, так и за рубежом. В качестве материала для данной статьи из этого числа были отобраны русские бумаги,

произведенные за 100 лет (с 1730-х до середины XIX в.), вержированные, белого цвета. Отбирались листы, имеющие ясно читаемую филигрань и датировку. На их основе были выведены закономерности в изменении элементного состава бумаг. Нижняя хронологическая граница обусловлена тем, что в России промышленное производство бумаги появилось только в начале XVIII в. Были изучены листы, произведенные в указанный период времени на двадцати русских мануфактурах, расположенных в семи губерниях России.

Русская бумага рассматриваемого периода отличается от аналогичной импортной по своему составу и внешнему виду. Вплоть до конца XVIII в. визуально она более грубая и «облачная». Затем качество изготовления улучшается, и по внешнему виду отечественная бумажная продукция приближается к иностранным образцам.

В русской бумаге XVIII в. содержится большое количество неорганических примесей, которые по своему набору отличаются от состава микропримесей зарубежных образцов (рис. 1, 2). Одной из наиболее важных отличительных особенностей отечественной бумаги является высокий уровень марганца и меди в составе бумажной массы. Мы склонны объяснять это несовершенством технологического процесса производства и спецификой используемых материалов. Если марганец в большом количестве встречается в составе русских бумаг на всем исследуемом промежутке, то медь появляется в конце 1730-х гг. и встречается в течение примерно 30 лет практически у всех российских производителей. Вероятно, это следствие использования листоотливных форм, изготовленных с применением меди или обитых медью емкостей для сырья (черпальных чанов и проч.). Потом концентрация меди падает до уровня зарубежных образцов и остается низкой на протяжении всего XIX в. (рис. 3).

В качестве примера применения РФА в музейной практике можно упомянуть проведенное нами исследование серии рисунков, известных в литературе как «Петровские малыши». Небольшая коллекция из 28 рисунков начала XVIII в. поступила в Русский музей из собрания князя А.Н. Аргутинского-Долгорукова в 1928 г. Впоследствии весь этот графический материал был опубликован Е.И. Гавриловой¹; ею же было высказано предположение об авторе рисунков, которым исследовательница считала Федора Васильева (1670–1737), художника-архитектора петровского времени. Авторство Ф. Васильева было принято некоторыми исследователями, сами рисунки неоднократно воспроизводились в изданиях по искусству XVIII в. Тем не менее, очевидная разностильность работ породила дискуссию, продолжавшуюся около четверти века. Появились новые публикации, где точка зрения Е.И. Гавриловой на датировку, авторство и подлинность этой серии рисунков подвергалась сомнению².

В результате проведенного нами рентгенфлуоресцентного анализа бумаги «Петровских малышей» было установлено, что 20 из 28 рисунков выполнены на голландской бумаге и датируются последней четвертью XVIII в. На это указывают характерные добавки в бумаж-

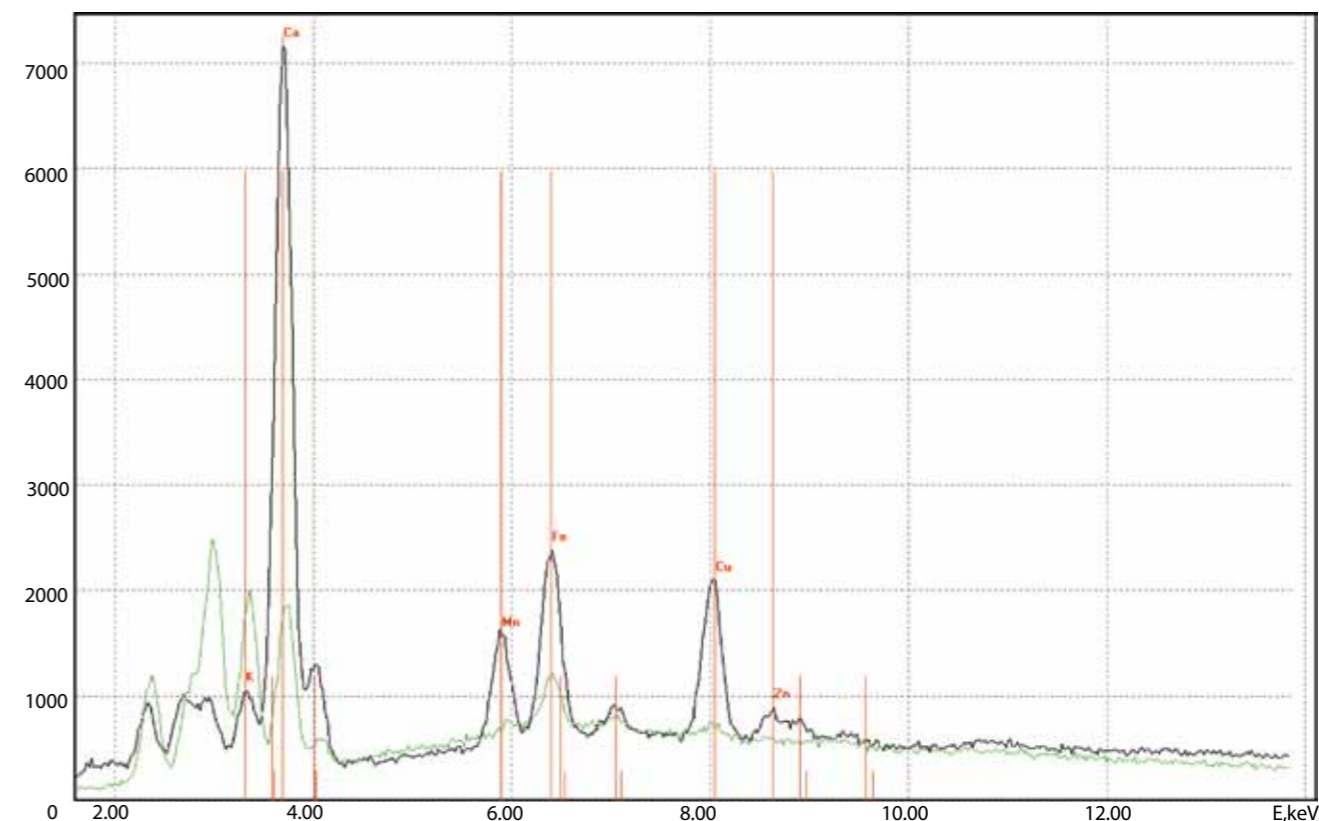

Рис. 1. Сравнительный анализ двух листов. Зеленый спектр – французская бумага 1730-х гг.; черный спектр – русская бумага 1730-х гг.

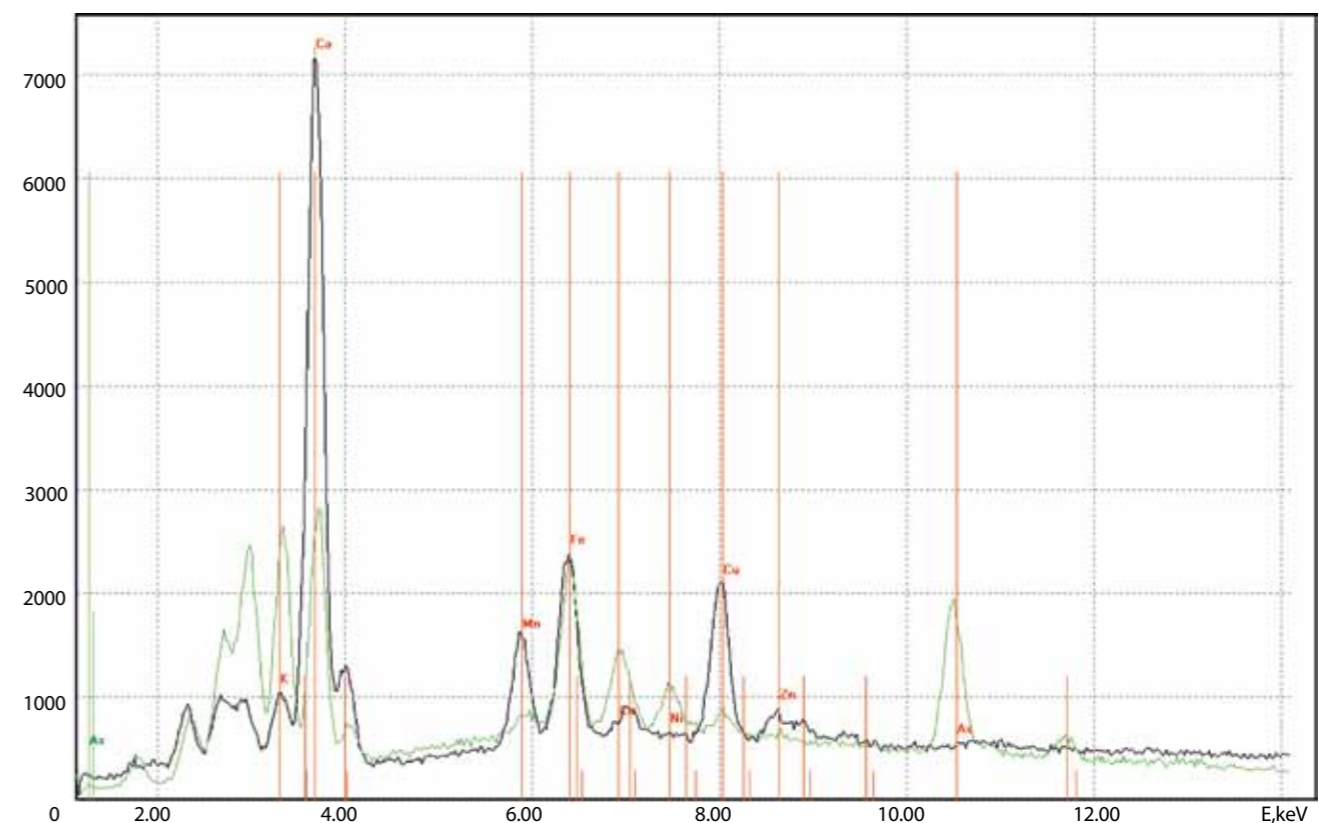

Рис. 2. Сравнительный анализ двух листов. Зеленый спектр – голландская бумага 1740-х гг.; черный спектр – русская бумага 1730-х гг.

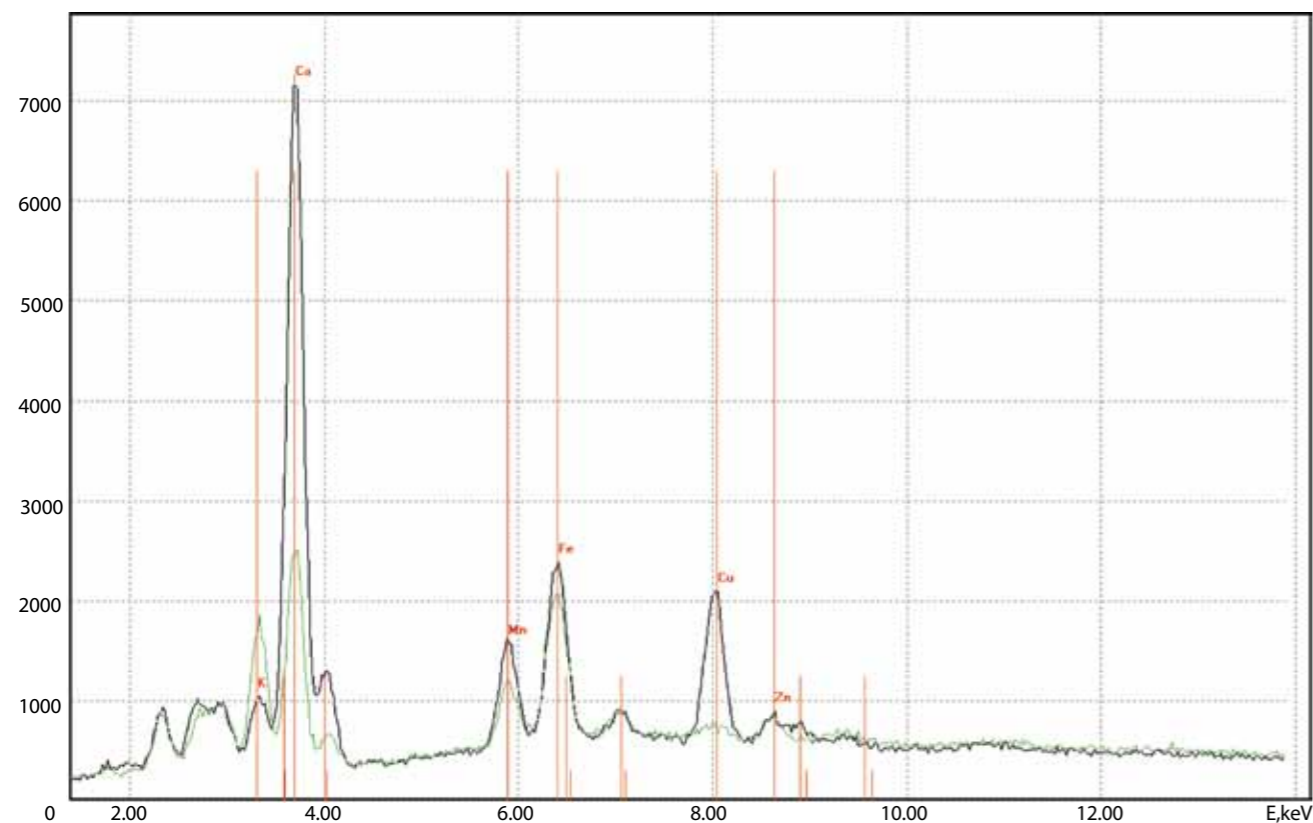

Рис. 3. Сравнительный анализ двух листов одной мануфактуры (Полотняно-заводской мануфактуры Гончаровых), произведенных в разное время. Зеленый спектр – бумага 1800-х гг.; черный спектр – бумага 1730-х гг.

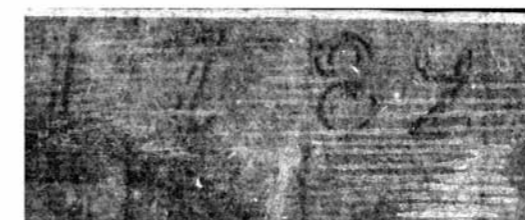
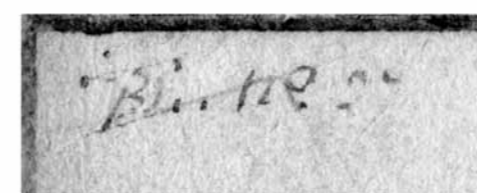

Рис. 6. «Камер-коллегия» (серия «Петровские малыши»); подпись к рисунку; фрагмент филигранны; спектр бумаги

ной массе, содержащие минералы смальтин и никелин (рис. 4, 5). Среди датированных музейных образцов такие бумаги появляются только с середины XVIII в. и пропадают в самом начале XIX в. Кроме того, имеющиеся на некоторых из этих листов водяные знаки позволили уверенно вывести эти 20 рисунков за хронологические рамки петровской эпохи и сместить датировку бумаги на конец XVIII в.

На бумаге того же времени, но русской, было выполнено еще два рисунка. Об этом позволяют судить состав бумаги и фрагмент водяного знака, содержащий дату выработки, на одном из них (рис. 6). Еще четыре листа из исследуемой серии имеют одинаковый состав, и на одном из них обнаружен водяной знак 1725–1735 гг. Только два оставшихся листа могут датироваться началом XVIII в. Это бумага рисунков «Партикулярная гавань. Кроншлот» и «Трубецкой раскат». Оба рисунка имеют монограммы и даты, «1721» и «1719», соответственно. Монограмма на рисунке «Трубецкой раскат» подверглась подчистке. Помимо этого, в третьей цифре даты, проставленной на рисунке, вверху имеется утрата овальной формы. Она появилась как результат превращения цифры «7» в «1». Можно предположить, что первоначально на рисунке стояла дата «1779». В инфракрасной области спектра также видны дополнительные поздние записи и дорисовки. Так, над изображением ворот тушью был сделан рисунок двуглавого орла.

В конце XIX–начале XX в. фальсификация русского рисунка достигла больших масштабов. Эта ситуация

была описана, в частности, А.А. Сидоровым в «Записках собирателя»³. В случае с «Петровскими малышами», некто, знавший антикварный спрос и интересы самого А.Н. Аргутина-Долгорукого, соединил рисунки в серию, чтобы сбыть их коллекционеру. Поэтому появились архаизированные надписи, подчистки, двуглавые орлы и измененные даты. Сюжеты, которые нашли отражение в рисунках, постоянно присутствовали в исторической и искусствоведческой литературе конца XIX–начала XX вв., посвященной юбилею начала царствования Петра I и 200-летию Петербурга.

В результате проведенного нами исследования серия рисунков «Петровские малыши» была исключена из ряда натуральных рисунков петровского времени, а авторство Ф. Васильева – полностью опровергнуто.

Метод РФА представляет несомненный интерес для специалистов, связанных с изучением произведений искусства на бумажной основе. Неразрушающий анализ особенно ценен в тех областях, где недопустимо даже минимальное нарушение целостности объекта. Большая достоверность метода связана с высокой точностью измерений при малых концентрациях примесей в бумаге и, следовательно, однозначным определением наличия или отсутствия интересующих нас датировочных элементов. Рентгенфлуоресцентный анализ не является абсолютным инструментом для датировки бумаги, но вместе с традиционными – оптико-электронными и химическими методами – может дать гораздо более достоверные и объективные результаты.

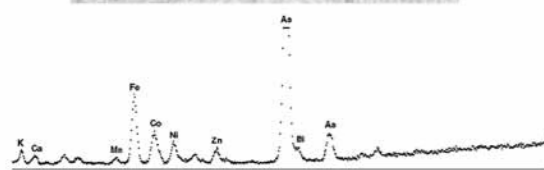
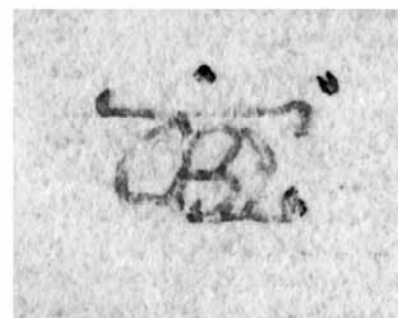

Рис. 4. «Церковь Симеона и Анны» (серия «Петровские малыши»); подпись к рисунку; спектр бумаги

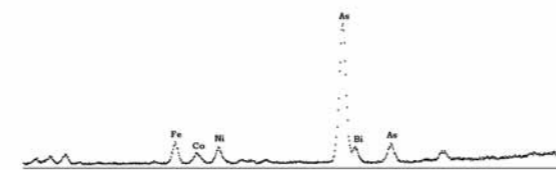
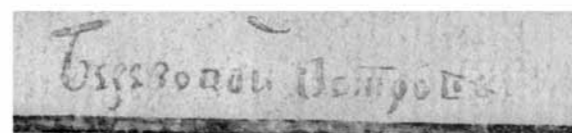

Рис. 5. «Березовый остров» (серия «Петровские малыши»); подпись к рисунку; спектр бумаги

¹ Гаврилова Е.И. «Санкт-Петербург» 1718–1722 годов в натуральных рисунках Федора Васильева // Русское искусство первой четверти XVIII в.: Сб. научных трудов / под ред. Т.В. Алексеевой. М., 1974.

² См.: например, Малиновский К.В. Архитектор Федор Васильев // Петровское время в лицах: Сб. трудов Государственного Эрмитажа. СПб., 2000.

³ Сидоров А.А. Записки собирателя: Книга о рисунках старых и новых. М., 1969.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

Тихонов П.А., Захарова А.А. Семья Тихоновых (1870-е–1980-е гг.) и ее роль в истории отечественной фотографии // Фотография. Изображение. Документ. 2011. Вып. 2 (2). СПб., 2011. С. 4–16.

На протяжении века (1870-е–1880-е гг.) судьбы трех поколений семьи Тихоновых были связаны с наиболее передовыми направлениями в развитии фотографии в России: портретной и видовой съемкой, образовательной, научно-исследовательской и промышленной фотографией, оптическими исследованиями и т.д. Статья является первым подробным описанием истории этой уникальной фотографической династии и посвящена воспоминаниям младшего представителя семьи, инженера-оптика А.Н. Тихонова о своем деде, самом известном из фотографов г. Вятки рубежа XIX–XX вв., П.Г. Тихонове и отце, Н.П. Тихонове, талантливом ученом, крупном специалисте в области фотоаналитического исследования памятников. В статье впервые приводится краткая социальная типология фотографов (на примере отдельной семьи).

Ключевые слова: история российской фотографии, фотографическая династия Тихоновых, воспоминания, художественная фотография, научная фотография, оптика, социальная типология, П.Г. Тихонов, Н.П. Тихонов, А.Н. Тихонов.

Москаленко А.В. Музей палеографии АН СССР: от собрания древностей Н.П. Лихачева к Институту вспомогательных исторических дисциплин // Фотография. Изображение. Документ. 2011. Вып. 2 (2). СПб., 2011. С. 17–22.

К изучению судьбы Николая Петровича Лихачева специалисты обращались не раз. Не раз в этих работах освещался вопрос о коллекции Н.П. Лихачева (икон и памятников письменности), истории ее собрания и сохранения.

Проблемы цели создания, научного статуса и функционирования собрания Н.П. Лихачева – составляющие концепции Музея палеографии, напротив, никогда еще не становились предметом специальных исследований. Между тем, именно концепция Музея палеографии была напрямую связана с важнейшей целью, к которой стремился ученый, кропотливо подбирая и собирая воедино множество памятников письменности.

Ключевые слова: Н.П. Лихачев, Музей палеографии АН СССР.

Богданов А.А. Петр Алексеевич Картавов и его коллекции // Фотография. Изображение. Документ. 2011. Вып. 2 (2). СПб., 2011. С. 23–37.

В статье рассматривается история жизни и деятельности петербургского коллекционера Петра Алексеевича Картавова (1873–1941), воссозданная на основе документов, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. П.А. Картавов был неутомимым собирателем и исследователем «предметов русской старины» – прежде всего рукописей. Его собирательская деятельность имела несколько направлений (они отражены в схеме, приложенной к статье): русские книги XVIII–XIX вв.; печатные и рукописные материалы, связанные с Вольтером и Некрасовым; документы ведомственного происхождения; автографы знаменитых людей, боны и марки. Важно отметить, что свои «неисчерпаемо богатые коллекции» П.А. Картавов не только собирал, но и изучал, понимая историческую и источниковедческую ценность собранного.

Во второй половине 1920-х–начале 1930-х гг. П.А. Картавов был активным деятелем Ленинградского общества библиофилов. Он погиб в Ленинграде в 1941 г., а его архив и собрание были переданы в Государственную Публичную библиотеку и только в наше время вводятся в научный оборот как комплекс материалов, собранный трудами одного человека.

Ключевые слова: П.А. Картавов, Н.А. Некрасов, А.Н. Радищев, Вольтер, история собирательства, русские журналы начала XX в., русские книги XVIII–XIX вв., нумизматика, бонистика, коллекции исторических бумаг, автографы, экслибрисы, Государственная Публичная библиотека, блокада Ленинграда.

Ляховицкий Е.А. Классификация в филигранографии: удобство поиска или возможность интерпретации? // Фотография. Изображение. Документ. 2011. Вып. 1(2). СПб., 2011. С. 38–48.

Статья посвящена методике классификации водяных знаков бумаги ручного отлива. В результате анализа классификационных систем современных альбомов и баз данных выясняется, что господствующий на данный момент принцип формальной дробной классификации не способен обеспечить верную интерпретацию водяного знака в нуждах экспертизы документа. За основу классификации следует брать закономерности, связывающие графику водяного знака и историю производства и бытования бумаги.

Ключевые слова: бумага ручного отлива, филигранография, принципы классификации филиграней, графика водяных знаков, история бумажного производства.

Быстрова Е.С. Скоропись в русской палеографии // Фотография. Изображение. Документ. 2011. Вып. 2 (2). СПб., 2011. С. 49–60.

Статья посвящена анализу функционирования термина «соропись», который, наряду с терминами «устав» и «полуустав», является основным термином, используемым в отечественной палеографии для характеристики письма. Статья основывается на анализе соответствующих разделов учебников палеографии, специальных исследований о скорописи, основных толковых и энциклопедических словарей XVIII–XXI вв. Анализируются палеографические таблицы, основные концепции «типов письма», взгляды исследователей на время возникновения скорописи, ее функцию, внешние влияния на ее развитие, переход скорописи в письмо Нового времени.

Ключевые слова: русская палеография, типы письма, скоропись, устав, полуустав, историография русской скорописи.

Сиренов А.В. Жалованная грамота Ивана Грозного Владимирскому Успенскому собору 1550 г.: фальсификация и ее выявление оптическими методами // Фотография. Изображение. Документ. 2011. Вып. 2 (2). СПб., 2011. С. 61–62.

«Исследующая фотография» на заре своего существования предназначалась для выявления слабобитаемых записей, а также исследования древних рукописей на предмет обнаружения подделок. За прошедшее с тех пор столетие возможности и сфера применения фотоанализа, как стали называть «исследующую фотографию», существенно расширилась. Но и сейчас первоначальная задача оптических методов исследования сохраняет свою актуальность. Примером тому могут служить результаты изучения Жалованной грамоты 7058 (1549/1550) г. царя Ивана IV к лиру Успенского собора г. Владимира. С помощью фотоаналитических методов автору удалось доказать факт фальсификации завершающей части документа. Высказано предположение о том, что подделка грамоты была сделана в XVIII в. для подтверждения первенствующей роли Успенского собора в церковном почтении Андрея Боголюбского.

Ключевые слова: фотоаналитические методы, Жалованная грамота царя Ивана IV к лиру Успенского собора г. Владимира 1550 г., Андрей Боголюбский.

Торопова М.В. Современные аспекты установления относительной давности выполнения реквизитов документов // Фотография. Изображение. Документ. 2011. Вып. 2 (2). СПб., 2011. С. 63–65.

В статье изложены результаты работы по установлению относительной давности выполнения различных реквизитов на участках пересечения адсорбционно-люминесцентным методом с применением нового устройства для освещения на основе мощных светодиодов монохроматического света видимого диапазона. Устройство применяется с микроскопом или видеоспектральным компаратором. На устройство получен патент (авторы: О.Ю. Миловидова, Г.Н. Сабаев, М.В. Торопова). В работе особое внимание уделяется решению экспертной задачи по установлению последовательности выполнения печатных текстов на цветных струйных принтерах и рукописных записей пастами для шариковых ручек или гелевыми чернилами, и показана возможность ее успешного решения адсорбционно-люминесцентным методом.

Ключевые слова: монохроматическое излучение, светодиоды, люминесценция, копирование, микроскопия, последовательность выполнения реквизитов документов.

Деркачева О.Ю., Сухов Д.А., Хейфец Д.М. Молекулярная спектроскопия как основа экспертной системы различных типов бумаги // Фотография. Изображение. Документ. 2011. Вып. 2 (2). СПб., 2011. С. 66–71.

Бумага представляет собой сложный по составу и структуре композиционный материал. Это обуславливает специфику решения широкого круга задач, стоящих перед исследователями при изучении исторических объектов, имеющих бумажную основу: идентификация бумаги, анализ и оценка ее состава и структуры, выбор оптимальных условий хранения и наиболее мягких режимов при выполнении реставрационных работ.

Учет этой специфики находит свое отражение в развитии различных физико-химических методов исследования памятников истории и культуры. Одним из таких методов является метод инфракрасной Фурье-спектроскопии, который широко используется для оценки химического состава и структуры объектов различного происхождения и назначения.

Ключевые слова: исследование исторической бумаги, ИК-Фурье спектроскопия, экспертная система исторических типов бумаги.

Сирро С.В. Рентгенфлуоресцентный анализ бумаги в экспертном исследовании русского рисунка (на примере изучения «Петровских малышей» из собрания ГРМ) // Фотография. Изображение. Документ. 2011. Вып. 2 (2). СПб., 2011. С. 72–75.

Проблема неразрушающего исследования бумаги уже давно стоит перед всеми, кому приходится сталкиваться с задачами ее анализа и идентификации. Метод рентгенфлуоресцентного анализа (РФА) представляет несомненный интерес для специалистов, занимающихся изучением произведений искусства на бумажной основе. В работе приводятся результаты РФА бумаги серии рисунков «Петровские малыши» из собрания Государственного Русского музея, традиционно датированных первой четвертью XVIII в. Рентгенфлуоресцентный анализ в совокупности с оптико-электронными методами исследования бумаги рисунков помог раскрыть фальсификацию начала XX в. и показал, что «Петровские малыши» являются рисунками разных авторов конца XVIII в.

Ключевые слова: рентгенфлуоресцентный анализ, бумага ручного отлива, русский рисунок XVIII в., «Петровские малыши», Ф. Васильев, А.Н. Аргутинский-Долгоруков.

SUMMARIES

Tikhonov P.A., Zakharova A.A. Tikhonov family (1870's–1980's) and its role in the history of Russian photography. P. 4–16.

For a century-long period (from 1870's to 1980's) the lives of the three generations of Tikhonov family were connected with most progressive developments in Russian photography: portraits and views, educational, scientific, research, industrial photography, optical research etc. This article contains the first detailed description of the history of this unique photographic dynasty and is based on the memories of its youngest member, optical engineer A.N. Tikhonov, about his grandfather P.G. Tikhonov, best known photographer in Vyatka at the turn of the XX century, and his father N.P. Tikhonov, talented scientist and outstanding specialist in photo-analytical research of monuments. The article contains, for the first time, short social typology of photographers (by example of one family).

Key words: history of photography, the Tikhonov photographic dynasty, memories, art photography, scientific photography, optics, social typology, P.G. Tikhonov, N.P. Tikhonov, A.N. Tikhonov.

Moskalenko A.V. Paleography Museum of the USSR Academy of Sciences. From N.P. Likhachev's collection of antiques to the Museum of auxiliary historical disciplines. P. 17–22.

The work of the great scientist Nikolay Petrovich Likhachev has been theme of many articles. These works also mention Likhachev's collection (icons and scripts), describe the history of its development and preservation. The reasons for creation of Likhachev's collection, its scientific status and functioning, being inherent aspects of the concept of Paleography Museum, have not yet been subject of direct research. However, the concept of Paleography Museum was directly connected with the most important purpose that the scientist aimed for as he laboriously selected and assembled the numerous scripts.

Key words: N.P. Likhachev, Paleography Museum at the USSR Academy of Sciences.

Bogdanov A.A. Pyotr Alexeyevich Kartavov and his collections. P. 23–37.

The article is dedicated to the description of life and work of St.-Petersburg collector Pyotr Alexeyevich Kartavov (1873–1941), based on the documents from the Manuscript Department of the National Library of Russia. P.A. Kartavov was an untiring collector and researcher of the «objects of Russian antique», and first of all manuscripts. His work as collector covered several fields of interest (as represented in the scheme displayed in the article): Russian XVIII–XIX century books; printed materials and manuscripts connected with Voltaire and Nekrasov; clerical documents, autographs of famous people, bonds and stamps. Not only did Kartavov assemble his «inexhaustibly rich collections» but he also researched the materials that he came across as he understood their historical and source study value.

In the late 1920's – early 1930's Kartavov was actively involved with the Leningrad Bibliophile society. He died in Leningrad in 1941. His archive and collection were transferred to the National Library of Russia. It is only in our times that they are introduced in science and research area as a single body of material put together by the effort of one person.

Key words: P.A. Kartavov, N.A. Nekrasov, A.N. Radishev, Voltaire, history of collecting, Russian early XX century magazines, Russian XVIII–XIX century books, numismatics, bonistics, historical papers collections, autographs, exlibris, National Library of Russia, Leningrad Blockade.

Lyakhovitsky E.A. Classification in the study of water marks. P. 38–48.

The article is dedicated to the methodology of classification of hand-made paper. The study of classification systems found in

modern albums and data bases shows that the presently dominant principle of formal classification does not allow to conduct adequate water mark interpretation for the needs of document expertise. Classification should be based on the consideration of common factors of the graphics of water mark and the history of paper production and consuming.

Key words: hand-made paper, water mark study, principles of water mark classification, water mark graphics, history of paper production.

Bystrova E.S. «Skoropis» in Russian paleography. P. 49–60.

The article is dedicated to the functioning of the term «skoropis», which along with terms «ustav» and «poluustav» is one of the basic terms used in description of writing in Russian paleography. The article is based on the analysis of the corresponding chapters of paleography text books and research works on «skoropis», as well as articles featured in most important dictionaries and encyclopedias of the XVIII–XXI centuries. The article analyses paleography tables, major concepts of «writing types», researchers' opinions on the time of emergence of «skoropis», its function, foreign influence on its development, its transition to the modern writing.

Key words: Russian paleography, types of writing, «skoropis», «ustav», «poluustav», Russian «skoropis» historiography.

Sirenov A.V. Grant-charter of Ivan the Terrible to Vladimir Cathedral of the Assumption, 1550: falsification and its discovery by optical methods. P. 61–62.

The «investigation photography» was initially intended for the discovery of poorly deciphered records, as well as for investigation of manuscripts for forgeries. During the last hundred years the field of application of photoanalysis, as the «investigation photography» has been named more often recently, has widened. However, the initial purposes of optical investigation methods are still important, to which a good example are the results of the investigation of the Grant-charter 7058 (1549/1550) granted by Tsar Ivan IV to the clergy of the Cathedral of Assumption in Vladimir. The use of photo-analytical methods allows to reveal falsification of the final part of the document. It is suggested that the Grant-charter was falsified in the XVIII century in order to confirm the superior position of the Cathedral in clerical worship of duke Andrey Bogolyubsky.

Key words: photo-analytical methods, Grant-charter of 1550 by Tsar Ivan IV to the clergy of Vladimir Cathedral of Assumption, Andrey Bogolyubsky.

Toropova M.V. Contemporary aspects of determination of the relative age of documents' requisites. P. 63–65.

The article reflects the results of work on the determining of relative age of execution of various requisites on the parts of intersection by the adsorbtion-luminescent method with the use of new lighting appliance on the basis of powerful diodes emitting monochromatic light of visible range. The appliance is used with microscope or video-spectral comparator. The appliance is patented (to the names of O.Y. Milovidova, G.N. Sabayev, M.V. Toropova). The article gives special attention is given to determining the sequence of execution of printed texts on colored inkjet printers and manuscript records made with ball-point pen inks or gel writing ink, as well as shows the possibility of successful use of the adsorbtion-luminiscent method for this purpose.

Key words: monochromatic emission, light-emitting diodes, luminescence, copying, microscopy, succession of the execution of document requisites.

Derkachyova O.Y., Sukhov D.A., Heyfets D.M. Molecular spectroscopy as the basis of expert system of various types of papers. P. 66–67.

Paper is a material with complex composition and structure. This determines the specifics of solution of a wide range of tasks met by researchers during investigation of historical objects on paper base. These tasks include identification of paper, analysis and evaluation of its composition and structure, definition of best storage conditions and most sparing treatment methods at restoration. This specifics is taken into consideration during the development of various methods of research and investigation of the monuments of history and culture. One of such methods is the method of Infrared Fourier-transformed spectroscopy, widely used at the research of chemical composition and structure of objects of various origin and purpose.

Key words: historical paper research, Infrared Fourier-transformed spectroscopy, expert system of historical types of paper.

Sirro S.V. X-Ray-fluorescent analysis of paper in the expertise of Russian drawings (by the example of research of «Petrovskiye Malyski» from the collection of the State Russian Museum). P. 72–75.

The problem of non-destroying research of paper has been for a long time important to the researchers engaged in analysis and identification of papers. The method of X-Ray-Fluorescent analysis is undoubtedly interesting for specialists researching paper-based artworks. The article describes the results of X-Ray-Fluorescent analysis of «Petrovskiye Malyski», a series of drawings from the collection of the State Russian Museum, traditionally attributed to the first quarter of XVIII century. The use of the method of X-Ray-fluorescent analysis, together with electronic investigation of the paper, allowed to determine that «Petrovskiye Malyski» drawings were made in the late XVIII century.

Key words: X-Ray-fluorescent analysis, hand-made paper, Russian XVIII century drawings, «Petrovskiye Malyski», F. Vasilyev, A.N. Argutinsky-Dolgorukov.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Богданов Андрей Альбертович – аспирант кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, abogdanov2111@rambler.ru

Быстрова Елена Сергеевна – аспирант кафедры истории России с древнейших времен до начала XX в. исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, библиотекарь Отдела рукописей Российской национальной библиотеки; BystrovaElena274@yandex.ru

Деркачева Ольга Юрьевна – кандидат химических наук, доцент кафедры физики Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров, derkachevaou@rambler.ru

Захарова Алина Андреевна – старший хранитель фондов Центрального государственного архива кинофотофонодокументов, matrusik@yandex.ru

Ляховицкий Евгений Александрович – аспирант кафедры истории России с древнейших времен до начала XX в. исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, stoglav@bk.ru

Москаленко Александра Викторовна – выпускница кафедры музейного дела и охраны памятников философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, al.v.moskalenko@gmail.com

Сиренов Алексей Владимирович – доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, sirenov@rambler.ru

Сirro Сергей Валентинович – заведующий отделом технологических исследований Государственного Русского музея, sirgo2008@rambler.ru

Сухов Дмитрий Александрович – доктор химических наук, профессор кафедры физики Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров, dmitry_sukhov@mail.ru

Тихонов Петр Алексеевич – доктор химических наук, профессор кафедры реставрации факультета искусств Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, Tikhonov_p-a@mail.ru

Торопова Марина Владимировна – ведущий эксперт Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, martor@bk.ru

Хейфец Дмитрий Михайлович – руководитель отдела «Портальные решения» компании «АйТи»

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Адрес редакции сборника
«Фотография. Изображение. Документ.»:
191186, а/я 45, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д.35,
+7 (812) 314 1214, 314 6184
www.rosphoto.org
e-mail: editor@rosphoto.org

I. Правила публикации статей в сборнике «Фотография. Изображение. Документ.»

1.1. Материал, предлагаемый для публикации должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Рекомендованный объем 17–32 тыс. печатных знаков с пробелами. Авторы присылают авторские материалы, оформленные в соответствии с правилами сборника, по электронной почте, обычной почтой или передают лично ответственному секретарю редколлегии. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией издания после ее рецензирования и обсуждения. Решение редколлегии фиксируется в протоколе заседания.

1.2. Все рукописи, поступающие в редакцию, направляются на рецензирование. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же подразделении, где выполнена работа, а также члены редколлегии сборника.

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы передается копия рецензии.

1.3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

II. Комплектность и форма представления авторских материалов

2.1. Обязательными элементами публикации являются: Индекс УДК (печатается над фамилией автора слева) – должен подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.gsnti-norms.ru/norms/common/doc.asp?2&/norms/udc/udcs.htm>); совместно таблицы: <http://teacode.com/online/udc/>); фамилия и инициалы автора (соавторов); название статьи; основная часть; примечания и библиографические ссылки; аннотация на русском и английском языках (с переводом фамилии автора (соавторов) и названия статьи); ключевые слова на русском и английском языках; сведения об авторе.

2.2. Общие правила оформления текста
Авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210х297 мм), с полуторным междустрочным интервалом. Цвет шрифта – черный, высота букв, цифр и других знаков – не менее 1,8 мм (кегель 12). Текст следует оформлять, задавая следующие размеры полей: правое – 25 мм, левое – 25 мм, верхнее – 25 мм, нижнее – 25 мм.

Разрешается использовать следующие компьютерные возможности акцентирования элементов текста: курсив, полужирный курсив, полужирный прямой. Подчеркивание текста нежелательно.

Все авторские материалы принимаются только в формате RTF (Reach Text Format). Подготовленный в текстовых редакторах MS Word или OpenOffice Writer авторский материал следует экспортировать, сохранив в формате RTF.

Страницы публикации не нумеруются, колонтитулы не создаются.

2.3. Оформление иллюстраций

Иллюстрации (фотографии, чертежи, графики, схемы, диаграммы) располагаются в статье непосредственно после абзаца, в котором они упоминаются впервые, вразрез текста.

Все иллюстрации должны иметь наименование и, в случае необходимости, пояснительные данные (подрисночный текст); на все иллюстрации даются ссылки в тексте статьи. Слово «рисунок» или «иллюстрация», порядковый номер, наименование и пояснительные данные располагаются непосредственно под рисунком.

Иллюстрации следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется.

Чертежи, графики, диаграммы, схемы, иллюстрации, помещаемые в публикации, должны соответствовать требованиям государственных стандартов Единой системы конструкторской документации (ЕСКД).

Все иллюстрации к тексту должны быть не только заверстаны в текст, но обязательно представлены отдельными файлами. Электронные цветные или полутонные иллюстрации предоставляются в формате TIF, разрешение не менее 300 dpi.

Штриховые иллюстрации (чертежи, графики, схемы, диаграммы) должны быть представлены в формате AI, EPS.

Текстовое оформление иллюстраций в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, греческие символы – прямое начертание, латинские – курсивное.

2.4. Оформление таблиц

Таблицы применяются для лучшей наглядности и удобства сравнения показателей. Все таблицы должны иметь наименование и ссылки в тексте. Их наименование должно отражать содержание, быть точным, кратким и размещаться над таблицей.

Таблицу следует располагать непосредственно после абзаца, в котором она упоминается впервые.

Таблицу с большим количеством строк допускается переносить на другую страницу.

Заголовки граф, как правило, записывают параллельно строкам таблицы; при необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф.

Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman, 9 кегль, греческие символы – прямое начертание, латинские – курсивное.

2.5. Примечания, ссылки и библиографическое описание источников

Ссылки на авторские примечания в тексте оформляются в порядке следования в тексте «звездочками» (астерисками), непосредственно после поясняемого слова, выражения или абзаца, без пробела, как правило, перед знаком препинания. Если количество астерисков более пяти, примечание оформляется следующим образом: ^{6*}, ^{7*} и т.д. Текст примечаний дается в конце статьи единым блоком, сразу после основного текста.

Образец:

В тексте:

Н.П. Кондаков в письме к А.Ф. Бычкову пишет, что сделано «до 1500 снимков на 15 альбомов»**

В примечаниях:

** ОР РНБ. Ф. 120 (Бычковы). № 799. Л. 10б. В следующем письме Кондаков сообщает, что «снимков альбома имеется более 1000 (не сосчитано), приблизительно на 15 альбомов или экземпляров альбома».

Список используемой литературы приводится в кон-

це статьи, после авторских примечаний, организованный в алфавитном порядке (сначала латиница, затем кириллица, затем другие шрифтовые системы по группам). Каждый источник нумеруется. Обязательно указывается объем документа (если ссылка дается на весь документ), сведения о местоположении объекта ссылки в документе (если ссылка дается на часть документа), обозначение или порядковый номер тома или выпуска (для ссылок на публикации в многостраничных или сериальных документах). Оформление библиографических описаний – производится согласно ГОСТ Р 7.0.5.-2008.

Образец

1. *Serebryakov A.S., Koudryashov V.I., Toropov V.Yu., Malykh I.I., Moroz A.P.* Absolute measurement of the coating thickness with the use of ED XRF spectrometer // Art2008: 9th International Conference «Non-destructive investigations and microanalysis for the diagnostics and conservation of cultural and environmental heritage», Jerusalem (Israel), May 25-30, 2008. Program and Abstracts. P.148. URL: <http://www.ndt.net/article/art2008/papers/096Serebryakov.pdf> (дата обращения: 15.12.2010).

2. *Кудряшов В.И., Парфенов В.А., Серебряков А.С.* Применение рентген-флуоресцентного анализатора для контроля лазерной очистки в реставрации // Оптический журнал. 2010. Т. 77. № 8. С. 8–12.

3. *Сирро С.В., Римская-Корсакова С.В., Серебряков А.С., Кудряшов В.И.* Незаменимый музейный эксперт // Атомная стратегия. 2006. № 7(21). С. 31.

Указание на затекстовые ссылки в списке используемой литературы делаются непосредственно в тексте статьи, в квадратных скобках. Указывается порядковый номер ссылки, в случае необходимости – том, часть, выпуск и т.д.

Образец

Подробный анализ документов и методики работы Фартусова дан в работах Г.С. Соколовой [8] и И.Я. Качаловой [5].

2.6. Форма представления авторских материалов

2.6.1. Текст статьи, распечатанный на принтере. Обязательно следует указать фамилию и инициалы автора (соавторов) и название статьи.

2.6.2. Текст статьи в электронном виде на компакт-диске или флэш-карте в отдельном файле в формате RTF. Название файла – фамилия автора + «Ст». Например «Сидоров Ст.rtf». В случае, если статья написана в соавторстве, файл называется фамилией только того автора, который указан первым в порядке перечисления.

2.6.3. Текст аннотаций и ключевые слова на русском и английском языках (перевод названия на английский язык *обязателен*), распечатанные на принтере.

2.6.4. Текст аннотаций и ключевые слова на русском и английском языках (перевод названия на английский язык *обязателен*) в электронном виде в отдельном файле. Название файла – фамилия автора + «Ан». Например: «Сидоров Ан.rtf». В случае, если статья написана в соавторстве, файл называется фамилией только того автора, который указан первым в порядке перечисления.

2.6.5. Файлы иллюстраций и диаграмм, распечатанные на принтере.

2.6.6. Файлы иллюстраций и диаграмм в электронном виде. В одном файле – одна иллюстрация или диаграмма в формате TIF (для полутонных и цветных изображений) или AI, FH, CDR, EPS (для векторных изображений). Название файла – фамилия автора + «Рис №», строго в порядке следования в статье. Например: «Сидоров Рис 1.tif»

2.6.7. Сведения об авторе, распечатанные на принтере.
2.6.7.1. Полные фамилия, имя и отчество автора (соавторов).

2.6.7.2. Уровень научной подготовки автора: аспирант, соискатель, докторант, научная степень, звание. Общее количество публикаций, работа по грантам (кратко). Основное место работы и должность. Круг научных интересов.

2.6.7.3. Контактная информация (обязательно):

- телефон с указанием кода города

- адрес электронной почты

2.6.8. Сведения об авторе в электронном виде в отдельном файле. Название файла – фамилия автора + «Свед». Например: «Сидоров Свед.rtf».

2.6.9. Рецензия или отзыв научного руководителя (консультанта), заверенная печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров.

2.6.10. В случае пересылки материалов по электронной почте распечаток на принтере не требуется. Рецензию или отзыв следует отсканировать с разрешением 100 dpi (полноцветное изображение). Сохранить в отдельный файл в формате JPG со средним качеством компрессии. Название файла – фамилия автора + «Рец». Например: «Сидоров Рец.jpg». Настоятельно рекомендуем авторам перед отправкой всех предоставляемых ими электронных материалов произвести их пробную распечатку.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ,
ПОСТУПИВШИХ В РЕДКОЛЛЕГИЮ СБОРНИКА

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию сборника «Фотография. Изображение. Документ.», подлежат обязательному рецензированию.

2. Ответственный секретарь редколлегии определяет соответствие статьи профилю издания, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть член редколлегии сборника.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным секретарем редколлегии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы: а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме; б) насколько статья соответствует современным достижениям научной мысли; в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности иллюстраций, таблиц, диаграмм, рисунков и формул; г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы; д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором; е) рекомендуется, с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков или не рекомендуется статья к публикации в сборнике.

5. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

6. Рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

7. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный секретарь редколлегии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

8. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

9. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией сборника и фиксируется в протоколе заседания редколлегии.

10. После принятия редколлегией сборника решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь редколлегии информирует об этом автора и указывает сроки публикации. Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсу или обычным почтовым отправлением.

11. Оригиналы рецензий хранятся в редакции в течение пяти лет.

*Редколлегия сборника
«Фотография. Изображение. Документ.»*